

бернар
[верб*ер]

:смех Циклопа

Дарий по прозвищу ЦИКЛОП – любимец французской публики и лучший в мире комик. Полные залы, овации, гомерический хохот. Годы успеха и славы. Все это исчезло в одно мгновение. Осталось лишь безжизненное тело в личной гримерке.

Великий комик мертв. Журналисты Исидор и Лукреция убеждены, что эта смерть не случайна – Циклопа убили. Они начинают собственное расследование, которое приводит их туда, где РОЖДАЕТСЯ СМЕХ.

Новый бестселлер культового французского писателя Бернара Вербера, автора мировых бестселлеров «Империя ангелов», «Муравьи», «Зеркало Кассандры».

Бернар Вербер

Смех Циклопа

Посвящается Изабелле

Смех свойственен только человеку.

Франсуа Рабле

Я считаю, что телевидение очень способствует развитию культуры. Каждый раз, когда дома кто-нибудь включает телевизор, я ухожу в соседнюю комнату и сажусь читать.

Граучо Маркс

Смеяться можно надо всем, но не со всеми.

Пьер Деспрож

*Людьми нас делает не ум.
Людьми нас делает человечность.*

Пьер Тейяр де Шарден

Акт I

«Ни в коем случае не читать»

Почему мы смеемся?

– ... И тогда он прочитал фразу, расхохотался и умер!

По огромному залу парижской «Олимпии» словно пробегает дрожь. Тишина. И вот зрители начинают смеяться. Волна веселья, мощная и округлая, словно гигантский пузырек шампанского, нарастает, а затем рассыпается дождем аплодисментов.

Юморист Дарий кланяется.

Это невысокий голубоглазый человек с черной пиратской повязкой на глазу, со светлыми, слегка вьющимися волосами, в розовом смокинге и бабочке того же цвета, в белой рубашке. Он скромно, едва заметно улыбается и снова кланяется, отступает на шаг. Публика легендарного зала встает, овации усиливаются.

Артист приподнимает черную повязку и показывает спрятанное в пустой глазнице маленькое, светящееся пластиковое сердечко. Зрители в ответ закрывают правой ладонью правый глаз: это фирменный жест поклонников комика. Дарий возвращает повязку на место и медленно отходит в глубь сцены.

Публика скандирует:

– Да-рий! Да-рий!

Но пурпурный тяжелый бархатный занавес уже начинает медленно опускаться. Гаснут прожектора над сценой, в зале постепенно загораются люстры.

Крики не стихают:

– Еще! Еще! Еще!

А комик, весь в поту, уже бежит по коридору за кулисами. Зал не успокаивается и ревет:

– Циклоп! Циклоп! Еще! Еще!

Коридор у гримерки Дария забит поклонниками. Комик пожимает руки. Произносит какие-то слова. Берет подарки. Благодарит. Его бьет нервная дрожь. Он вытирает лоб, снова и снова приветствуя почитателей своего таланта. С трудом протискивается сквозь толпу. Добравшись наконец до гримерки, он просит телохранителя проследить, чтобы его больше не беспокоили. Закрывает дверь, украшенную его портретом и именем. Запирается на два оборота ключа.

Проходит несколько минут.

Телохранителю удается оттеснить толпу. Он разговаривает с дежурным пожарным, когда из гримерки доносится взрыв хохота, а затем грохот, как будто кто-то упал. И наступает долгая тишина.

«Конец легенды».

«Розовый клоун отклонялся».

«Самый популярный француз умер в „Олимпии“ от сердечного приступа».

«Прощай, Дарий, ты был лучшим».

С такими заголовками выходят газеты на следующий день. С этой темы начинается выпуск дневных новостей.

– Мы узнали об этом вчера вечером, в половине двенадцатого. Знаменитый юморист Дарий, известный также как Великий Дарий или Циклоп (настоящее имя – Дарий Мирослав Возняк), умер от сердечного приступа после выступления в «Олимпии». Страшное известие потрясло всю Францию. Блестящая карьера прервалась на самом пике. Слово нашему специальному корреспонденту, который находится на месте событий.

На экране появляется длинная очередь. Люди в дождевиках, под зонтами стоят перед входом в кассы знаменитого мюзик-холла. В кадре маячит размахивающий микрофоном журналист.

– Да, Жером! Именно здесь умер накануне вечером Великий Дарий. Это событие поразило всех, словно громом. Здесь же состоится и грандиозное представление, посвященное памяти Циклопа – об этом нам сообщили сегодня утром. Потрясающее шоу соберет всех юмористов – друзей Дария. Они оденутся в костюмы розового клоуна и будут читать его миниатюры. Как вы сами видите, новость распространилась со скоростью света – толпы поклонников кинулись покупать билеты.

Ведущий благодарит корреспондента и продолжает выпуск.

– Президент Республики направил семье Дария письмо, в котором говорится: «Кончина Циклопа – это огромная потеря, как для мира эстрады, так и для всего нашего народа. От меня ушел не только один из самых остроумных моих сограждан, от меня ушел друг, который дарил мне, как и многим французам, минуты радости в самых непростых ситуациях».

Ведущий опускает листок на стол, складывает на нем руки.

– Похороны Дария Возняка состоятся в узком кругу в среду в одиннадцать часов утра на кладбище Монмартра.

Если бы я мог выбирать, то хотел бы умереть спокойно, во сне, как мой дедушка.

И конечно, не вопить от ужаса и не биться в истерике, как это делали триста шестьдесят девять пассажиров «Боинга», который дедушка пилотировал за несколько секунд до смерти.

Отрывок из скетча Дария Возняка «После меня хоть потоп»

Вторник, одиннадцать часов утра. Общее собрание сотрудников журнала «Современный обозреватель», работающих в разделе «Общество». Кабинет руководителя раздела Кристианы Тенардые напоминает гигантский аквариум.

Она кладет ноги в сапогах на мраморный стол.

Человек пятнадцать журналистов сидят, утонув в больших кожаных диванах. Они чувствуют себя несколько неуютно и, чтобы придать себе уверенности, вертят в руках журналы, блокноты, ручки, что-то сосредоточенно ищут в своих ноутбуках.

– Вот чего ждет от нас читатель! Вот что должно быть в следующем номере, и для этого надо работать, работать и работать. Не отвлекаться на мелочи! Докопаться до самого дна бездны. Весь выпуск будет посвящен теме «Смерть Циклопа».

Журналисты одобрительно мычат.

– Газеты уже расхватили все, что можно, и нужно найти что-то новое. Неожиданное! Необычное! Исключительное! Я хочу услышать ваши потрясающие предложения.

Тенардые кивает журналисту, сидящему справа, у самой батареи:

– Максим, какие идеи?

– Дарий и политика, – говорит он.

– Слишком избито. Общеизвестно, что он был обласкан всеми существующими партиями. И делал вид, что поддерживает их все, не поддерживая ни одну.

– Можно развить тему. Он представлял среднего француза, Францию низов. Малоимущие признали его официальным выразителем своих идей. Он был избран «Самым популярным французом». Можно осветить это и с другой точки зрения, ответив на вопрос: «Почему народ так любил его?»

– Мы рискуем скатиться к излишнему популизму. Обойдемся без демагогии. Следующий. Ален?

– Дарий и секс. Можно составить список его побед. Ведь у него в постели побывало немало знаменитостей. И некоторые из них довольно фотогеничны. Это могло бы придать номеру... э-э-э... живости.

– Слишком вульгарно. У нас не бульварный журнал, и это может повредить нашему имиджу. А главное, такие фотографии стоят слишком дорого. Следующий.

Флоран Пеллегрини, знаменитый криминальный репортер, поднимает красивое лицо, отмеченное сорока годами работы и алкоголизма, и неторопливо произносит:

– Дарий и деньги. Я знаком со Стефаном Крауцем, его бывшим продюсером, он с удовольствием расскажет об экономической империи Дария. У него был настоящий замок в пригородах Парижа. Он открыл отделения «Циклоп Продакшн» за границей. Вместе с братьями управлял производством всех сопутствующих товаров и зарабатывал огромные деньги. Уверю вас, сердечко в глазу – это бренд, который отлично продается.

– Слишком приземленно. Еще идеи? Франсис?

– Тайны его нелегкой молодости. Подробности несчастного случая, во время которого он потерял глаз. И как он использовал свое увечье, превратив его в фирменный знак. У меня даже заголовок готов: «Реванш Циклопа».

– Слишком приторно. Истории о несчастном ребенке, боровшемся за место под солнцем, слишком откровенно выжимают слезу. Об этом уже тысячу раз писали. Напрягитесь, игра стоит свеч. Шевелите мозгами. Следующий. Клотильда?

Журналистка встает, словно примерная ученица.

– Дарий и экология. Он поддерживал борьбу с загрязнением окружающей среды и даже участвовал в демонстрациях против строительства атомных электростанций.

– Слишком слабо. Сейчас все звезды борются за экологию, это модно. Боже, какое убожество. Совершенно в вашем стиле.

– Но, госпожа Тенардье...

– Никаких «госпожа Тенардье». Бедная Клотильда, ни одной толковой идеи. Вы зря теряете время, пытаетесь стать журналистом. Вам бы лучше коз доить.

Раздаются приглушенные смешки. Жертва издевательств задета за живое и с возмущением смотрит на Тенардье.

– Вы... вы... вы...

– Что? Сволочь? Сука? Шлюха? Постарайтесь найти точное определение. И если у вас нет ничего интересней, чем идиотский «Дарий и экология», то молчите и не заставляйте нас тратить время попусту.

Клотильда резко поворачивается и выходит, хлопнув дверью.

– Ах! Она идет рыдать в туалет! Никакой выдержки. А еще хочет стать настоящим репортером. Следующий. Ваша блестящая идея?

– Дарий и молодежь. Он основал школу юмористов и театр, чтобы помогать молодым талантливым комикам выбиться в люди. Предприятия некоммерческие. Вся прибыль идет на поддержку начинающих артистов.

– Слишком просто. Мне нужно что-нибудь поострее, чтобы выделиться на фоне других журналов. Что-то действительно захватывающее, о чем никто не знает. Давайте! Шевелите мозгами!

Все переглядываются, больше ничего никому в голову не приходит.

– А что, если смерть Дария... это преступление?

Тенардье оборачивается к тому, кто произнес эти слова, и видит Лукрецию Немрод, молодую журналистку, пишущую о науке.

– Что за чушь. Следующий.

– Подождите, Кристиана, дайте ей высказаться, – замечает Флоран Пеллегрини.

– Да это полная ерунда! Убийство! Может быть, еще и самоубийство?

– У меня есть зацепки, – спокойно произносит Лукреция.

– И что же это за «зацепки», мадемуазель Немрод?

Лукреция выдерживает небольшую паузу и говорит:

– Пожарный из «Олимпии», который стоял рядом с гримеркой в момент смерти Дария, заявляет, что слышал хохот прямо перед тем, как Дарий упал.

– Ну и что?

– По его словам, Дарий очень громко рассмеялся, а потом неожиданно рухнул на пол.

– Бедная Лукреция, вы что, соревнуетесь с Клотильдой по части нелепых предположений?

Журналисты насмешливо перешептываются.

Максим Вожирар, торопясь поддержать начальницу, добавляет:

– Это не может быть преступлением! Гримерка была закрыта изнутри на ключ, у дверей стояли телохранители, «розовые громилы» Дария. И кроме того, на труп не обнаружено никаких повреждений.

Лукреция не дает сбить себя с толку.

– Мне кажется странным то, что Дарий так громко расхохотался за несколько секунд до смерти.

– Почему же, мадемуазель Немрод?

– Потому что юмористы редко смеются.

Тенардье роется в сумочке и извлекает оттуда миниатюрную гильотинку. Потом достает маленький кожаный портсигар, выуживает из него сигару, вдыхает аромат табака. Кладет сигару в гильотинку и отрезает кончик. Пеллегрини царапает что-то на листке бумаги. Лукреция, не торопясь, излагает.

– Производители пищи обычно не едят то, что производят, потому что знают, из чего сделан их товар. Врачи не любят лечиться. Виктор Гюго, объясняя, почему он не читает других авторов, говорил: «Коровы не пьют молока».

Журналисты кивают. Лукреция чувствует себя более уверенно и продолжает:

– Модельеры часто плохо одеты. Журналисты не верят тому, что пишут в газетах.

Флоран Пеллегрини незаметно передает Лукреции записку, но она не обращает на нее внимания и развивает свою мысль:

– Мы профессионалы, и знаем, с какими искажениями, перекосами и неточностями фабрикуются новости, поэтому мы им не доверяем. Я думаю, что юмористы представляют себе, как сочиняются шутки, и нужно нечто из ряда вон выходящее, чтобы заставить их расхохотаться.

Две женщины с вызовом смотрят друг на друга.

Кристиана Тенардье, редактор раздела «Общество» в «Современном обозревателе»: костюм от Шанель, блузка от Шанель, часы от Шанель, духи от Шанель, рыжие крашенные волосы, черные глаза, скрытые голубыми линзами. Из своих пятидесяти двух двадцать три года проработала в редакции. Многие утверждают, что она доросла до своей должности благодаря таланту к закулисным играм. Она поднялась по карьерной лестнице, не написав ни одной статьи, не проведя ни единого расследования, ни разу не выехав на место событий. Кое-кто намекает, что ей помогли интрижки с директорами журнала, но, ввиду ее непривлекательной внешности, это кажется маловероятным.

Лукреция Немрод, начинающая журналистка двадцати восьми лет. Пришла в журнал одной из последних, работает внештатно, специализируется на научной тематике. В ее активе шесть лет журналистских расследований и сотня репортажей. У нее тоже рыжие волосы. Но натурального цвета, что подтверждают веснушки, усеивающие ее щеки. Миндалевидные глаза искрятся изумрудной зеленью. Лицо с маленьким острым носом и волевым подбородком напоминает мордочку землеройки. Изящная головка венчает подвижное, тренированное тело в черной китайской блузе с вышитым красным драконом, которого пронзает меч.

Кристиана Тенардье молча раскуривает сигару, что свидетельствует о том, что она сосредоточенно думает.

– Убийство Циклопа... Это может стать настоящей сенсацией, – признает Флоран Пеллегрини. – Утром нос ежедневным газетам.

Тенардье выпускает длинную струйку дыма.

– Или навсегда потеряем доверие читателя и станем посмешищем всего Парижа. Улики все-таки очень и очень спорные.

Она пристально смотрит на молодую журналистку, которая не отводит глаз. Между ними идет безмолвный поединок, вечная борьба претендентов на власть: так Александр Великий некогда бросил вызов своему отцу Филиппу II Македонскому, так Брут, смерив Цезаря яростным взглядом, нанес ему удар кинжалом, так Даниэль Кон-Бендит насмерть стоял против французских жандармов в 1968 году. И все та же мысль не дает покоя представителям молодого поколения: «Освобождай место, старая развалина! Твое время прошло, теперь будущее за мной».

Кристиана Тенардье все это понимает. Она достаточно умна, чтобы помнить, как заканчиваются такие поединки: очень редко победой старшего. Помнит об этом и Лукреция.

Субординация на предприятии служит лишь одному: воспитанию в молодых терпения, думает она. Мы должны ждать, пока некомпетентные старики, пресытившись

властью, отдадут ее в наши руки.

– Смерть Циклопа – преступление?.. – задумчиво повторяет Тенардье.

Журналисты уже начинают вполголоса переговариваться, насмехаясь над Лукрецией. По отношению к властям предержащим нужно проявлять лояльность.

Тенардье выпрямляется и решительным жестом тушит сигару.

– Очень хорошо, мадемуазель Немрод, я разрешаю вам начать расследование. Но ставлю два условия. Во-первых, я требую основательности, улики, настоящих серьезных свидетельских показаний, фотографий, фактов.

Журналисты кивают в такт ее словам.

– И во-вторых, удивите меня!

Когда было создано человеческое тело, каждая из его частей захотела сделаться главной.

МОЗГ сказал: я контролирую всю нервную систему, я должен стать главным.

НОГИ сказали: мы поддерживаем все тело в вертикальном положении, мы должны стать главными.

РУКИ сказали: мы делаем всю работу и зарабатываем деньги, чтобы кормить тело, мы должны стать главными.

ГЛАЗА сказали: мы добываем основную информацию о внешнем мире, мы должны стать главными.

РОТ сказал: я всех кормлю, я должен стать главным.

То же самое сказали СЕРДЦЕ, УШИ и ЛЕГКИЕ.

Наконец заговорила ДЫРКА В ЗАДНИЦЕ. Она тоже хотела стать главной. Прочие части тела засмеялись при мысли, что какая-то ДЫРКА В ЗАДНИЦЕ хочет ими управлять.

Тогда ДЫРКА В ЗАДНИЦЕ рассердилась. Она закрылась и отказалась работать. От этого МОЗГ впал в лихорадочное возбуждение, ГЛАЗА остекленели, НОГИ почувствовали слабость и потеряли способность ходить, РУКИ бессильно повисли, а СЕРДЦЕ и ЛЕГКИЕ начали борьбу за жизнь. И все стали умолять МОЗГ уступить и позволить ДЫРКЕ В ЗАДНИЦЕ сделаться главной.

Так и произошло. Все части тела опять заработали нормально, а ДЫРКА В ЗАДНИЦЕ принялась всеми командовать. Основным ее занятием, как у всякого начальника, достойного этого названия, стало разгребание «дерьма».

Мораль: совершенно не обязательно быть умным, чтобы сделаться начальником. Шансов стать им у самой обычной ДЫРКИ В ЗАДНИЦЕ гораздо больше, чем у кого бы то ни было другого.

Отрывок из скетча Дария Возняка «У дырки в заднице есть будущее»

Глаза Лукреции пробегают современную басню «Мозг и дырка в заднице», ее губы улыбаются, руки теребят листок бумаги, который Флоран Пеллегрини незаметно передал ей во время собрания.

Какую поддержку может оказать вовремя рассказанная шутка!— думает она.

После собрания Пеллегрини садится за свой стол, прямо напротив стола Лукреции.

— Только один вопрос — ты с ума сошла, Лукреция? С чего это ты вдруг решила, что Дария убили? Ты вляпалась в жуткую историю. А ты ведь знаешь, что Тенардые с тебя глаз не спускает. Ты надеялась войти в штат к концу года, а теперь стала первым кандидатом в безработные.

Лукреция морщится и обхватывает себя за плечи.

— Я люблю загадочные убийства в закрытом помещении. Хочу переплюнуть Гастона Леру!

Флоран Пеллегрини насмешливо хмыкает.

— Что это за убийство без следов на теле жертвы, без улик, свидетелей и мотива?

Лукреция замечает кучу писем, скопившихся на ее столе. Она решает не обращать на них внимания.

— Я люблю, когда расследование действительно трудное.

— Но ты понимаешь, что ввязалась в опасное дело?

— Я очень любила Циклопа.

Пеллегрини с искренней жалостью смотрит на Лукрецию.

— Твои байки про Виктора Гюго, который говорил, что коровы не пьют молока, меня не убеждают.

Старый журналист морщится. Лукреция знает, что его мучают боли в печени. Он слишком много пьет и уже прошел несколько курсов дезинтоксикации. Чтобы заглушить страдания, он достает бутылку виски и стакан, но, подумав, начинает пить прямо из горлышка.

Флоран боится начальства, старается всем угодить, постоянно заключает сделки с совестью. Ни за что не стану такой, как он.

Пеллегрини делает большой глоток, морщится еще сильнее, потом продолжает:

— Будь осторожна, Лукреция! Ты не видишь, что ходишь по краю пропасти. Если споткнешься, в «Современном обозревателе» никто не протянет тебе руку помощи. Даже я. А затея расследовать смерть Дария мне кажется просто бредовой.

Он протягивает ей бутылку. Лукреция колеблется, потом качает головой.

А вдруг он прав? Вдруг я совершила большую ошибку в выборе сюжета? В любом случае, отступить слишком поздно.

Она смотрит на листок с шуткой, комкает его и запускает в корзину для бумаг. И промахивается на несколько сантиметров.

Старый журналист дрожащей рукой поднимает бумажный комок, бросает... и попадает в цель.

Ворон с черным блестящим оперением летит высоко в небе. Вокруг кружат товарищи. С громким карканьем они садятся на расколовшийся могильный камень. Их крики сливаются в пронзительную песню, доставляющую удовольствие только им самим.

Главное событие дня – похороны Циклопа.

Процессия медленно следует за катафалком, украшенным розовыми флажками, на которых изображен глаз с сердечком внутри. Здесь родственники Дария, его друзья, лучшие мастера веселья, шуток, каламбуров и розыгрышей.

Все грустны и утешают друг друга тем, что хотя бы дождь прекратился на несколько минут. Замыкают процессию политики, актеры и певцы.

Фотографов тут почти столько же, сколько участников траурной церемонии. Жандармерия и «розовые громилы», представители службы безопасности «Циклоп Продакшн», не дают толпе поклонников Дария прорваться на кладбище.

Траурный кортеж останавливается у открытого склепа. На розовом мраморе золотыми буквами выбито: «ЛУЧШЕ БЫ ТУТ ЛЕЖАЛИ ВЫ».

Священник поднимается на возвышение и, проверив микрофон, говорит:

– Эта эпитафия станет его последней шуткой. Я пообещал Дарию, что напишу эти слова на его могиле. Он знал, что Господь может в любой момент призвать его к Себе. «Лучше бы тут лежали вы». Сколько иронии – и вместе с тем сколько искренности. Отбросим лицемерие, сказал мне Дарий, это слова, под которыми подписался бы кто угодно.

Среди всхлипываний раздаются сдержанные смешки. Только одна женщина с лицом, закрытым черными кружевами, рыдает в голос. Какой-то пожилой человек начинает довольно громко смеяться, и окружающие смотрят на него с осуждением.

– Не смущайтесь, – продолжает священник. – Смейтесь. Дарий смеялся надо всем. Он посмеялся бы и над своими похоронами. Он смеялся надо всем, но по-доброму. Великодушно. Смиренно. Многие не знают, но Циклоп был верующим человеком. Каждое воскресенье, почти тайком, Дарий посещал мессу. Он говорил: «Комику не полагается ходить в церковь».

Несколько новых смешков нарушают тишину.

– Дарий был моим другом. Он рассказывал мне о своих тревогах, сомнениях, о стремлении к самосовершенствованию. Поэтому я с большей уверенностью, чем кто бы то ни было, могу заявить: в каком-то смысле это был святой человек. Он не только доставлял радость близким и зрителям, он еще и помогал молодым талантливым юмористам – в своей школе смеха, в своей телепередаче и в своем частном театре.

Женщина под вуалью рыдает все громче.

– Иисус сказал: «Бог есть любовь», но можно добавить... «Бог есть смех».

На некоторых лицах появляются одобрительные улыбки.

– Все мы должны постоянно воспитывать в себе не только чувство любви к ближнему, но и чувство юмора.

Люди сморкаются в платки. Какой-то человек в шляпе с широкими полями рыдает, поддерживая женщину под вуалью.

– Дорогой Дарий, всеми любимый Циклоп, ты покинул нас, оставил нас сиротами. Ты погрузил нас в печаль. Прости, но твоя последняя шутка оказалась неудачной...

Теперь слышны лишь всхлипывания. Смех умолкает.

– Пыль, ты станешь пылью, прах, ты вернешься к праху. Попрощайтесь же с ним. Сначала мать покойного, госпожа Анна Магдалена Возняк.

Священник насыпает в ладонь плачущей женщине горсть земли. Она приподнимает вуаль и бросает землю на гроб, на знаменитую фотографию Дария, где он поднимает пиратскую повязку и, улыбаясь, демонстрирует сердечко в пустой глазнице.

Лукреция подходит ближе. Она разглядывает и запоминает лица.

- Доктор, как же так!.. Ваш коллега поставил мне другой диагноз!
- Ну и что. Вскрытие покажет, что я прав.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Доверяйте медицине, и она оплатит вам сторицей»

Поднимается ветер. Качаются деревья. Колыхнутся кусты. Ветер срывает с людей черные шляпы и вуали, руки в перчатках придерживают их.

Лукреция, выстояв длинную очередь, бросает горсть песка на гроб. Она рассматривает процессию и толпу поклонников за оградой.

Дария больше нет. От меня уходят даже те, кого я считаю близкими по духу. Все покидают меня.

Вот и Циклоп покинул меня.

И родители.

Все, к кому я чувствую привязанность, покидают меня. Словно какое-то насмешливое божество дарит нам встречи с чудесными людьми лишь для того, чтобы затем разлучить нас и полюбоваться сверху нашими расстроенными физиономиями.

Лукреция отходит в сторону и садится на могильный камень проклятого поэта. Ветер кружит в воздухе листья. Ее пробирает дрожь.

На моих похоронах не будет никого. Ни семьи, ни друзей. Надеюсь, что моим любовникам тоже не придет в голову нелепая мысль встретиться у моей могилы.

Она сплевывает на землю. Священник вдалеке продолжает надгробную речь. Лукреция слышит обрывки фраз.

– Дарий Возняк был маяком, освещавшим своим остроумием печальный мир, погруженный во тьму.

Маяк в ночи...

Он был маяком, лучом солнца в моих личных потемках. Он больше не будет освещать мою жизнь, но я попытаюсь пролить свет на обстоятельства его смерти.

Лукреция делает издалека несколько фотографий и садится на мотоцикл «гуччи» с объемом двигателя в тысячу двести кубических сантиметров. Включает в айфоне композицию «Fear of the Dark» английской рок-группы Iron Maiden и сворачивает в сторону кольцевой автодороги. Ее рыжие волосы выбиваются из-под шлема и развеваются на ветру.

Она прибавляет газу, стрелка спидометра подскакивает до ста тридцати километров в час.

Перед смертью я буду лежать в больнице одна.

И умирать буду одна.

И я буду одна, когда мое тело опустят в землю.

Как бомжсей, как некогда актеров, меня бросят в общую могилу, потому что никто не согласится оплатить мой гроб, а священники сочтут, что я слишком много грешила и не заслуживаю погребения в освященной земле.

Никто не заплачет обо мне.

А потом меня забудут. И напоминать обо мне будут лишь статьи в архивах «Современного обозревателя». Те немногие статьи, которые Тенардые разрешила мне подписать своим именем.

Вот и все, что останется после меня на Земле.

Сумасшедший залезает на стену, окружающую психиатрическую больницу, с любопытством осматривается и окликает прохожего:

– Эй, а вас тут много?

Отрывок из скетча Дария Возняка «Необычная точка зрения»

Лукреция возвращается домой. Смотрит на человека, который спит в ее постели, на его одежду, аккуратно сложенную на стуле. Открывает окно. Простыни начинают шевелиться, в простынях, между белыми складками, появляется лицо, приоткрывается глаз.

– А... Лулу! Ты вернулась?

Лукреция хватает пиджак молодого человека и выбрасывает в окно. Немедленно открывается второй глаз.

– Что ты делаешь, Лулу! Ты с ума сошла! Ты что, выбросила мой пиджак в окно? Мы же на пятом этаже!

Лукреция не отвечает. Носки летят вслед за пиджаком. Она берет кожаную сумку, лежащую на стуле, и держит ее за окном на весу.

– Только не это! Там же мой ноутбук! Он хрупкий!

Лукреция выпускает сумку из рук. Снизу доносятся треск расколовшегося пластика и звон разбившегося стекла.

– Убирайся! – говорит она спокойно.

– Какая муха тебя укусила? Ты спятила? Что ты творишь, Лулу?

– У моего поведения три причины. Первая, ты мне надоел. Вторая, я устала от тебя. Третья, ты мне наскучил. И еще четвертая, ты меня раздражаешь. И пятая, по утрам у тебя плохо пахнет изо рта. И шестая, по ночам ты скрипишь зубами, даже скрежещешь, я это ненавижу. И седьмая, я не люблю уменьшительные имена вроде Лулу. Такие прозвища, на мой взгляд, унижительны.

Она берет его рубашку и выбрасывает в окно.

– Но, детка...

– Восьмая причина: еще меньше мне нравятся нелепые обращения, которые подходят любой девушке и любой собачке.

Она выкидывает его трусы.

– Что с тобой случилось, моя обожаемая Лулу?! Ведь я люблю тебя!

– А я тебя больше не люблю. Да и не любила никогда. И я не «твоя», я тебе не принадлежу. Меня зовут Лукреция Немрод. А не Лулу. И не детка. Вон отсюда. Брысь.

Она собирается выкинуть в окно брюки, но парень выскакивает из постели, выхватывает их у нее из рук и быстро надевает.

– Почему ты меня прогоняешь, моя Лу... детк-к... Лукреция?

Она бросает ему ботинки, которые он обувает уже на пороге.

– Пожалуйста. Я уже знаю, как ты выражаешь чувство любви, теперь мне интересно, как проявляется твое чувство юмора. И поскольку я вижу, что ты больше привязан к своим вещам, чем ко мне, иди собирай их на тротуаре. И побыстрей, а то их утащат.

– Клянусь, я люблю тебя, Лукреция! Ты всё для меня!

– «Всё» – этого мало. Я уже сказала, ты мне наскучил.

– Ну, хочешь, я тебя рассмешу?

Ее лицо на секунду меняется.

– Хорошо, даю тебе последний шанс. Попытайся меня рассмешить. Если сумеешь, то останешься.

– Э-э...

Она разочарованно закрывает глаза.

– Не впечатляет.

– Вот, придумал!.. Надзиратель на римской галере говорит гребцам: «У меня две новости,

хорошая и плохая. Хорошая – сегодня у вас будет двойная порция супа!» Все кричат «ура!». «А плохая – капитан хочет покататься на водных лыжах!»

Лукреция невозмутимо говорит:

– У меня тоже две новости, хорошая и плохая. Хорошая: можешь пойти покататься на водных лыжах. Плохая: без меня. Давай, выметайся!

– Но...

Она бросает ему майку и собирается захлопнуть дверь.

– Нет, ты все-таки не...

Лукреция пытается закрыть дверь, он мешает ей, просунув в проем ботинок. Она прыгает ему на ногу, молодой человек кривится от боли и убирает ботинок. Она выталкивает его из квартиры и щелкает замком.

Он стучит в дверь кулаком, звонит в звонок.

– Лукреция! Не бросай меня! Что случилось?

Она открывает дверь.

– Ты забыл это!

Она бросает ему мотоциклетный шлем, который, подпрыгивая, катится вниз по лестнице.

Она очень громко включает «Eruption» рок-группы Van Hallen, садится за стол, разворачивает газеты и запускает компьютер. На экране появляется портрет Циклопа.

«Что случилось? У меня должна быть свежая голова. А тип, который в третьем часу дня еще валяется в постели, небритый и пахнущий козлом, несовместим с моим расследованием. Оно обещает быть непростым, и от его результатов зависит моя судьба.

Мне нужна не обуза, а ракетный двигатель.

Кроме того, он ничего не поймет, так что нечего и время терять.

Сначала действовать, потом – философствовать.

Почему Бог сначала сотворил мужчину, а уже потом женщину?
Потому что для создания шедевра необходим набросок.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Война полов на ваших глазах»

Чиркает спичка. Вспыхивает пламя. Рука подносит огонек к папиросе. Несколько волосков в усах съезживаются. Рот медленно выпускает струйку дыма, закручивающуюся в ленту Мёбиуса.

На голове Франка Тампести, пожарного из «Олимпии», старая хромированная каска, на плечах – потертая кожаная куртка с золочеными нашивками. Он щурится от едкого дыма.

Лукреция думает, что в один ряд с производителями, которые не едят свою продукцию, можно поставить и пожарного, играющего с огнем.

– Я уже все рассказал вашим коллегам. Читайте газеты.

Ха! Ты не знаешь, с кем имеешь дело.

У Лукреции есть большая связка отмычек, которые откроют любой замок. Нужно только выбрать подходящий.

Она достает пятьдесят евро.

Начнем с ключа, который подходит чаще остальных. С денег.

— За кого вы меня принимаете? – возмущается пожарный.

Она предлагает ему еще пятьдесят евро.

– Настаивать бесполезно, – говорит пожарный, отворачиваясь и всем своим видом показывая, что он предпочитает папиросу разговорам с Лукрецией.

Еще пятьдесят евро.

Три бумажки исчезают так быстро, что Лукреции кажется, будто они ей приснились.

– М-м... Это было триумфальное возвращение Дария, который не выступал уже четыре года. Собрались все сливки. Даже министры – культуры, путей сообщения и министр по делам ветеранов войны. Успех был полнейший. Когда Циклоп закончил, публика билась в истерику. На бис он не вышел. Сбежал за кулисы. Времени было одиннадцать двадцать пять или двадцать шесть. Не помню точно. Дарий весь взмок. Понятно, вымотался: два часа отработал на сцене один. Он мне кивнул, машинально, не глядя. Увидел поклонников, столпившихся у гримерки. Раздал автографы, поговорил с ними немного, взял цветы и подарки. Обычное дело. Перед тем как зайти в гримерку, попросил телохранителя, чтобы его не беспокоили. И закрылся на ключ.

– А потом? – нетерпеливо спрашивает Лукреция.

Пожарный затягивается, и половина папиросы превращается в пепел.

– Я остался в коридоре, чтобы проследить, не вздумает ли какой-нибудь мальчишка тайком тут закурить, – говорит он, выпуская клубы сизого дыма. – И вдруг мы с телохранителем услышали, как Дарий за дверью смеется. Я подумал, что он читает скетчи для следующего выступления. Он хохотал все громче и громче, а потом резко умолк. И мы услышали шум, словно он упал.

Лукреция записывает.

– Вы говорите, он смеялся? А что это был за смех?

– Громкий. Очень громкий. Он прямо заходился.

– Долго это продолжалось?

– Нет, совсем недолго. Десять – пятнадцать секунд, двадцать максимум.

– А потом?

– Да я вам говорю: грохот падающего тела – и все. Полная тишина. Я хотел войти, но телохранитель получил строгие указания. Тогда я пошел за Тадеушем Возняком.

– За братом Дария?

– Да. Он еще и его продюсер. Тадеуш разрешил воспользоваться универсальным ключом, я открыл дверь, и мы вошли. Дарий лежал на полу. Вызвали «скорую помощь». Врачи попытались

сделать прямой массаж сердца, но Дарий был уже мертв.

Пожарный тушит окурки и включает противопожарную сигнализацию.

– Можно зайти в гримерку?

– Это запрещено. Нужно разрешение на обыск.

– Как удачно, оно у меня как раз с собой.

Лукреция показывает ему еще пятьдесят евро.

– Что-то я не вижу подписи прокурора.

– Простите, я забыла! Какая рассеянность!

Лукреция достает еще пятьдесят евро. Пожарный быстро забирает обе бумажки и открывает дверь в гримерку. На полу видны контуры тела, очерченные мелом. Лукреция разглядывает очертания труп, делает фотографии.

– Это тот самый розовый пиджак, который был на нем во время выступления?

– Да, никто ничего тут не трогал, – подтверждает пожарный.

Лукреция роется в карманах пиджака и достает пронумерованный список миниатюр с последнего концерта.

А-а... ясно. Чтобы не забыть последовательность скетчей.

Она осматривает пол, становится на четвереньки и находит под столом маленькую коробочку размером с пенал, из синего лакированного дерева с металлическими украшениями.

Это не очешник и не футляр для драгоценностей. Пыли нет. Она попала сюда недавно.

На крышке золотыми чернилами выведены три большие буквы:

«В.О.Т.».

Ниже, более мелко, написано:

«Не читать!».

Пожарный Франк Тампести удивляется:

– Что это?

– Если бы я знала... Может быть, орудие преступления?

Пожарному кажется, что Лукреция издевается над ним, и он недоверчиво качает головой.

– Как можно этим причинить себе хоть какой-то вред? Разве что запихнуть ее себе в горло...

Лукреция фотографирует шкатулку, осматривает ее со всех сторон и открывает. Внутри она обтянута синим бархатом, чуть более светлым, чем дерево снаружи, посередине углубление для какого-то цилиндрического предмета.

– Футляр для ручки? – предполагает пожарный.

– Для ручки или свернутой в трубку бумаги. Поскольку надпись на шкатулке гласит «Не читать!», я склоняюсь ко второму варианту.

– Свернутый листок бумаги?

– Возможно, это часть орудия преступления. Мы нашли «револьвер», теперь надо искать «пулю», – заявляет Лукреция.

Она берет со столика листок бумаги, отрывает кусочек примерно того же размера, что и углубление в шкатулке, скатывает в трубочку, а затем расправляет.

– Вот примерно такого размера был лежавший тут листок...

Она становится туда, где, судя по начерченному на полу силуэту, стоял Дарий Возняк, поднимает руки так, как сделал бы человек, читающий записку, и позволяет листку выскользнуть из пальцев. Медленно кружась, бумажка падает и исчезает под бахромой кресла.

Лукреция ложится на пол, чтобы посмотреть, куда делся листок. Она находит его рядом с другим клочком бумаги – плотным, черным с одной стороны и белым – с другой.

– А вот и «пуля», – торжествующе объявляет она.

– Что это?

Лукреция поднимается с пола, зажав в руке трофей.

– Светочувствительная бумага.

Франк Тампести скручивает новую папиросу.

– Ну, вы и занятая барышня. Шустрей, чем полицейские. И где вы всему этому научились?

– Один друг-журналист показал мне, как нужно осматривать место преступления и искать улики. Судя по размерам шкатулки, туда можно положить только свернутый листок бумаги. Или ручку. Но положили не ручку.

Лукреция еще раз смотрит на синюю лакированную шкатулку и листок фотобумаги, потом оборачивается к пожарному.

– Это никому не нужно, поэтому я все конфискую, – сообщает она, протягивая Франку Тампести очередную купюру, которую тот кладет в карман. – Вы помните, кто дал ему эту шкатулку?

– Нет, но я знаю, как это выяснить. Можно посмотреть записи в помещении, откуда ведется видеонаблюдение.

– Отлично, идем.

Пожарный удерживает Лукрецию.

– Обычного разрешения на обыск будет недостаточно.

Лукреция достает три бумажки по пятьдесят евро.

– Если кто-нибудь об этом узнает, я лишусь работы. Профессиональная этика не позволяет мне даже на минуту представить, что я соглашусь.

Заглянув в бумажник и увидев, что денег там больше нет, Лукреция начинает нервничать.

Делать нечего, испробуем ключ номер два.

Прежде чем пожарный успевает отреагировать, она вцепляется в его запястье и выкручивает до тех пор, пока он не начинает чувствовать острую боль в локтевом суставе. Франк Тампести роняет папиросу и глухо рычит.

– Мы так хорошо понимали друг друга, – шепчет Лукреция. – Через мгновение вам придется выбирать: либо хорошее воспоминание о нашей встрече... – Она сует ему под нос еще одну купюру. – Либо плохое. Решать вам.

Пожарный морщится.

– Разумеется, если мне угрожают, я могу и забыть о профессиональной этике.

Лукреция ослабляет захват и небрежно бросает деньги. Пожарный поспешно ловит их и прячет в карман. Как человек, умеющий проигрывать, он пожимает плечами, поднимает папиросу и ведет Лукрецию к запертому помещению. Садится перед экраном и копирует видеозаписи на диск. Потом разглаживает усы и протягивает диск Лукреции.

– Будем считать, что вы нашли его в мусорном ведре, договорились?

Чем политик отличается от женщины?

Когда политик говорит «да», это означает «может быть».

Когда политик говорит «может быть», это означает «нет».

Когда политик говорит «нет», его называют подлецом.

Когда женщина говорит «нет», это означает «может быть».

Когда женщина говорит «может быть», это означает «да».

Когда женщина говорит «да», ее называют шлюхой.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Война полов на ваших глазах»

Рука вставляет диск в компьютер и включает программу просмотра.

Какую же тайну заключает в себе эта синяя шкатулка?

На экране, разделенном на четыре части, идет запись с камер наблюдения, установленных за кулисами «Олимпиады». Лукреция сразу переходит к просмотру материала, снятого за несколько минут до смерти Дария.

23 часа 23 минуты 15 секунд.

Плотная толпа с цветами и подарками собралась у гримерки. Некоторые поклонники в клоунских масках или в ярком гриме.

Флоран Пеллегрини, великий репортер и сосед по кабинету, подходит к Лукреции и спрашивает:

– Что это за клоуны в розовых костюмах?

– Намек на миниатюру Дария «Я просто клоун». В первых рядах зрители часто сидят в гриме, в розовых костюмах и с повязкой на правом глазу.

23 часа 24 минуты 18 секунд.

Вид сверху. В коридоре появляется Дарий.

23 часа 25 минут 21 секунда.

Он идет к гримерке.

Два журналиста смотрят запись в замедленном режиме. Поклонники протягивают Дарию свертки, которые он небрежно принимает. Вот он останавливается и разговаривает с каким-то человеком, который вручает ему какой-то маленький предмет.

23 часа 26 минут 9 секунд.

Лукреция приближает изображение. Картинка размыта, но можно разглядеть человека в клоунском гриме, протягивающего Дарию темно-синюю лакированную шкатулку. Красный нос, повязка на правом глазу, круглая шляпа, скрывающая волосы.

Лукреция приближает изображение еще больше, и вдруг замечает, что этот человек загримирован не так, как остальные. Уголки его губ опущены, на правой щеке нарисована слеза.

– У меня сестра глухонемая, я умею читать по губам. Наверное, я смогу тебе помочь, – говорит Флоран Пеллегрини.

Лукреция дает крупный план рта, кадр за кадром отслеживая произносимые слова.

Пеллегрини наклоняется к экрану:

– Он говорит Дарию: «Вот... что... ты... всегда... хотел... знать».

Лукреция возвращается назад. Она ищет самое четкое изображение грустного клоуна, увеличивает его и включает принтер, чтобы напечатать изображение на бумаге.

Пеллегрини сдвигает очки на кончик носа и подносит синюю шкатулку к глазам.

– Ты была без перчаток и смазала все отпечатки пальцев?

Черт побери! Я и не подумала об этом! Какая же я дура!

Репортер вглядывается в шкатулку.

– «B.Q.T.»... Что бы это значило? Коэффициент полезного действия? [\[1\]](#)

– Давай посмотрим в Интернете, – предлагает Лукреция.

Пеллегрини задает поиск в «Google» и зачитывает.

– Boeuf Qui Tourne [\[2\]](#). Марка шашлычницы. Belle Queue Tordue [\[3\]](#). Порносайт.

– А на английском что? – спрашивает Лукреция.

– Boston Qualifying Time [\[4\]](#). Be Quiet [\[5\]](#). Big Quizz Thing [\[6\]](#).

Флоран Пеллегрини проводит пальцем по золоченым буквам на крышке шкатулки.

– Внутри было вот это, – добавляет Лукреция.

Пеллегрини осторожно берет в руки клочок бумаги.

– Это фотобумага фирмы Кодак. Я думаю, там был какой-то текст. Дарий прочел его, бумага почернела, и послание стало невидимым. Возникает три вопроса. Первый: что это был за текст? Второй: как именно умер Дарий? Третий: кто хотел его устранить?

Лукреция задумчиво поправляет длинные рыжие волосы.

– А вдруг он умер... от смеха?

Великий репортер морщится.

– Умереть от смеха? Какая ужасная смерть!

– Не знаю. Может быть, это приятно?..

– Ты даже не представляешь, как это может быть больно! У тебя когда-нибудь был приступ неконтролируемого смеха? Судорогой сводит бока, живот, горло, кажется, что голова горит огнем, ты задыхаешься!.. Умереть от смеха? Какой ужас!

Лукреция безуспешно пытается вспомнить, когда в последний раз хохотала от души.

– Что ж, твое расследование начинается удачно, – добавляет репортер. – Тенардые хотела чего-то захватывающего, и, похоже, она это получит. «Убивающий текст» – это уже что-то новое. «Текст, прочитав который можно умереть от смеха» – это эксклюзив. Сначала я не очень-то поверил в твою историю с убийством, но, должен признать, ты готовишь сенсацию. Браво, малышка.

– Не называй меня малышкой, – огрызается Лукреция.

Флоран Пеллегрини улыбается.

– Почему это дело так тебя зацепило? Признайся, это ведь не только профессиональный интерес? Ты тратишь на него слишком много сил. Я могу отличить простое любопытство от одержимости.

Молодая женщина открывает шкаф коллеги, достает бутылку виски и два стакана. Наливает себе до краев. Ее взгляд становится задумчивым.

– Однажды, очень давно, я была... Как бы это сказать... В небольшой депрессии. По телевизору как раз передавали один из скетчей Циклопа, и он поднял мне настроение. С тех пор, сам того не зная, Дарий стал членом моей семьи.

– Понимаю.

– Когда он умер, я словно потеряла «старого дядюшку-весельчака», который под конец обеда, когда все уже наговорились, рассказывает анекдоты.

Она залпом выпивает виски.

– Так ты хочешь отомстить за старого дядюшку-весельчака?

Лукреция пожимает плечами.

– Смешить людей – это великодушно. Дарий спас меня, и я хочу пролить свет на обстоятельства его смерти. Он был лучом солнца, озаряющим потемки моей жизни.

– Слушай, ты становишься поэтом. Это первый шаг к алкоголизму.

Пеллегрини наливает себе полный стакан и чокается с Лукрецией. Она хочет его остановить, ведь старый репортер только что прошел курс дезинтоксикации. Проблемы с печенью едва не стоили ему жизни. Но он успокаивает ее жестом, означающим, что ситуация под контролем. Выпив, он морщится.

– Лукреция, это дело тебе не по зубам. Если ты ничего не нароешь, Тенардые тебя не простит. Она разрешила тебе вести расследование не ради твоих прекрасных глаз, а чтобы доказать, что ты не на что не годишься. Это ловушка.

– Знаю.

– Она не любит тебя.

– Почему?

– Она вообще не любит женщин. Они для нее прежде всего соперницы. Ты красивая и молодая, а она старая и уродливая.

– Я в курсе. «Белоснежку» я читала. «Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее?»

– Я не шучу, Лукреция. Тенардые ищет предлог, чтобы вычеркнуть тебя из списка журналистов на сдельной оплате. Ты бросила ей вызов перед всей редакцией – и теперь рискуешь головой.

Лукреция задумывается. Она кажется все более обеспокоенной. Наливает себе второй стакан виски.

– И что ты посоветуешь, Флоран?

– Сама ты не справишься, тебе нужен помощник. Ты уже прошляпила отпечатки пальцев.

Черт подери, как я могла так опростоволоситься?

– Не хочешь вести расследование вместе со мной?

– Нет. Ты же знаешь, я еле на ногах держусь. Алкоголь – прибежище журналистов, которые слишком много знают. Особенно журналистов «Современного обозревателя». Рано или поздно наступает момент, когда совесть уже не дает нам заснуть без алкоголя. Столько отвратительных вещей произошло в этой редакции у меня на глазах, при полном всеобщем равнодушии. Сколько раз глупость и ложь вылезали на обложку под видом «специального расследования»...

Флоран Пеллегрини хочет налить себе еще, но руки у него дрожат так сильно, что он не сразу справляется с этой задачей. Лукреция помогает ему.

– Только один человек может помочь тебе в таком расследовании. И ты сама знаешь кто.

Молодая журналистка и седой репортер смотрят друг на друга.

– Знаешь, Флоран, я сама сразу же подумала о нем.

– Не сомневаюсь. На самом деле ты мечтаешь провести с ним еще одно расследование и нарочно ввязалась в это дело потому, что оно может его заинтересовать. Так?

Лукреция предпочитает не отвечать. Пеллегрини берет ее за руку и подмигивает.

– Отправляйся к нему в башню. Я уверен, он согласится.

Альпинист поднимается на вершину крутой горы, но вдруг он срывается и падает. Веревки лопаются одна за другой, но ему удается ухватиться за край скалы, и он повисает над пропастью.

Он кричит:

– На помощь! На помощь! Кто-нибудь! Помогите!

Появляется Бог и говорит:

– Я здесь. Отпусти руку, Я тебя поймаю. Доверься Мне, Я тебя спасу.

– На помощь! Есть тут кто-нибудь еще?

Отрывок из скетча Дария Возняка «После меня хоть потоп»

– Нет!

Входная дверь слегка приоткрывается. И резко захлопывается, как только хозяин видит Лукрецию.

Я и забыла, как он любезен.

Она выжидает некоторое время, потом, используя отмычку, открывает замок и проникает в странное жилище. Она выходит к маленькому острову, окруженному водой, на который ведет небольшой мостик.

Исидор одет в пеструю гавайскую рубашку и желтые шорты с фиолетовыми полосками, на носу у него темные очки, на ногах – шлепанцы.

Он сидит за столом, его пальцы летают над клавиатурой. Он ведет себя так, словно не замечает присутствия Лукреции. Не давая себя смутить, она рассказывает ему о плане расследования и предлагает работать вместе.

– Я, кажется, уже сказал вам: нет.

– Но мне нужна твоя помощь...

– Об этом и речи быть не может. Исключено.

– Но...

– Мне очень жаль, но я не буду помогать вам в расследовании. Я научный журналист в отставке. Я завязал со всем этим и хочу, чтобы меня оставили в покое.

Лукреция удивляется, что он опять обращается к ней на «вы». Вероятно, это для того, чтобы она поняла: за время, прошедшее со дня их последней встречи, она стала для него чужим человеком.

Она вздыхает, оглядывает убежище журналиста-отшельника, когда-то лучшего в своей профессии. Это старая водонапорная башня посреди пустыря в Порт-де-Пантэн, на окраине Парижа. Исидор превратил ее в свое жилище. Войти сюда можно по центральной лестнице, ведущей к двухметровому островку с белым песочком и двумя пальмами посередине. Остров находится посреди бассейна, диаметр которого пятьдесят метров, а глубина – десять.

Мост из дерева и лиан соединяет остров с «материком», где стоит кое-какая мебель, придающая помещению относительно жилой вид. Кровать с балдахином заменяет спальню, стол, уставленный компьютерами, – кабинет, чуть дальше плита символизирует кухню, раковина – ванную комнату, а широкий диван с низеньким столиком и плоским телевизором – гостиную.

Бирюзовая вода цистерны с плеском бьется в бортики. Сквозь прозрачную крышу всегда видны солнце, луна или звезды. Остров, затерявшийся в просторах Индийского океана. В самом центре цивилизации.

– Почему ты не хочешь... вы не хотите мне помочь?

– Я не любил Дария. И рад, что он умер.

– Вы не любили Дария? Не любили Циклопа? Но он же самый популярный француз! Все любили Дария.

– Я – не все. Если большинство ошибается, это еще не значит, что они правы.

Опять эта фраза...

– Дарий никогда не казался мне смешным. Его юмор был тяжелым и вульгарным. Он презирал женщин, иностранцев, стариков. Он все высмеивал и никого не уважал.

– Но это же и есть задача юмора?

– Тогда я спрашиваю: «Зачем нужен такой юмор?» Я решительно не одобряю людей, которые считают, что обязаны испытывать спазмы в диафрагме при виде бедолаги,

поскользнувшегося на банановой кожуре.

– Но...

– Не настаивайте. Я считаю, что издеваться над невезучими, слабыми или отличающимися от нас людьми – занятие, недостойное мыслящего человека. Юмористы предлагают смеяться над рогоносцами, пьяницами, калеками, толстяками, коротышками, блондинками, бельгийцами, женщинами, священниками и так далее. А я лично считаю, что коллективное высвобождение дискриминационных позывов просто непристойно. Вот почему смерть Дария Возняка – радостное событие для умных людей, обладающих хорошим вкусом.

– Но...

– Более того, он даже не сам сочинял скетчи. Он воровал их у других или просто присваивал безымянные шутки. И никто не видел в этом ничего предосудительного.

Лукреция встряхивает волосами.

– Но я вам рассказала о начале своего расследования...

– И что? Орудие убийства – синяя шкатулка с буквами «В.С.Т.» и надписью «Не читать»? Засвеченная фотобумага? Видеозапись с грустным клоуном? Вы называете это «началом расследования»? Вы шутите, мадемуазель Немрод?

Он бесит меня. Как он бесит меня.

Лукреция молча смотрит на него. Бывший лучший журналист Франции сильно похудел со времени их последнего свидания. Но его толстые щеки, пухлые губы, круглые, изящно очерченные уши, плешь и слишком тонкий (для роста под два метра) голос по-прежнему придают ему сходство с большим ребенком.

– Я не могу больше с вами разговаривать. У меня встреча с друзьями.

С друзьями? Я думала, что у него нет друзей.

Исидор снимает полосатые шорты и рубашку с красно-зелеными цветами, меняет темные очки на очки для плавания, завязывает потуже пояс на плавках. Он подходит к краю бассейна и мастерски, без малейшего всплеска, ныряет.

Из воды, словно приветствуя его, немедленно выпрыгивают два дельфина.

А вода-то не пресная, а морская!

Лукреция уже имела возможность восхититься дельфинами, когда впервые попала в это странное жилище.

Как красиво.

Как удивительно.

Как необычно.

Как жаль, что он не рад мне.

Исидор плавает. Лукреция садится и терпеливо ждет. Неожиданно она испускает вопль:

– Осторожно! Там...

Она указывает на стремительно приближающийся треугольный плавник. Исидор выныривает, отплевываясь.

– Осторожно! Акула! – кричит Лукреция.

Плавник рассекает поверхность бассейна и приближается к погруженному в воду человеку, который сохраняет абсолютное спокойствие. В тот момент, когда ужасные челюсти должны были лязгнуть, Исидор протягивает руку и гладит бок огромной рыбы.

– А... вы про Джорджа? Я нашел его, когда он бился в сетях у побережья Кубы.

Исидор подплывает к Лукреции и кладет локти на бортик бассейна.

– Джордж попался рыбакам, которые собирались отрезать ему плавник. Из акульих плавников готовят суп, якобы обладающий возбуждающими свойствами. А затем выбросили бы еще живую рыбу обратно в море, чтобы она, опустившись на дно, медленно издохла в страшных

мучениях. Но разве кого-то волнуют страдания акулы, отдавшей жизнь ради эрекции китайцев? Мой приятель-гринписовец догнал кубинское судно и спас рыбу. Но несчастную акулу уже ранили гарпуном, ее нужно было вылечить. А главное, успокоить.

Что он несет? Успокоить акулу?

—Я назвал его Джорджем, не мог же он оставаться без имени. Джордж очень боялся людей, он думал, что все мы очень опасны. Он стал... Как это называется?.. Человекофобом.

Ну, тогда я – акулофоб.

—Кроме того, Джордж – немного параноик. Полная опасностей жизнь в океане не для него.

Да он просто спятил.

—Я предложил взять его к себе. Сначала я боялся, что ему будет трудно привыкнуть, но все сложилось как нельзя лучше, и он отлично ладит с моими дельфинами – Джоном, Ринго и Полом. Джордж – белая акула, которую ошибочно называют «пожирательницей людей». Это существа с очень богатым прошлым, они жили еще во времена динозавров. Эволюция никак не повлияла на их физиологию, поскольку этот вид и так уже обладал всем необходимым. Можно сказать, что они идеальны. Фильм Спилберга «Челюсти» сильно и незаслуженно подорвал их имидж, и теперь я пытаюсь их реабилитировать. Для начала тут, у себя в бассейне.

Исидор долго плавает. Он пытается ухватить акулу за плавник и покататься на ней, но рыба застенчиво ускользает от него. Он догоняет ее безупречным кролем. Акула прячется на дно бассейна, он ныряет, играет с ней, но, ничего не добившись, поднимается на поверхность.

– Я его знаю. Джордж боится. Его беспокоит ваше присутствие, мадемуазель Немрод. Он уверен, что я не желаю ему зла, а вот насчет вас у него есть сомнения. И он отказывается общаться со мной, пока я вас не выгоню. Мостик у вас за спиной. Вы ведь найдете дорогу сами?

Не дожидаясь ответа, Исидор ныряет и плывет к своему другу. Лукреция стоит и смотрит, как он двигается под водой. Исидор высовывает голову из воды и снимает очки.

– Вы еще здесь? Мне кажется, я дал вам понять, что вы можете уйти. Спасибо. До свиданья, мадемуазель Немрод.

Тон стал еще суше.

Лукреция мысленно пытается отыскать ключ, чтобы открыть эту дверь.

– Исидор, мне кажется, вы всегда любили игру и азарт. Предлагаю сыграть в «три камешка». Поставим на кон ваше участие в расследовании.

Он удивленно спрашивает:

– Вы, что же, и правила помните?

– Конечно. Нет ничего проще. Мы берем по три камешка или спички. Каждый зажимает в кулаке одну, две или три спички, а может быть, и ни одной, потом мы вытягиваем руки и по очереди говорим, сколько у нас спичек.

Дельфин выпрыгивает из воды, но Лукреция не отвлекается и продолжает:

– То есть это будет цифра от нуля до шести. Тот, кто ответил правильно, откладывает в сторону одну спичку. Играем дальше, и первый, кто трижды выиграет и избавится от всех спичек, становится победителем.

Исидор колеблется, потом вылезает из бассейна, вытирается и обматывает полотенце вокруг талии. Он пристально смотрит в глаза Лукреции, похожие на два сияющих нефрита.

– Почему бы и нет, в конце-то концов? Я согласен разыграть мое участие в вашем расследовании. Но если вы проиграете, я запрещаю вам беспокоить меня.

Они берут по три спички, прячут их за спиной и выбрасывают вперед сжатые кулаки.

– Прощу, мадемуазель Немрод. Начинайте.

– Я думаю, что у нас... м-м... всего четыре спички.

– Три, – отвечает Исидор.

Они раскрывают ладони. Две спички у Лукреции, одна – у Исидора. Исидор аккуратно кладет перед собой одну спичку. Игра возобновляется. Теперь выигрышная цифра – от нуля до пяти. Поскольку Исидор выиграл, он начинает.

– Пять.

– Четыре, – отвечает Лукреция.

Они раскрывают ладони. Пять. Исидор откладывает в сторону еще одну спичку. Начинается третий тур.

– Ноль, – говорит он.

– Один, – говорит она.

Они раскрывают ладони. Ни одной спички. Лукреция озадаченно смотрит на пустые ладони.

– Вы выиграли три раза подряд, а я ни разу. Как вам это удастся?

– Я понял, что в последней партии вы поставите минимум, потому что перед этим поставили максимум. Элементарно.

– Это в последней, а до того?

– Вы боялись проиграть – и стали предсказуемой.

Он меня бесит. Он меня бесит. Он меня бесит.

Он наливает себе коктейль из овощных соков и украшает стакан маленьким бумажным зонтиком.

– Прощайте, Лукреция.

Она молча стоит перед мостиком.

– Вы нужны мне, Исидор...

– Лукреция, я не ваш папочка. И вам никто не нужен.

Она подходит к нему, достает из кармана лакированную синюю шкатулку и подносит к его лицу.

– Дайте хотя бы совет, в каком направлении начать расследование. Пожалуйста.

Он размышляет, рассматривая шкатулку, буквы «В.С.Т.» и надпись «Не читать!».

– М-м... во-первых, надпись. Это знаменитый принцип американского психотерапевта Милтона Эриксона – «воздействие от противоположного». Эриксон основал свое учение на случае, который произошел с ним в детстве. Его отец, фермер, пытался загнать корову в хлев и тянул ее за веревку. Но животное не желало подчиняться. Маленький Эриксон, которому было тогда девять лет, начал смеяться над отцом. Тот сказал: «Давай попробуй сам, раз ты такой умный». И мальчик решил не тащить корову за веревку вперед, а потянуть ее за хвост назад. Животное, сопротивляясь, рванулось в обратном направлении и оказалось в хлеву.

– Какая связь между Эриксоном и Циклопом?

– Тот, кто оставил эти слова на коробке, хотел, чтобы Дарий обязательно прочел записку, которую тот при других обстоятельствах, возможно, и не стал бы читать. Если бы на коробке написали «Прочтите обязательно», он мог бы заподозрить что-нибудь неладное.

– Черт подери, Исидор! Перестаньте демонстрировать свою образованность и помогите мне!

Он улыбается, медлит, потом небрежно бросает:

– Ну что ж, на основании той скудной информации, которую вы сообщили, могу сделать вывод, что история этой странной смерти началась задолго до рождения людей, сыгравших в ней главную роль.

– Что это значит? Хватит говорить загадками!

Исидор выдерживает паузу и отвечает:

– Я считаю, что самый главный вопрос, который вы должны себе задать, чтобы успешно

завершить исследование, – это «Почему люди начали смеяться?».

321 255 лет до нашей эры

Восточная Африка, место, где позднее будет Кения

Два племени гоминидов издали заметили друг друга. Обычно небольшие стада кочующих людей избегали встреч. Но на этот раз, быть может из-за хорошей погоды, они решили вступить в борьбу и попытаться завладеть самками соседей.

Они сошлись в жестокой схватке, каждый старался бить как можно сильнее и быстрее, используя палки и обточенные камни, чтобы нанести максимальный ущерб противнику.

Во время сражения два вождя заметили друг друга и обменялись вызывающими взглядами. Вождь северного племени был коротышкой с большими ногами. Предводитель южной группы – широкоплечим великаном. С решительным видом они начали приближаться друг к другу.

Это привлекло всеобщее внимание. Толпа окружила вождей, чтобы наблюдать за их борьбой. А те, подбадриваемые криками соплеменников, окидывали друг друга грозными взглядами, рычали и гримасничали. Они пугали друг друга, топтали ногами и выкатывали глаза. Все присутствующие чувствовали, что это великое противостояние решит судьбу одного из племен.

Наконец, вождь южного племени с хриплым воплем бросил в лицо сопернику горсть песка и, пока тот тер глаза, опрокинул его на землю. Затем южанин схватил большой камень и высоко его поднял, намереваясь расколоть голову врага, как орех.

Соплеменники за его спиной принялись дружно издавать звуки, означавшие: «Убей! Убей!» А противники начали кричать нечто вроде: «Вставай! Вставай!»

Вождь южного племени прицелился, чтобы с первого удара размозжить голову северянина. На секунду все замолкло. Сама природа, казалось, затаила дыхание.

И именно в этот миг прямо в глаза человеку, поднявшему высоко вверх камень, нагадил пролетающий над ним гриф.

От неожиданности внезапно ослепший южанин выронил камень, который упал ему на ногу. Он издал пронзительный визг, означавший: «Ой, как больно!», и принялся скакать на месте, держась обеими руками за ногу.

Для лежащего на земле человека события происходили, словно в замедленной съемке. У него в голове как будто что-то щелкнуло. Страх исчез. Появилось какое-то щекощущее тепло в горле. Оно поднялось ко рту, затем поползло вниз к животу. Диафрагму свело судорогой, и с губ сорвался звук, напоминающий икоту.

Все это длилось доли секунды, но, как только физиологический процесс начался, остановить его уже ничто не могло. Вожаком северян овладело нечто вроде шумного приступа отрыжки.

Он смеялся.

Вскоре, словно заразившись от предводителя, все остальные члены племени северян принялись икать, выражая облегчение и удивление при виде столь неожиданной развязки, свалившейся прямо с неба. Представители южан, поколебавшись, тоже поддались освободительным спазмам.

Такое случалось не в первый раз, но прежде смех был явлением индивидуальным или, максимум, внутрисемейным. А сейчас несколько десятков человек хором, одновременно, хохотали над одним и тем же событием.

Вождь южан, вытерев с лица помет грифа, собрался завершить то, что собирался сделать, но, увидев развеселившихся соплеменников, понял, что так поступать не следует. Он выбросил

камень, и, следуя всеобщему примеру, тоже принялся смеяться. Убийство? Об этом никто уже и не думал.

В общем настроении что-то изменилось. До такой степени, что бывшие соперники решили объединиться в одно племя.

История о грифе, нагавившем с неба в судьбоносный момент, передавалась из поколения в поколение. Ее дополняли, иллюстрировали мимикой, жестами, обогащали деталями. И каждый раз слушатели смеялись так, словно видели эту удивительную сцену наяву.

Так родилась первая шутка, так люди впервые открыли способность вместе смеяться над одним и тем же событием.

Гораздо позже историки установили, что именно в ту эпоху человечество перешло на новую ступень развития.

Великая Книга Истории Смеха.

Источник GLH

Вороны дерутся над трупом маленькой мышки, чьи внутренности еще дымятся.

Лукреция возвращается на кладбище Монмартра и, пройдя мимо надгробия певицы Далиды, находит могилу Дария.

«Лучше бы тут лежали вы».

Он мог бы еще поставить тут зеркало вместо своей фотографии.

«Посмотрите-ка на себя: придет и ваш черед отправиться на съедение червям». Я уверена, ему бы это понравилось.

Она задумчиво стоит перед могилой комика.

Дарий, я продолжу расследование.

Я найду твоего убийцу.

Что посоветовал мне Исидор? Отправиться к началу времен. Найти самую древнюю шутку. Узнать, что впервые рассмешило наших предков.

Новый порыв ветра яростно треплет кроны деревьев.

Не знаю, зачем мне эта информация, и даже не представляю, где ее искать. Разве есть свидетельские показания? Кто это видел? Кто слышал? Кто мог об этом рассказать? Никто. Естественно, никто.

Тучи мчатся по небу, словно спешат открыть ей какой-то секрет.

А что впервые рассмешило меня саму?

Лукреция вспоминает раннее детство.

Свое рождение.

На кладбище.

Уже смешно.

Она достает пачку сигарет, но ветер задувает пламя зажигалки. Она прячет крохотный огонек в ладонях. Наконец ей удается закурить, и она глубоко затягивается, прикрыв глаза.

Родители оставили ее в корзине на чьей-то могиле. Могильщики нашли ее и отнесли в больницу.

Начать там, где все заканчивается, – разве не отличная шутка судьбы?

Затем ее отправили в приют для юных католичек «Нотр-Дам-де-ля-Совгард».

Навязывание религиозной морали вызвало у нее и ее одноклассниц то самое «противодействие» Эриксона, о котором упоминал Исидор. Им говорили: «Никакого секса», «Никаких наслаждений», «Никаких радостей». И чем настойчивей их толкали к фальшивой добродетели, тем сильнее девочки стремились к греху.

Сама окружающая обстановка наводила на мысли о пороке. Приют для девочек «Нотр-Дам-де-ля-Совгард» казался Лукреции очень похожим на замок Синей Бороды: каменные стены, запах плесени, сырые подвалы, скрипучие дубовые двери и узкие темные коридоры.

В пятнадцать лет под предлогом медицинского осмотра (ей поставили диагноз «замедленное развитие») ее ощупал мужчина, пришедший в детский дом «с инспекцией». Это был родной брат матери настоятельницы, священник, руководивший католическим приютом для мальчиков. Позже Лукреция узнала, что он оставил сан и стал президентом межрегиональных конкурсов красоты.

Нашел себе занятие по вкусу.

После этого «инцидента» она почувствовала глубокое отвращение, во-первых, к мужчинам и, во-вторых, к собственному телу. В сознании подростка одно было неразрывно связано с другим. Мужчины жаждали ее тела и стремились воспользоваться им.

Поскольку она не любила мужчин, ее, естественно, заинтересовали женщины.

Поскольку она не любила свое тело, у нее, естественно, образовалась склонность к мазохизму.

Через год у нее появилась удивительная любовница. Мари-Анж Жиакотти. Высокая тонкая брюнетка с темными волосами до пояса и пьянящим ароматом кожи. На ее лице всегда сияла широкая улыбка, смеялась она громко и искренне.

Как только Лукреция увидела эту девушку, она потеряла голову от любви.

Интересное выражение «потерять голову от любви». Почему не «найти»? Наверное, потому, что любовь ведет к безумию, к потерям. Сильная любовь – это любовь, в которой теряешь себя.

Образ бывшей любовницы все отчетливей встает перед мысленным взором Лукреции. Мари-Анж смеялась и шутила надо всем и никогда не унывала. Мари-Анж с глазами, черными, как два колодца... Мари-Анж с незабываемым ароматом кожи...

После печального эпизода с братом настоятельницы Лукреция начала истязать себя. Тело стало причиной ее страданий, его следовало наказать. Она втыкала себе в кожу булавки и резала себя ножом, чтобы почувствовать боль, которую могла контролировать.

Однажды Мари-Анж увидела, как Лукреция прокалывает себе кожу иглой циркуля. Она нежно сказала ей: «Я могу помочь тебе», отвела Лукрецию в комнату, закрыла дверь на ключ и раздела ее. Связала и стала ласкать, лизать, целовать, а под конец до крови укусила в шею.

Лукреция почувствовала, что становится другой, и это ей понравилось.

Две девушки начали часто уединяться. Чем больше Лукреция отдавалась во власть порочных игр Мари-Анж, тем больше доверяла ей. И себе. Она больше не истязала себя. Она сделала себе пирсинг: на языке и соске. У нее появилось наконец чувство, что она сама решает, страдать ей или нет. Она выбрала себе палача, выбрала пытки, и никто, кроме ее любовницы, отныне не смел причинять ей боль.

Постепенно Лукреция становилась сильнее, и физически, и духовно. Она начала делать успехи в учебе. Приступы депрессии и тревоги исчезли. Она похудела и увлеклась спортом. Она захотела сделать свое тело мускулистым, рельефным, совершенным.

Готовым служить, играть, страдать.

У них появился ритуал: Мари-Анж запирала дверь, зажигала свечи, включала музыку, чтобы заглушить стоны. Обычно это была «Лакримоза» из «Реквиема» Моцарта.

Вслед за укусами появились плетка и хлыст. Постепенно игры усложнялись, и каждый раз, переходя на новый уровень, Лукреция испытывала некую гордость. Ей казалось, что она вступила в борьбу с драконом и, несмотря на раны, вышла из схватки победительницей: она преодолела страх, доверилась палачу, нарушила законы морали и бросила вызов всем, кто мог бы ее увидеть.

Наконец кто-то полюбил ее тело. Она знала, что, несмотря на роль жертвы, на самом деле доминировала в их паре она, определяя и силу агрессии Мари-Анж, и глубину их страсти. Афоризм «Покорись, чтобы покорить» выражал всю суть их отношений.

А потом случилось это.

Вторая шутка судьбы.

Небо темнеет, вдалеке поблескивают молнии. Грохочет гром, но дождя еще нет.

Лукреция глубоко вдыхает теплый воздух, затем медленно выдыхает. И опускает ресницы.

Суббота, десять часов вечера.

Как обычно, они встретились в комнате Мари-Анж. И как обычно, разделись.

На этот раз любовница привязала ее к кровати. Она лежала на спине, совершенно голая, с повязкой на глазах и кляпом во рту.

Ласки, поцелуи, укусы, удары плеткой.

Лукреция испытывала запретное наслаждение каждым нервом, каждым сантиметром тела. Кляп и «Лакримоза» Моцарта заглушали ее стоны.

И вдруг поцелуи прекратились.

Лукреция ждала, с тревогой и нетерпением. Она ощутила странный свежий ветерок, пробежавший по ее животу. Она подумала, что Мари-Анж забыла запереть дверь.

Но тут же услышала шорохи, скрип.

И свистящее «Тихо!».

Когда Мари-Анж неожиданно сдернула повязку с ее глаз, она все поняла.

Вокруг нее, с фотоаппаратами и мобильными телефонами, стояли шестьдесят девочек, то есть все, кто жил на их этаже.

В тот момент, когда Лукреция осознала, в каком чудовищно унижительном положении она оказалась, Мари-Анж произнесла ужасающие слова:

– С первым апреля!

И нарисовала фломастером между грудей Лукреции рыбку [\[7\]](#). Ей казалось, что смех Мари-Анж – самое страшное, что она когда-либо слышала.

Любовь всей ее жизни не только предала ее, она еще и выставила ее на посмешище ради первоапрельской шутки.

Проклятое первое апреля.

Затем Мари-Анж передала фломастер тем, кто тоже хотел нарисовать первоапрельскую рыбку на теле жертвы. Целый косяк рыбок украсил тело Лукреции.

И они смеялись, смеялись хорошей шутке.

Проклятое первое апреля.

Когда девочки ушли, Мари-Анж развязала Лукрецию и погладила по голове.

– Ты ведь поняла, что это просто шутка?

Лукреция молча одевалась. Мари-Анж добавила:

– Хорошо, что ты нормально к этому отнеслась. Я боялась, что ты обидишься, ведь многие люди лишены чувства юмора. Главное в шутке – сюрприз. С первым апреля тебя, Лукреция.

Она ласково ущипнула подругу за щеку и поцеловала в нос.

В небе вспыхивает целый сноп молний.

В памяти Лукреции запечатлелась каждая секунда того незабываемого первоапрельского вечера.

Глотая слезы, она вернулась к себе. Взяв банные принадлежности, отправилась в душ. Там она до крови терла кожу махровой мочалкой, чтобы уничтожить проклятых рыбок, покрывавших ее грудь, живот, руки и ноги. Но чернила не смылись полностью. Лукреции пришлось смириться и предоставить остальную работу времени. Лишь спустя недели ее тело вновь стало чистым.

Завернувшись в маленькое полотенце, с горячей кожей и истерзанной душой, Лукреция пришла в свою комнату, бросилась на кровать и позволила горю излиться потоком обильных слез, которые она больше не пыталась сдерживать.

Она включила маленький радиоприемник, стоявший у изголовья, чтобы никто не услышал ее рыданий. Сквозь треск послышался голос, на который она сначала не обратила никакого внимания. Она, не отрываясь, смотрела на свою белую, как у всех рыжеволосых людей, кожу, на которой резко выделялись воспаленные участки с нарисованными рыбками. И Лукреция решилась.

Она достала бритву и поднесла к запястью, на котором тоже была рыбка. В голове эхом повторялись слова: «С первым апреля!». «Это просто шутка». Она прекрасно помнит холодное прикосновение лезвия. Уже появилась первая капля крови.

– Подожди, не делай этого!

Лукреция вздрогнула и застыла.

– Не делай этого, – повторил голос. – Это бессмысленно. Здесь рыбы нет.

Эскимос переходит на другое место. Снова сверлит лед и закидывает в воду леску с крючком и наживкой. Он ждет, усевшись перед лункой, но голос раздается снова:

– Здесь рыбы тоже нет.

Эскимос оглядывается. Он никак не может понять, кто с ним разговаривает. Потом он опять переходит на новое место и опять сверлит лунку. Закидывает леску и ждет. И тут снова раздается голос, на этот раз очень сердитый:

– Сколько тебе повторять, здесь рыбы нет!

Эскимос встает, грозит небу кулаком и кричит:

– Кто это? Бог?

Голос отвечает:

– Нет, это директор катка.

Из приемника раздался хохот.

Лукреция поневоле усмехнулась сквозь слезы. Веселый живительный ручеек растопил ее душу, скованную льдом решимости совершить самоубийство.

Трудно одновременно смеяться и лишать себя жизни. Ее мышцы расслабились, рука сама отложила бритву и прибавила звук. Лукреция улеглась на кровать, свернувшись калачиком. Она вся оказалась во власти голоса, лившегося из приемника. С каждой новой улыбкой он дарил ей и новое мгновение жизни. Слезы высохли, и она заснула. У нее появился друг, пусть она и знала его лишь по голосу. Друг, с которым судьба свела ее в нужное время в нужном месте и который произнес слова, сохранившие ей жизнь.

Этим человеком, которого послало само Провидение, был Дарий Возняк, лежащий сейчас под мраморной плитой. Он тогда еще не был так знаменит и только начинал путь к вершинам славы.

Не знакомый с Лукрецией, ни о чем не подозревающий комик заставил ее смеяться и спас от смерти.

В последующие годы она все время стремилась узнать о нем больше. При каждой возможности ходила на его выступления. Видя его на сцене, дыша с ним одним воздухом, купаясь в волнах смеха, который он вызывал у зала, она испытывала то же, ни с чем не сравнимое чувство легкости и блаженства, некогда остановившее ее во время попытки перерезать вены. Оставаясь чужим человеком, Дарий стал для нее источником силы, членом семьи, которую одинокая Лукреция сама себе придумала.

– Я в долгу перед тобой, Дарий, – шепчет она могильному камню и снова видит надпись: «Лучше бы тут лежали вы».

– Лучше бы тут лежала я.

Лукреция покидает кладбище.

Проклятые первоапрельские рыбки.

Она идет по Монмартру, поднимается по улице Сен-Венсан, которую любит за сохранившееся тут тихое сельское очарование давно ушедших времен. Ставни кирпичных домов стучат под порывами влажного ветра. У подножия собора Сакре-Кёр она усаживается на ступени длинной каменной лестницы и смотрит на расстилающуюся перед ней панораму столицы. Город предстает перед ней в дымном сиянии, мерцает белыми и красными огоньками фар.

Мгновенная вспышка в небе, далекий гром, и вдруг самая темная из туч начинает

изливаться дождем. Люди вокруг – в основном это туристы – разбегаются в поисках убежища.

Лукреция, дрожа, вытягивает голову в плечи, с трудом прикуривает и закрывает глаза. Темнеет. Промокшая, дрожащая, едва освещенная мягким светом фонаря, она остается на ступеньках Сакре-Кёр в одиночестве.

Жильбер приходит в больницу навестить соседа-японца, попавшего в ужасную автокатастрофу. Сосед лежит в палате, весь опутанный резиновыми трубками, закованный в гипс, и напоминает мумию. Он не может двигаться, из-под бинтов видны только его закрытые глаза. Жильбер молча стоит у постели и смотрит на соседа. Неожиданно тот широко открывает глаза, кричит: «Сакаро аота наками аниоба!» – и умирает.

В день похорон Жильбер подходит к вдове и матери покойного.

– Мои соболезнования...

Он обнимает обеих и говорит:

– За несколько мгновений до смерти он произнес: «Сакаро аота наками аниоба!» Что означают эти слова?

Мать падает в обморок, а вдова в ярости смотрит на Жильбера.

Жильбер настаивает:

– Так что же он сказал?

Вдова переводит:

– Ты стоишь на кислородной трубке, идиот!

Отрывок из скетча Дария Возняка «И последние станут первыми»

Появляется оранжевый краешек солнца. Оно поднимается над горизонтом и превращается в безупречный круг желтого цвета. Лукреция не спала всю ночь, сидела на улице под дождем, размышляла и курила до тех пор, пока не задремала.

Она кашляет.

Пора бросать курить, а то стану похожей на Тенардые или пожарного из «Олимпии». На стариков с морщинистой кожей и почерневшим сердцем.

Она давит каблуком окурки.

Уже девять утра, и она отправляется в городской морг. Там пахнет формалином и разлагающимся жиром.

Лукреция устремляется в лабиринт коридоров.

Сюда привозят как никому не известные, так и самые знаменитые трупы.

Ее принимает судмедэксперт, красивый, стройный, улыбающийся мужчина в белом халате. На кармане вышито его имя: доктор П. Бовен.

– Увы, мадемуазель. Если вы не родственница покойного, я не могу сообщить вам никакой информации.

Почему люди всегда мешают тем, кто хочет идти вперед?

Она перебирает варианты отмычек – и протягивает доктору пятьдесят евро.

– Подкуп должностного лица? Это уголовное преступление!

Лукреция раздумывает, стоит ли доставать еще деньги. Она вспоминает перечень побудительных стимулов, составленный ею во время последнего расследования.

Первое: боль. Второе: страх. Третье: материальная заинтересованность. Четвертое: половое влечение.

Она приходит к выводу, что четвертый пункт может стать хорошей мотивировкой для особи мужского пола.

Небрежно, делая вид, что ей жарко, она расстегивает две пуговицы на черной шелковой китайской блузе с вышитым красным драконом, пронзенным мечом. И открывает ложбинку груди, не стесненной бюстгалтером.

– Буквально пара вопросов.

Судмедэксперт смотрит на ее грудь. Колеблется. Пожимает плечами и открывает набитый папками шкаф.

– Что именно вы хотите узнать о Дарии Возняке?

– От чего он умер?

– От остановки сердца.

Лукреция включает диктофон, но на всякий случай достает еще и блокнот и начинает записывать.

– Любая смерть происходит в результате остановки сердца. Даже смерть от укуса змеи или повешения. Я сформулирую вопрос иначе: что вызвало остановку сердца?

– Думаю, переутомление. После выступления он был совершенно обессилен. Никто не отдает себе отчет в том, что артист, который два часа подряд смешит публику, тратит чрезвычайно много энергии. Это огромное нервное напряжение.

– Что означают буквы «B.Q.T.»?

– Вот это.

Судмедэксперт показывает инструменты из нержавеющей стали.

– Basic Quality Tools. Хирургические ножи, которые я покупаю по десять штук со скидкой.

По-английски надо произносить БиКуТи. Как бигуди.

Ложный след. Надо держать его в напряжении, иначе он ускользнет при первой же возможности. Томный взгляд номер двадцать четыре бис, едва заметная улыбка номер восемнадцать, и вот ты уже спекся.

— А возможно ли, что Дарий умер... от смеха? – спрашивает Лукреция.

Врач смотрит на нее с удивлением.

– Нет, от смеха умереть нельзя. Смех лечит. Смех приносит только пользу. Существует даже смехотерапия: люди специально смеются, чтобы укрепить иммунную систему и лучше спать.

– От чего же мог умереть Дарий в запертой комнате, учитывая, что перед самой кончиной он расхохотался?

Доктор Бовен аккуратно закрывает папку и ставит на место.

– У него, видимо, были проблемы со здоровьем. То, что он рассмеялся перед смертью, не более чем совпадение. С тем же успехом он мог играть на пианино или кататься на велосипеде. И это не означало бы, что его убило пианино или велосипед. Должен же был он чем-то заниматься в тот момент, когда ему отказало сердце. Вот и все.

Врач берет емкость с формалином, в котором плавает человеческое сердце.

– Спросите его родных, они подтвердят, что у него и раньше случались сердечные припадки. Я в этом уверен.

45 000 лет до нашей эры

Восточная Африка, место, где теперь находится Эфиопия

Шел проливной дождь.

Племя людей, которых впоследствии назовут кроманьонцами, нашло пещеру и решило в ней поселиться. Но тех, кто вошел в пещеру первыми, сожрали обитавшие там свирепые львы. Остальные заколебались.

Небо пришло им на помощь, ударив молнией в ближайшее дерево. Один из кроманьонцев тут же вооружился пылающей веткой. Благодаря огню, им удалось, потеряв всего лишь двоих соплеменников, прогнать семью львов, оказавших упорное сопротивление.

Заняв пещеру, люди немедленно притащили кучу сухих листьев и сучьев, чтобы поддерживать спасительное пламя. Все уселись вокруг костра, радуясь его теплу и свету. В этот момент у входа в пещеру появилась еще одна группа гуманоидов. Вновь прибывшие очень напоминали кроманьонцев, хотя некоторые различия у представителей двух племен все же имелись.

Гости, по сравнению с хозяевами пещеры, казались невысокими и коренастыми, их низкие и узкие лбы отличались очень выпуклыми надбровными дугами. От холода их защищала более тщательно сшитая одежда из звериных шкур. Кроманьонцы не знали, что позднее непрошенных визитеров окрестят неандертальцами.

Дождь усиливался, кроманьонцы и неандертальцы молча разглядывали друг друга. И те, и другие слишком устали, чтобы затевать драку. «Природа-мать и так жестока к нам, не стоит осложнять ситуацию проявлениями агрессии среди братьев», – думало большинство из них. И вновь прибывшим разрешили занять место у огня.

Они сбились в группы по семьям. Чтобы создать домашнюю атмосферу, они чесались и искали друг у друга блох. Когда молнии освещали пещеру изнутри, матери прижимали к себе малышей, чтобы успокоить их.

Более любопытный, чем остальные, кроманьонец приблизился к чужому племени и прорычал нечто, означавшее:

– Погодка сегодня не очень, не правда ли?

На что один из неандертальцев ответил рычанием, которое можно перевести так:

– Что вы говорите?

Начался диалог.

– Не могли бы вы повторить? Я вас не понимаю!

Кроманьонец начал строить гримасы и качать головой.

– Я по-прежнему не понимаю, что вы говорите, и считаю, что нам будет трудно понять друг друга, поскольку наши языки не похожи друг на друга.

К беседующим подошел второй кроманьонец и спросил:

– О чем это он толкует?

– Не знаю, я пытаюсь ему объяснить, что наше общение может быть затруднено. Мы явно изъясняемся на разных наречиях.

В конце концов раздраженный неандерталец встал, взял обугленный кусок дерева и начал рисовать на стене пещеры молнию в виде символического зигзага.

На что кроманьонец, рассмотрев изображение, тоже схватил уголек и нарисовал рядом с зигзагом фигурку человека с открытым в знак удивления ртом.

Он хотел сказать: «Ничего не понимаю».

Довольный, поскольку обмен картинками показался ему более плодотворным, чем рычание, неандерталец изобразил над зигзагом круг. Большую круглую тучу, из которой исходит молния.

«Уж не имеет ли он в виду фрукт с черенком?» – подумал кроманьонец. Он показал на свой рот, желая сказать: «Вы нарисовали еду, вы голодны, не так ли?»

Поскольку его собеседник пребывал в недоумении, кроманьонец начертил большую фигурку человека, открывшего рот в намерении съесть плод.

Появление каждого нового изображения вызывало комментарии и восхищение соплеменников.

Взбешенный отсутствием понимания, неандерталец вышел из пещеры и вытянутым вверх пальцем показал на темную тучу.

В эту минуту на небе зигзагом сверкнула молния и ударила в мокрый, превратившийся в громоотвод палец. Бездыханный неандерталец рухнул на землю.

Это было так неожиданно, что племя неандертальцев застыло от удивления.

А кроманьонец подумал: «Так он говорил не о фруктах, а о молнии!...»

Осознание ошибки произвело на него странный эффект. Он почувствовал щекотку где-то в животе и расхохотался.

Его поведение оказалось заразительным.

Кроманьонцы начали смеяться, а неандертальцы, потрясенные потерей самого общительного соплеменника, решили не есть его и даже не оставлять валяться на земле, а зарыть в глубине пещеры.

Так, благодаря юмору, человечество сделало очень важный шаг в развитии. Отныне неандертальцы стали хоронить умерших, а кроманьонцы начали рисовать на стенах пещер. Рисунки часто изображали круг с выходящим из него зигзагом и находившегося под ним, а не рядом, человечка с открытым ртом.

И каждый раз, когда кроманьонец рисовал круглую тучу, молнию и фигурку с открытым ртом, все племя начинало смеяться. Кроманьонцы придумали графическую шутку. И облачко, которое потом появилось в комиксах.

Считается, что хомо сапиенс именно в то время преобразился в хомо сапиенс сапиенс, то есть в современного человека.

А неандертальцы, так и не открывшие в себе чувство юмора, вымерли.

Великая Книга Истории Смеха.

Источник GLH

Кажется, что широкоплечий человек с покатым лбом и квадратным подбородком не способен издавать членораздельные звуки. Лишь розовый костюм говорит о том, что перед вами не горилла, а человек.

Лукреция показывает журналистское удостоверение, охранник в розовой униформе звонит начальнику, который звонит своему начальнику, и лишь тогда ей разрешают проникнуть в парк, находящийся в частном владении.

Чем дальше едет Лукреция на своем мотоцикле, тем больше восхищается роскошью поместья. Дарий Возняк возвел рядом с Версалем уменьшенную копию королевского дворца, посыпал аллеи гравием, разбил сады во французском стиле, установил фонтаны и статуи.

Посреди двора, заставленного дорогими машинами, возвышается статуя комика, приветствующего публику. На шестах колышутся розовые флаги с изображением глаза с сердечком внутри. Как только Лукреция останавливает мотоцикл, к ней с зонтиком подбегает лакей в ливрее старинного покроя.

Мать Дария, Анна Магдалена Возняк, – несколько расплывшаяся дама семидесяти восьми лет, в черном платье с декольте и рукавами, обшитыми черным кружевом. Ее шею охватывает ожерелье из крупного жемчуга. Толстый слой косметики скрывает морщины. Седые волосы, выкрашенные в розовый цвет и уложенные в сложную прическу, придают ей несколько старомодный вид.

– Сердечные приступы у Дария? Ничего подобного, мадемуазель! Дарий славился железным здоровьем. Он занимался спортом, причем экстремальным. И это давалось ему легко. У него было сильное, тренированное сердце, как и у всех в нашей семье, кстати. Один из моих родственников – чемпион по марафонскому бегу. А дедушка Дария по отцовской линии был олимпийским чемпионом по плаванию.

Ага, тут, по крайней мере, все ясно. Эта женщина скучает, она любит поговорить, особенно о сыне. Ключом станет умение слушать.

—Госпожа Возняк, пожалуйста, расскажите о его детстве.

Старая женщина устраивается в огромном кресле, обитом гобеленовой тканью, не прерывая рассказа, берет клубок шерсти и начинает довязывать то ли шарф для карлика, то ли носок для великана.

– Вы хотите услышать правду, моя милая? Правда заключается в том, что мы были очень бедны. Семья польских эмигрантов, приехавшая на север Франции, чтобы работать на шахте. Это было после Первой мировой войны, в тридцатые годы. Когда шахты закрыли, мои родители остались без работы. В семидесятые годы мы переехали в северные предместья Парижа. Там, на свадьбе двоюродного брата, я и познакомилась со своим будущим мужем. Он тоже был поляком. Работал механиком в гараже. И пил. Он погиб в автокатастрофе: его машина врезалась в платан. Для меня настали тяжелые времена: четверо детей и ни копейки денег.

– У Дария были братья и сестры?

– У меня родились три мальчика и девочка: Тадеуш, Леокадия, Дарий и младший Павел.

Лукреция записывает все в блокнот.

– Насколько Дарий – я звала его Дарио – вырос общительным, настолько Павел оказался замкнутым и робким. Леокадия отличалась очень решительным характером. Но самым жестким, наверное, стал Тадеуш, хотя он всегда восхищался средним братом. Между прочим, Павел и Дарий были очень похожи друг на друга.

Лукреция старается понравиться старой даме. Она думает о том, что вежливость и улыбка

тоже могут служить орудием для добывания информации.

– А каким был Дарио в детстве?

– У него очень рано проявился талант юмориста. Знаете, мадемуазель, он побеждал несчастья смехом. После смерти отца он сочинил скетч «Платан, который не заметил папу». Он рассказывал эту трагическую историю от лица дерева. Она вызывала смешанные чувства... Но, честно говоря, это было очень смешно.

Погрузившись в воспоминания, Анна-Магдалена устремляет взгляд вверх. Она робко улыбается.

– Он смотрел на страшную, жестокую, ничем не прикрытую правду с другой точки зрения. Переворачивал ее, чтобы справиться с ней и перевести дыхание.

– Должна признать: требуется известное мужество, чтобы смеяться над смертью собственного отца.

Лукреция осматривает обстановку гостиной. Здесь чувствуется влияние находящегося по соседству дворца. Позолоченный, лепной потолок, тяжелая мебель, зеркала и античные статуи. Толстый ковер на полу со сложным цветочным рисунком. Одна современная деталь: на стенах в золоченых рамах висят портреты диктаторов, фотографии атомных взрывов, катастроф и аварий. Все с одинаковой подписью: «Вам это кажется смешным?» – и автографом Дария.

Анна-Магдалена, жеманно отставив мизинец, разливает чай.

– Когда Леокадия умерла от рака поджелудочной железы, Дарий придумал скетч «Моя сестра торопилась».

– Как сложилась ваша жизнь после гибели мужа и дочери?

– Я оказалась в нищете, с тремя детьми на руках. Одна подруга, находившаяся в той же ситуации, предложила мне работу – официанткой в баре по вечерам. Сначала я отказалась. Потом согласилась. Спустя некоторое время подруга нашла более выгодное место. Она привела меня в бар, где надо было раздеваться. Сначала я отказалась. Потом согласилась. А затем она же пригласила меня в публичный дом.

– Вы отказались?

– Там я стала зарабатывать больше.

– Знаете, вы можете не рассказывать мне этого, если не хотите.

Старая дама поправляет свою облитую лаком прическу. Драгоценности позвякивают.

Она испытывает меня. Главное, не подавать виду. Сделать заинтересованное лицо.

—Вот что я вам скажу, мадемуазель. Я не боюсь своего прошлого. Я справилась с ним. И если вы хотите понять, кем был Дарий, вы должны понять, кем была я, его мать.

– Конечно. Простите меня, я вас слушаю.

– Я работала в борделе в северных предместьях Парижа. Вот и все.

Лукреция делает вид, что записывает.

– Это оказалось легче, чем я думала. Мужчины – те же дети. Клиенты в основном хотели поговорить, хотели, чтобы их выслушали. Они нуждались в общении с женщиной, которая их ни в чем не упрекает. В отличие от жены.

– Разумеется.

Господи, она собирается мне рассказывать о каждом посетителе, со всеми подробностями. Караул! Держаться. Улыбаться.

—Я наряжала их девочками, рыцарями, разбойниками, младенцами. Больше всего им нравилось, когда я пеленала их, посыпала тальком промежность, шлепала по попе. На самом деле мы – те же психоаналитики, только берем не так дорого. К тому же мы внимательней и не боимся дотронуться до клиента. А им так нужны прикосновения. Вот в чем трагедия современного общества: нехватка физического контакта. – С этими словами Анна-Магдалена

хватает журналистку за руку и крепко ее сжимает.

– Разумеется.

– Ко мне приходил один юморист, на сцене его звали Момо. Длинный, худой, в парике, лицо, как лисья мордочка, но он умел меня рассмешить. Однажды я ему сказала: «Каждый раз, когда тебе удастся меня рассмешить, мы будем заниматься любовью бесплатно». Я хотела, чтобы он приходил почаще.

– Понятно.

Лукреция чувствует, что у нее кончается запас ободрительных восклицаний.

– И Момо приходил. И помогал мне выносить мою тяжкую жизнь за стенами борделя. Потому что после смерти дочери сыновья приносили мне массу огорчений. Дария исключили из школы за то, что он намазал клеем стул учителя. Он действительно слишком далеко зашел со своими шутками. Его не принимали ни в одно учебное заведение. Он маялся дома от безделья или слонялся по улицам.

– Представляю себе.

– Однажды он взорвал петарду, которая разбила витрину магазина и тяжело ранила прохожего. Он провел три дня в тюрьме. Тут я решила, что пора ему найти нормальную профессию, пока дело не закончилось плохо. Моя мать говорила: «Лучше развивать достоинства, чем исправлять недостатки». Будь он постарше, я бы устроила его в магазин шуточных подарков и розыгрышей, но в семнадцать лет... надо было найти что-то другое. Мне пришло в голову попросить помощи у моего любимого клиента, у клоуна Момо. Я подумала: «Человек, который смешит других, наверняка добрый».

– Конечно.

– Я сказала Момо: «Мой сын – гениальный шутник. Но его комическая энергия направлена не в ту сторону».

– Понимаю.

– Клоун Момо не был знаменит, но у него была своя публика, и ему хватало на жизнь. Я познакомила его с моим Дарио. Он разыграл перед Момо скетч: «Мама наконец нашла работу» – про меня, как я из официантки превратилась в проститутку. Он мастерски умел находить уязвимые места. Момо сразу подпал под его обаяние.

– Да, я понимаю.

Теперь Лукреция записывает все подряд.

– Момо сказал: «У него врожденный талант, но этого мало. Я займусь его воспитанием. Он должен научиться уважать хоть что-то, пусть это будет хотя бы юмор». Да, вот такой парадокс... Смех – дело серьезное, – усмехается старая дама.

– Несомненно.

– Серьезное отношение к юмору потребовало много усилий. Момо попросил, чтобы Дарио обращался к нему «учитель», а сам называл его «ученик». Занятия проходили на заброшенном заводе, Момо говорил, что посторонние люди могут помешать. Он посвятил мальчика в тайны благородной профессии клоуна. Научил его жонглировать, играть на трубе, изрыгать пламя, рыгать и пукать. Он говорил, что это тоже орудие комика.

– В самом деле.

– Однажды, когда Момо и Дарио репетировали на заброшенном заводе, на них упал ржавый железный пресс. Момо погиб на месте, а сын получил серьезные травмы.

– Тогда Дарий и лишился глаза?

– Металлический прут, торчавший из пресса, выколол ему глаз. Он очень тяжело переживал случившееся. Но, едва встав на ноги, сочинил знаменитый скетч «В стране зрячих одноглазый – король». Помните? «Одного глаза достаточно, а два – чересчур, особенно для аллергика в сезон

цветения».

Эта старая коза никогда не умолкнет. Да и что ей еще делать, кроме как пережевывать детство обожжаемого Дарио. А я... Я должна держаться.

Анна-Магдалена Возняк глубоко вздыхает.

– Но Момо успел обучить Дарио всему. Я знала, что мой мальчик подготовлен, однажды он станет лучшим и прославится. Я это знала, и он сам это знал. Я посоветовала ему и дальше идти своим путем. Дарио связался с продюсером Мо-мо, знаменитым Стефаном Крауцем, и попросил взять его в шоу.

– Что? – ошарашенно бормочет Лукреция.

– Тот сказал ему: «Рассмешите меня, – и перевернул песочные часы, – у вас есть три минуты».

– Три минуты, чтобы рассмешить незнакомого человека?

– Но это же был мой Дарио. Он справился. Стефан Крауц дал ему возможность стать звездой.

Старая дама неожиданно умолкает, между ее бровей появляется недовольная морщинка. Кажется, ее беспокоит что-то, появившееся за спиной Лукреции. Журналистка оборачивается и видит в окно, что во внутренний двор въехали розовый «роллс-ройс» и мотоцикл «Харлей-Дэвидсон».

Из роллс-ройса вылезают два невысоких человека, за ними третий, огромный и мощный. Они поднимаются по ступеням и входят в гостиную.

– А, Тадеуш, Павел... Я как раз о вас говорила.

Пренебрежительно кивнув в сторону Лукреции, старший спрашивает:

– Это еще что?

Анна-Магдалена берет чашку с чаем.

– Успокойся, Таду. Это журналистка из крупного еженедельника «Современный обозреватель». Она пишет статью про Дария.

Лукреция замечает, что самый молодой из вошедших, видимо Павел, похож на Дария, но более тщедушен и застенчив. Лицо огромного человека в розовом костюме напоминает морду питбуля.

– Мама! Мы рассказали уже все, что можно, всем журналистам планеты. Сколько будет продолжаться этот балаган? Хватит! Иногда нужно и помолчать. Ты не отдаешь себе отчета в том, как ты болтлива.

– Я сказала только самое главное.

– К тому же ты страшно несдержанна. Надеюсь, ты не рассказывала о своем прошлом?

Анна-Магдалена ставит чашку на стол.

– Иногда мне кажется, что ты стыдишься меня, Таду.

– Но, мама... Журналисты – это гиены, которые питаются падалью. Ты что, не видишь, как они обнюхивают еще теплую могилу брата и ищут, чем бы поживиться? Эта девушка – наемница, она зарабатывает деньги. А как можно заработать деньги? Выставив на всеобщее обозрение то, что есть скандального и постыдного в нашей семье. Ты рассказываешь ей о своей жизни, а она в ответ плюнет тебе в лицо.

– Это правда, мадемуазель Немрод? Неужели вы такая?

Анна-Магдалена огорчена. Тадеуш говорит охраннику, похожему на питбуля:

– Убери это отсюда.

Лукреция встает и пятится к двери, пытаясь избежать физического контакта с гигантом в розовом костюме.

– Я провожу расследование вовсе не о жизни Дария. Меня интересует его смерть. И у меня

есть версия, о которой еще никто не подумал.

Тадеуш Возняк жестом останавливает телохранителя.

– Продолжайте.

– Я считаю, что Дарий умер не от сердечного приступа. Это было убийство.

Наступает тишина. Члены семьи Возняк удивленно переглядываются.

– Не верю, – отрезает Тадеуш.

– Пожарный утверждает, что Дарий очень громко рассмеялся за секунду до того, как упал.

На лице Тадеуша появляется скептическое выражение.

– И еще я нашла это, – добавляет Лукреция.

Она достает синюю шкатулку с буквами «В.Q.T.» и надписью «Не читать!».

На этот раз Тадеуш Возняк не может скрыть удивления.

– Это валялось под креслом в гримерке.

Тадеуш берет в руки шкатулку и внимательно рассматривает ее.

– Еще у меня есть вот это. – Лукреция протягивает ему размытую фотографию грустного клоуна с большим красным носом и слезой на щеке.

Тадеуш долго разглядывает снимок, медленно качает головой и возвращает его Лукреции.

– Я знаю, кому была выгодна смерть брата, – говорит он. – И могу назвать его имя.

В дремучих лесах Канады охотник заготавливает дрова, ожидая наступления холодов.

В какой-то момент он задумывается: «Интересно, хватит ли мне этого на всю зиму?»

Мимо проходит старый индеец шаман. Охотник спрашивает:

– Скажи, мудрец, зима будет холодной?

Индеец смотрит на охотника, несколько минут размышляет и говорит:

– Да, белый человек, зима холодная.

Охотник решает нарубить еще дров и снова принимается за работу.

Через час он снова задумывается, достаточно ли теперь дров.

Мимо снова проходит шаман, и охотник опять спрашивает:

– Ты давно здесь живешь, скажи, зима действительно будет холодной?

Индеец смотрит и отвечает:

– Да. Зима будет холодная.

Обеспокоенный охотник рубит еще кубометр дров.

Через час шаман снова проходит мимо и опять отвечает:

– Зима ужасно холодная.

Охотник спрашивает:

– А ты откуда знаешь?

Шаман отвечает:

– У нас есть поговорка: «Чем больше белый человек заготавливает дров, тем холодней будет зима».

Отрывок из скетча Дария Возняка «Странные иностранцы»

Ледяной ветер продувает извилистые улочки.

Подумать только, март, а погода – будто зимой.

На обратной дороге Лукреция заходит в зоомагазин и покупает рыбку – императорского сиамского карпа, – а также аквариум, баночку дафний, флуоресцентную лампу, насос, водоросли и забавные пластмассовые декорации.

Придя домой, она ставит аквариум на стол рядом с компьютером. Посыпает дно цветными камешками, устанавливает пластмассовые игрушки, включает лампу и насос. Вскоре посреди водяного психоделического царства вверх поднимается цепочка пузырьков.

Отлично.

Лукреция выпускает рыбку в ее новую квартиру.

Пусть я веду расследования не так хорошо, как Исидор, зато у меня тоже есть рыбка. Надо дать ей имя. Что-нибудь мощное... и более интересное, чем Джон, Пол, Ринго или Джордж. Придумала! Имя библейского чудища! Левиафан!

Лукреция смотрит на рыбку, проводит пальцем по выпуклой стенке аквариума.

– Эй, Левиафан! Я чувствую, ты принесешь мне удачу.

Она бросает рыбке щепотку дафний.

– Расти побыстрей, и я куплю тебе большой аквариум. И может быть, даже представлю Джорджу, Полу, Джону и Ринго. Выглядят они немного заносчивыми, но вообще ребята симпатичные. Только у акулы агорафобия, но для тебя это и лучше.

Левиафан выпускает несколько пузырьков. Он пытается понять, что это за ужасная огромная фигура за стенками аквариума. Помахивая оранжевым хвостовым плавником, он исследует весь сосуд, находит скалу, водоросли, миниатюрный пиратский корабль, из которого поднимаются вверх пузырьки, и, поняв наконец, что он в стеклянной тюрьме, решает спрятаться за рифом и подвести итог своей пятнадцатидневной жизни.

– Маленькая рыбка станет большой, – говорит Лукреция. – Может, мы и ниже ростом, чем другие, но мы им еще покажем, где раки зимуют! Правда, Левиафан?

Она корчит рыбке рожицы. Рыбка думает: «Пока враг близко, буду сидеть за скалой. А потом сделаю себе пузырьковый массаж живота».

Рыбка ждет. «Так, без паники. Все здесь такое страшное, но и в этом должен быть какой-то смысл. Где моя мать? Где братья? Где друзья? Куда исчезла живая природа? Я же свободная рыбка! О, еда! Я считаю, что еда – это лучший способ борьбы со стрессом. Фу, это высохшие трупы!»

Лукреция смотрит, как рыбка с удовольствием ест сушеных дафний.

– Мой маленький Левиафан, я уверена, что ты парень не промах. Ты, наверное, верховодил в большом аквариуме зоомагазина. Мы с тобой из одного теста, мы сильные! У нас бывают трудности, но мы их преодолеваем! Так ведь?

Лукреция тоже решает поесть, а потом принять ванну и вымыть голову. Она долго стоит под обжигающим душем, выходит из ванной с мокрыми волосами. Как было бы здорово пойти сейчас в парикмахерскую, ведь это – лучшее лекарство. Она всегда считала, что если кто и в состоянии бесконечно слушать рассказы о чужих несчастьях, так это парикмахеры, гадалки и психоаналитики. И лидируют в этом списке парикмахеры, которые делают еще и массаж головы.

Однако у нее совсем не осталось денег, а услуги парикмахеров стоят дорого. Особенно услуги ее мастера, удостоенного титула «архитектор волосяного пейзажа». Тридцать евро за

визит.

– Ну и ладно, – говорит она.

Лукреция решает сделать все возможное своими силами: десять минут – мытье головы шампунем, пять минут – маска для волос с укрепляющим бальзамом на маточном молочке, пятнадцать минут – сушка и выпрямление кудрей при помощи профессионального, самого модного и лучшего фена «Samsung» мощностью 2000 ватт, единственного предмета роскоши в ее обиходе. От дождя ее волосы начали завиваться, а она этого терпеть не может.

Во время сушки волос Лукреция размышляет о собственной хрупкости. Она придумала целый комплекс мер безопасности, исключаящий всякую возможность возникновения желания покончить жизнь самоубийством.

Первое: усиленно потреблять шоколадно-ореховую пасту. Она лелеет тайную надежду, что однажды появится шоколадно-ореховая паста, не содержащая жира. Но это чудо, на которое особенно рассчитывать не приходится.

Второе: грызть ногти. Она престала этим заниматься пять недель назад, но знает, что привычка вернется при первом же приступе уныния.

Третье: ходить в парикмахерскую. Она нашла в своем районе нового парикмахера, Алессандро, который привил ей любовь к Элтону Джону, принцессе Диане, фильму «Приключения Присциллы, королевы пустыни», гоночным велосипедам «Рэйли» и греческой кухне на оливковом масле. Но сейчас он переживает личную драму и стал непривычно молчаливым.

Четвертое: пить успокоительное, смешивая его с шотландским виски пятнадцатилетней выдержки. Существенный минус: рези в желудке.

Пятое: вышвыривать на улицу любовников. Она только что это сделала, но особого облегчения не испытала.

Я бы добавила шестое: найти настоящего друга.

Высушив волосы, Лукреция возвращается к рыбке.

Левиафан, хочешь стать моим другом?

—Я чувствую, что ты меня не разочаруешь, в отличие от остальных самцов, которые здесь побывали.

Она целует стеклянную стенку аквариума и случайно опрокидывает баночку с дафниями. Приходится собирать их с пола чайной ложкой.

Может быть, я чересчур возбуждима?

Лукреция переходит к процедуре, которая для нее не удовольствие, а средство подавления тревоги.

Седьмое: удаление с кожи рыжих волосков.

Она долго выбирает одежду, попутно отметив, что ей нечего надеть.

Я забыла еще один источник радости. Восьмое: шоппинг. Ни одна женщина не признается мужчине в том, что больше всего на свете ее возбуждает вид примерочной в магазине.

Лукреция улыбается. Это шутка из скетча Дария. Она решает еще раз обдумать обстоятельства его смерти и включает запись с самыми знаменитыми миниатюрами Великого Дария.

«Наши друзья животные».

Исидор сказал, что Дарий воровал шутки и присваивал чужие идеи. Может и так, зато он умел преподнести их публике.

Она смотрит на невысокого, светловолосого человека в розовом костюме, с черной повязкой через глаз и красным носом.

Какая сила! Какой талант! Какая режиссура! Какая харизма! Какая легкая и точная игра!

Теперь, когда она кое-что знает о его прошлом, скетчи о гибели отца, о смерти сестры, о проституции матери кажутся ей образцом честности и смелости.

Он занимался чем-то вроде психоанализа на глазах у миллионов людей. Юмор – это способ победить горе.

Лукреция выключает видео и закуривает.

Победить горе.

Она вспоминает свою жизнь после «случая с Мари-Анж».

Неделю она провела в своей комнате в полной прострации. Без парикмахера. Без шоколадно-ореховой пасты. Без успокоительных пополам с виски. Без рыбки. Без любовника, которого можно прогнать. Ей оставалось лишь до крови грызть ногти.

Естественно, всему приюту «Нотр-Дам-де-ля-Совгард» стало известно о первоапрельской шутке. С Лукрецией перестали разговаривать. Ее избегали, как прокаженной, словно боялись заразиться. Она больше не ходила на занятия, и ей даже не делали замечаний. Ее никто не навещал. Повариха из столовой приносила еду ей в комнату. Лукреция начала толстеть. Много спала. И никого не хотела видеть.

Однажды какая-то девочка все-таки сумела к ней прорваться и сказала: многие считают поведение Мари-Анж некорректным и уничтожили все фотографии.

– Напрасно. Я уверена, что некоторые получились просто отлично, – надменно ответила Лукреция.

Она раздобыла скетч Дария «Эскимос и рыба». Прослушала его еще раз, словно ища в нем скрытый смысл.

Здесь нет рыбы. Это говорит директор катка.

Она поняла, что неверно оценила проблему, неправильно выбрала цель и напрасно поддалась чувству гнева. На катке надо не ловить рыбу, а кататься на коньках. Надо изменить свое поведение.

Шутка убила ее.

Шутка ее спасла.

Шутка вернула ее к жизни.

Но сначала необходимо принять трудное решение.

Когда змея меняет кожу, она слепа.

Лукреция украла на кухне большой нож для мяса. И отправилась убивать Мари-Анж.

Так заканчиваются удачные шутки, думала она, сжимая ручку ножа. И уже знала, что именно скажет, вонзая лезвие в сердце Мари-Анж. «С первым апреля!»

Замок сломался после первого же удара ногой. Но Мари-Анж в комнате не было. Лукреция узнала, что ее мучительница уехала. На стене висела записка: «Не обижайся, Лукреция. Это была просто шутка. Я люблю тебя и буду любить всегда. Твой ангел Мари», а рядом – первоапрельская фотография.

Она еще издевается надо мной!

Лукреция разорвала фотографию. Ей казалось, что у нее украли возможность отомстить. В висках у нее стучало: «Я больше никогда не буду жертвой».

Она принялась активно заниматься боевыми искусствами. Китайское кунг-фу слишком напоминало танец, японское карате показалось чересчур примитивным. А вот корейское тэквондо понравилось ей агрессивностью и эффективностью. К нему она добавила израильскую кравмагу, которая позволяла найти выход из самой безнадежной ситуации. Сначала она назвала изобретенный гибрид «приют-квандо», а потом «Лукреция-квандо». Правил в этой борьбе не было. Смертельные удары поощрялись.

Чтобы проверить свое искусство в деле, она стала задирой. Полюбила конфликты. Искала

стычек и начинала драться, не снисходя до объяснений.

Любая мелочь могла вывести ее из себя. Слабых всегда завораживает сила и агрессия, особенно бессмысленная, и у Лукреции появилось много подруг. Она сколотила целую банду. Отныне в дортуарах «Нотр-Дам-де-ля-Совгард» ее слово стало законом.

Стук в дверь выводит Лукрецию из задумчивости. Она возвращается в реальную жизнь. Смотрит в глазок и видит любовника, которого выгнала вчера.

– Прости меня, я виноват! Я очень раскаиваюсь, – слышит она сквозь дверь.

Он звонит еще несколько раз, и только тогда Лукреция открывает дверь. Она молча бьет его головой в лицо. Раздается звук, как будто кокос раскололи молотком. Парень отлетает назад, его лицо залито кровью.

– Ты тут ни при чем. Просто я собираюсь бросить курить и уже сейчас на взводе.

Лукреция захлопывает дверь и закуривает. Ждет. Парень не возвращается.

Она садится и снова пересматривает последний скетч Дария, заканчивающийся словами: «И тогда он прочел последнюю фразу, расхохотался и умер».

Эти слова потрясают ее.

Дарий словно знал, что с ним произойдет. Или хотел, чтобы произошло. Тогда это не просто последний скетч, а обращение к убийце.

Она смотрит на Левиафана. Ее забавляет новый сожитель.

– Рыбка, а что тебе кажется смешным?

Карп подплывает к стеклянной стенке и, глядя на огромный, тревожащий его силуэт, выпускает пузырек воздуха.

Жилец спорит с хозяином квартиры.

– А я говорю, что в квартире мыши!

– Этого не может быть! Квартира в идеальном состоянии.

Жилец кладет на пол кусочек сыра, и по комнате пробегает мышь, но так быстро, что ее трудно заметить.

– Я не уверен, что видел мышь, – бормочет хозяин.

Жилец бросает на пол несколько кусочков сыра. Одна за другой появляются три мыши, красная рыбка и четвертая мышь.

– Ну что, теперь видели?

– Видел. И красную рыбку тоже.

Взбешенный жилец восклицает:

– Сначала разберемся с мышами, а уж потом поговорим про сырость!

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

Перед зданием на бульваре Османн, в шестнадцатом округе Парижа, у входа с медной табличкой, на которой большими буквами выгравировано «С.К.П.», а чуть ниже «Стефан Крауц Продакшн», с грохотом, в облаке дыма останавливается мотоцикл «гуччи».

Девушка-секретарь указывает Лукреции в сторону приемной, где уже полно посетителей. Все они нервничают так, словно сидят под дверью дантиста, известного своей жестокостью.

Все молча смотрят в пол, устланный толстым красным ковром. Девушка полирует ногти. Молодой человек учит наизусть какой-то текст. Мужчина постарше читает старый бульварный журнал с фотографией королевской четы на обложке. Стены увешаны афишами Дария и других, менее известных артистов.

Дверь открывается, в приемную вываливается взъерошенный человек. Вслед ему несется громкий голос:

– И больше не возвращайтесь! Я не могу терять время на юмор... двухтысячного года!

Человек, понурившись, уходит. В дверь заходит следующий... И тут же вылетает обратно.

– С вами свяжутся! Спасибо! Следующий! – кричит тот же голос.

Только что выставленный кандидат делает жест, означающий: «Желаю удачи».

Наконец подходит очередь Лукреции.

Она входит в кабинет, увешанный большими фотографиями, на которых Стефан Крауц изображен со знаменитостями из мира музыки, кино и политики. Он пожимает им руки или похлопывает их по плечу.

Голова Крауца имеет несколько удлиненную форму, уши слегка оттопырены. Продюсер одет в черный кожаный пиджак и фирменные джинсы. Он сидит в глубоком кресле, обтянутом кожей зебры, его пальцы порхают над клавиатурой ноутбука. Из-под стола торчат ноги в ковбойских сапогах.

Она ждет. Сначала ей кажется, что Крауц составляет расписание деловых встреч, но вскоре она понимает, что он переписывается в социальной сети Интернета с несколькими людьми одновременно. Наконец, не глядя на нее, он произносит:

– Ну, давайте насмешите меня.

И, даже не поздоровавшись, машинально переворачивает песочные часы.

– У вас три минуты.

Лукреция молчит. Крауц наконец поднимает на нее глаза.

– Мадемуазель, вы теряете время.

Песок сыплется вниз. Когда последняя песчинка падает на дно, Крауц поворачивается к ноутбуку.

– Вы упустили свой шанс.

Он нажимает на кнопку интерфона и говорит:

– Карин, сколько раз повторять! Не пускайте ко мне кого попало. Я зря трачу время. Следующий!

Но Лукреция не поднимается со стула.

– Благодарю вас, мадемуазель. Вам позвонят, если вами кто-нибудь заинтересуется.

В конце концов, молчаливая, как рыба, зеленоглазая красотка в китайском наряде может подойти для авторского кино...

– Я пришла не за тем, чтобы вас смешить, – произносит наконец Лукреция.

Крауц утомленно потирает рукой лоб.

– Вы актриса?

– Нет.

– Разумеется. Вы не похожи на истеричку. Дайте догадаюсь... Вы фининспектор? У меня уже было две финансовых проверки с начала года... сколько можно?!

– Нет.

Кто-то уже заглядывает в дверь, чтобы занять место Лукреции.

– Кто вас звал? Вы же видите, мы еще не закончили!

Незванный гость, кажется, только рад отложить экзамен.

Он извиняется и осторожно прикрывает за собой дверь.

– Ладно, продолжим играть в загадки. Не юморист, не актриса, не фининспектор. Если вы дочь одной из моих любовниц, знайте – шантаж со мной не пройдет. Я признаю вас наследницей только после положительного анализа ДНК в том медицинском центре, который выберу я сам.

– Нет.

– Вы страховой агент? Кухни, балконы?

– Нет.

Крауц щелкает подтяжками.

– Сдаюсь.

Она протягивает ему визитную карточку.

– Лукреция Немрод. Журналистка. Работаю в «Современном обозревателе».

– Надеюсь, вы не собираетесь говорить со мной про Дария.

Крауц хмурится. Лукреция быстро перебирает ключи.

Какой подойдет к этой двери?

Ключ эгоцентризма. Как все люди, использующие чужой талант, он мечтает о признании его собственных способностей.

—Все интересуются Дарием, но никто не знает, что без вас Дария бы не было. Мы хотим написать большую статью о «настоящем создателе феномена Дария».

Лукреция волнуется – не перегнула ли она палку? Крауц наклоняется к интерфону и говорит:

– Карин? Пять минут ни с кем меня не соединяй и никого ко мне не пускай.

Потом он оборачивается к молодой журналистке.

– Обязательное условие: я должен прочесть статью перед тем, как она выйдет. Можете задать пять вопросов.

– Почему только пять?

– Просто так. Теперь вопросов осталось четыре.

Лукреция не дает сбить себя с толку.

– Тадеуш Возняк рассказал, что вы судились с Дарием, когда он захотел получить права на свои первые альбомы. Это правда?

– Да. Три вопроса.

– Вы должны были вот-вот проиграть процесс, поскольку «моральные права артиста на его произведения» во Франции неотчуждаемы. Последнее заседание должно было состояться на следующей неделе. Теперь Дарий умер, и права на его альбомы останутся у вас. Это так?

– Да. Два вопроса. Скажите, вы точно собираетесь написать обо мне хвалебную статью?

– Другими словами, смерть Дария за несколько дней до вынесения судом окончательного решения вам очень выгодна. Это просто невероятная удача. Исчезновение Дария не только спасает вас, но и приносит вам состояние. Вы возвращаете себе его первые альбомы, которые публика просто обожает. Выпускаете сборник хитов. Устраиваете концерт памяти Дария в «Олимпии». Да еще вам принадлежат все права на распространение видеозаписей выступления

Дария. Вы вытянули счастливый билет в тот самый миг, когда должны были все потерять. Это так?

– Да. Один вопрос.

– Это вы убили Дария?

– Нет.

Продюсер широко улыбается.

– Время вышло. Спасибо и до свидания, мадемуазель. И обязательно пришлите мне статью перед публикацией, иначе будете иметь дело с моим адвокатом. Он сидит на проценте и очень заинтересован в успехе любого процесса. Кроме того, у него есть свои причины ненавидеть прессу.

Лукреция пристально смотрит на него и идет ва-банк.

– Я думаю, вы лжете. Циклопа убили вы.

Стефан Крауц рассматривает набор брелоков для ключей: это резиновые фигурки с кнопкой в животе. Он выбирает одного человечка и нажимает ему на живот. Из микрофона, вмонтированного в фигурку, раздается хохот.

– Знаете, что это такое? «Машинки для смеха». Когда мне не хочется смеяться самому, я включаю такую игрушку. Очень полезная вещь. Я не утомляю мышцы лица и предотвращаю появление морщин. Вы мне нравитесь, дарю вам одну. Выбирайте. Вот, например, «грубый смех крестьянина».

Продюсер берет брелок, нажимает, слышится утробный хохот.

– Это не ответ, господин Крауц.

Он кладет брелок на стол и пожимает плечами.

– Тогда, может быть, эта, – говорит он, выбирая фигурку в виде полуобнаженной девушки. – «Смех смущенной юной девственницы».

Он нажимает на брелок, раздается пронзительный смех, прерываемый икотой, которая постепенно переходит в звуки, сопровождающие оргазм.

– Дарю. Не благодарите меня. Это рекламная продукция, их делают в Китае.

Лукреция действительно замечает на фигурке надпись «Не для продажи». Она принимает странный подарок.

– Так каков же ваш ответ? – спрашивает невозмутимо она.

– Ваши обвинения настолько смешны, что ответить на них можно лишь механическим смехом. Вы думаете, что я прошел сквозь стену или по тайному ходу проник в гримерку Дария и задушил его, а телохранитель тем временем спокойно стоял у двери?

Крауц нажимает на брелок с надписью «Смех старого маньяка». Он перестает улыбаться.

– Видите ли, мадемуазель, ссориться – это непрофессионально. В нашей среде все течет, все изменяется, вчерашние друзья становятся врагами, а послезавтра снова друзьями. Мы затеваем процессы, деремся, угрожаем, кричим, а потом миримся. Шоу-бизнес – это большая, шумная и, несмотря ни на что, дружная семья, что бы там ни думали люди со стороны. Бродячие актеры, шуты, ремесленники развлечений. Мы нужны обществу так же, как и врачи. Да что я говорю! Мы важнее врачей. Мы нужны для того, чтобы люди могли выносить своих начальников, подчиненных, жен, детей, любовниц, мужей, налоги и болезни.

– Вы так и не ответили на вопрос.

– Это и есть ответ.

Он вздыхает.

– Дарий меня разочаровал. Я был обижен на него за то, что он меня бросил. Даже не бросил, а предал. И я начал против него процесс. Который, скорее всего, я бы проиграл. Это правда. Но мое шоу в «Олимпии» навсегда прославит его имя. И я делаю это не ради денег, что

бы вы там ни думали. Я знаю, если он смотрит на меня с небес, то хочет сказать: «Спасибо, Стефан».

Продюсер прижимает руку к сердцу и смотрит в окно, куда-то вдаль. Потом нажимает на брелок, который заливается пронзительным хохотом.

– Где вы были в момент его смерти? – спрашивает Лукреция.

– В зале. Я аплодировал Дарию, которого вытащил из неизвестности и поднял на вершину искусства. Рядом со мной сидел министр культуры, который может это подтвердить. Я думаю, для алиби достаточно?

Лукреция нажимает на кнопку брелока в форме полуобнаженной девушки. Слышится искусственный смех.

– Скажите честно, кому, кроме вас, выгодна смерть Дария?

– Его брату Тадеушу. Он будет распоряжаться наследством и возглавит «Циклоп Продакшн».

– Кто еще, помимо Тадеуша, мог желать его смерти?

– Основные мотивы убийства – деньги и слава. Я думаю, что если убийство действительно имело место, то в нем замешан его главный соперник. Тот, кто станет теперь номером один в мире юмора.

Крауц вертит в руках фигурку клоуна.

– И как нарочно, у него эксклюзивный контракт с «Циклоп Продакшн».

4803 год до нашей эры

Междуречье Тигра и Евфрата, территория современного Ирака

После долгих скитаний люди нашли плодородную землю и решили начать оседлый образ жизни. Собиратели и охотники превратились в земледельцев.

Появились первые деревни с прочными домами из обожженного кирпича. Люди сеяли пшеницу и собирали урожай. Вокруг деревень в поисках отбросов бродили животные: козы, бараны, коровы. Их приручили и поместили в загоны. Так возникло животноводство.

Век за веком поля расширялись, поголовье скота увеличивалось. Деревни становились поселками. Поселки разрастались в большие города с сотнями и тысячами жителей.

За шесть тысяч лет до нашей эры появились мегаполисы Урук, Эриду, Лагаш, Умма, Ур. Они принадлежали к самой первой человеческой цивилизации – шумерской.

Самым большим и развитым был шумерский город Ур. В прекрасном 4803 году он начал войну с городом Киш, принадлежавшим к соперничающей с шумерами аккадской цивилизации. Война между шумерами и аккадцами шла долго и измотала оба лагеря.

Однажды царство Киш одержало важную, хотя и не решающую победу. После этого аккадский царь по имени Энби Иштар предложил шумерскому царю по имени Эншакушана заключить мир. Войска соперников собрались в долине, на нейтральной территории.

Цари уселись друг напротив друга, а между ними устроился переводчик.

– Итак, – произнес шумерский царь Эншакушана, – что он предлагает?

Переводчик перевел вопрос. Министры окружили царей и внимательно слушали. Наконец ответ Энби Иштара был переведен.

– Он говорит, что хочет мира.

– Очень хорошо. Скажи ему, что мы тоже хотим мира, мы обессилены войной.

Аккадский царь посоветовался о чем-то с министрами, потом обратился к переводчику. Ответ был готов.

– Что он говорит? – спросил шумерский царь.

– Он говорит, что выиграл последнее сражение и выиграл войну. Он не хочет разрушать город Ур – и требует, чтобы вы платили ему дань в течение пяти лет, отдали весь запас зерна, предоставили пять тысяч рабов мужского пола и три тысячи рабов женского пола, причем царь и министры сами выберут их.

Шумерский царь Эншакушана выдержал паузу.

Переводчик начал проявлять нетерпение.

– Что я должен сказать? Господин, они ждут ответа.

Тогда шумерский царь подошел к аккадскому царю со странным выражением лица. Казалось, он собирается что-то сказать, но вместо того, чтобы воспользоваться для этого ртом, издал низкий рокошующий звук анальным отверстием.

Пук получился громким и трубным. Таким стал ответ царя Эншакушана царю Энби Иштару.

Реакция не заставила себя ждать, все шумерские министры рассмеялись. Не засмеялся только аккадский царь. Он побагровел и выпучил глаза от обиды. Потом отдал какой-то приказ, оставшийся непереведенным, и его генералы вместе с писцами покинули шатер.

Когда шумерский царь Эншакушана и его подданные остались в одиночестве, все они снова громко расхохотались.

Царь велел писцу:

– Это событие должно остаться в веках. И, вспоминая его, пусть все смеются, как смеялись

мы.

Писца звали Син-Леке-Унинни. Он поклонился, но пребывал в глубоком замешательстве. Как нарисовать пускание ветров? Как при помощи рельефного изображения отразить весь комизм ситуации? Весь вечер он размышлял, как запечатлеть в веках смешную сцену. И весь следующий день, и еще много дней.

Два месяца спустя шумерский царь Эншакушана выиграл сражение с царем Энби Иштаром и одержал решающую победу. Шумеры захватили город Киш, и законы города Ур воцарились в побежденном аккадском мегаполисе.

С триумфом проезжая по улицам Киша, царь вспомнил о неудачной попытке перемирия и спросил писца Син-Леке-Унинни, как обстоит дело с увековечиванием достопамятной сцены. Писец уклонился от ответа.

Через некоторое время Син-Леке-Унинни пришла в голову смелая идея: отказаться от рисунков, которые изображали только видимые предметы, и использовать слоги. Из слогов можно составлять слова, обозначающие не только видимые, но и невидимые вещи, и даже такие абстрактные понятия, как чувства.

И Син-Леке-Унинни принялся не рисовать, а царапать по сырой глине черточки, напоминающие по форме гвозди. Он решил, что разные сочетания вертикальных и горизонтальных черточек будут обозначать разные слоги.

Так родилась клинопись.

Писец Син-Леке-Унинни подробно описал встречу своего царя с царем противника и то, каким неожиданным образом Эншакушана завершил переговоры. Син-Леке-Унинни не только изобрел следующую после идеографической письменность, он записал первую в мире юмористическую миниатюру.

Великая Книга Истории Смеха.

Источник G.L.H.

Лукреция сидит у парикмахера Алессандро, который только что намазал ее волосы чем-то вязким и зеленоватым.

– Краситься будем? Предлагаю что-нибудь вроде красного дерева.

– До свиданья морковный цвет? – спрашивает Лукреция.

– Будет нечто среднее между морковным оттенком и красным деревом. И наверное, надо подровнять волосы. Просто уберем то, что отросло. Поверь, Лукреция, стрижка все меняет к лучшему.

– Нет, спасибо. Так сойдет.

Парикмахер начинает энергично массировать ей голову. Странные запахи вырываются из многочисленных флаконов, которые он по очереди открывает и нюхает.

– Мне тут рассказали отличный анекдот...

– О нет, Алессандро, спасибо! В последнее время у меня... Как бы это сказать... «передоз анекдотов».

Алессандро погружается в молчание, которое несколько не смущает его клиентку.

Знаю, что поход в парикмахерскую сейчас – безумие, но мне это действительно нужно. Я трачу слишком много нервов на расследование. Мне кажется, что я должна понять что-то важное. Что я могу что-то упустить.

Можно ли убить человека смехом?

Кто мог ненавидеть самого популярного француза?

B.Q.T. ...

Bienheureux celui Qui se Tait? [\[8\]](#)

А что думать про Стефана Крауца? Тадеуш прав, ему больше, чем другим, выгодна смерть Дария. А Крауц считает, что это на руку Тадеушу.

– Алессандро, как ты относишься к Дарию?

– Я его о-бо-жал. Это же гений! Я так расстроился, когда он умер! У меня даже аппетит пропал на три часа.

– А что тебе в нем нравилось?

– Все! Он был такой смешной! И в нем чувствовалось благородство. Знаешь, Лукреция, о его смерти ходило много слухов. Похоже, его убрали секретные службы. Как леди Ди.

– Почему?

– Он слишком много знал о крупных политиках. Он же со всеми был знаком! Они могли ему о чем-нибудь проболтаться, а потом пожалеть. Та же история, что с Мэрилин Монро или Колюшем. Политики подсылают наемных убийц, а потом выдают это за несчастный случай. Но мы-то не дураки!

– Убит секретными службами? Алессандро, откуда ты это взял?

– Из Интернета. В тот вечер один парень написал в Сети, что у него есть секретная информация. Он работает в службе национальной безопасности. Имени своего он не мог назвать, но кое-что рассказал. Тебе корни и концы в один цвет красить? Может, сделаем мелирование?

– И как же они убили Дария?

– Тот парень – у него ник «Глубокая глотка» – считает, что это ФБР. Вроде бы они сделали муху, или комара, или муравья – в общем, что-то такое с отравленным жалом, – запустили его в систему вентиляции, и оно укусило Дария.

– М-м... я читала нечто подобное в одном научно-фантастическом романе. В «Дне

муравьев», кажется.

– Но это правда! И мотив есть...

– Да? Какой?

Я совсем забыла... Парикмахер – это не только психотерапия, это еще и информация, которую нигде больше не найдешь.

– Только не говори, что ты не поняла!

Алессандро шепчет ей на ухо:

– Он собирался участвовать в президентских выборах! Как Колюш! И его бы избрали! Он же был самый популярный.

– Ясно. А при чем тут ФБР?

Парикмахер снова наклоняется.

– Наш президент – агент ФБР, и они не хотят конкуренции.

Алессандро многозначительно прижимает палец к губам.

– Ну так что, мадемуазель Немрод, корни тоже красим или в следующий раз? – говорит он громко, чтобы усыпить подозрения окружающих.

– А сколько это стоит?

– О, для такой хорошей клиентки, как ты, Лукреция, сегодня за полцены. И еще я могу попросить Луизу, чтобы она тебе сделала ногти. Мы только что получили новые, американские, из особо прочного пластика, с рисунком – лань в лесу на фоне заката. Только представь, на каждом ногте – лань и закат. Можно даже на ногах, если захочешь.

Звук трубы заглушает ответ Лукреции. На улице неожиданно раздается страшный шум.

Карнавальное шествие? За несколько дней до первого апреля? Вот еще одно непредвиденное последствие глобального потепления.

По мостовой движется толпа людей в маскарадных костюмах. Они играют на трубах, кларнетах и саксофонах.

Откуда эта постоянная потребность в определенный день заставлять себя смеяться и веселиться, а на День Всех Святых опять становиться серьезным? Словно мы все должны одновременно испытывать одни и те же чувства.

Лукреция рассеянно наблюдает в зеркало за процессией, которая постепенно запруживает всю улицу. Вдруг она вздрагивает.

Среди веселых гуляк, облепивших огромную куклу, едущую на колеснице, Лукреция замечает клоуна с большим красным носом, печально опущенными углами рта и слезой на щеке.

Черт побери, да ведь это ГРУСТНЫЙ КЛОУН!

Она вылетает из парикмахерской.

– Эй! Вы, там!

Клоун замечает ее, прыгивает с колесницы и бросается бежать. Лукреция, с головой, вымазанной зеленой кашцей, мчится за ним. Клоун пытается раствориться в толпе, но Лукреция забирается на колесницу и сверху следит за его передвижениями.

Вместо того чтобы гнаться за ним по пятам, она огибает процессию и выскакивает перед ним как из-под земли. Лукреция опрокидывает его на землю и начинает душить. Через несколько секунд она ослабляет хватку, стирает парикмахерской накладкой грим с лица клоуна и видит, что перед ней юноша лет шестнадцати.

– Почему ты убегал?

– Клянусь, это не я воровал мобильники! Это все они!

Лукреция отпускает его, и юноша пускается наутек. Прохожие смотрят на нее с удивлением. Зеленая кашка вот-вот зальет ей глаза.

На что я надеялась? Вот так, случайно встретить убийцу на улице?

А вдруг убийство Циклопа такая же выдумка, как международный заговор Алессандро? Преступление с целью наживы? Маловероятно.

Зависть коллег? Слишком сложный способ устранения соперника.

Крауц? Жадность продюсера? Что-то он не похож на злодея.

Тадеуш? Брат, которому не терпится заполучить наследство? Ну, не знаю...

Остается синяя шкатулка. Только она. Синяя шкатулка с буквами «B.Q.T.».

Статью из этого не сделаешь.

А что, если Тенардые права? Может быть, я действительно так же бездарна, как Клотильда.

Пеллегрини дал хороший совет: нужно заручиться поддержкой Исидора, он опытный и проницательный журналист. Одна я не справлюсь.

Но этот самодовольный толстяк отказывается мне помогать.

Может, бросить это дело? «Увы, Кристиана, вы были правы. Дарий умер от сердечного приступа. Я ошиблась, сочинив целую детективную историю. Я просто хотела привлечь к себе внимание».

Невозможно. Хотя бы из гордости. Я ни за что не брошу расследование. Я завершу его любой ценой. Отступить слишком поздно.

Лукреция возвращается в парикмахерскую.

– Ты что, увидела мужчину своей мечты? – с иронией спрашивает Алессандро.

– Совершенно верно. Но я ошиблась, это был не он, – серьезно отвечает Лукреция и усаживается в кресло, не заметив в глубине зала человека, который внимательно наблюдает за ней, прикрывшись газетой.

В 2 года успех – это не писать в штаны.
В 3 года успех – это иметь полный рот зубов.
В 12 лет успех – это быть окруженным друзьями.
В 18 лет успех – это водить машину.
В 20 лет успех – это хорошо заниматься сексом.
В 35 лет успех – это зарабатывать много денег.
В 60 лет успех – это хорошо заниматься сексом.
В 70 лет успех – это водить машину.
В 75 лет успех – это быть окруженным друзьями.
В 80 лет успех – это иметь полный рот зубов.
В 85 лет успех – не писать в штаны.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Если ты любишь, тебе всегда двадцать лет»

Волнение достигает апогея. Комик Феликс Шаттам взмок так, что ему приходится вытираться полотенцем. Руки у него дрожат.

Стоя за кулисами «Олимпии», Лукреция издалека наблюдает за ним. Прогон при закрытом занавесе, последняя репетиция.

Феликс Шаттам оттачивает с ассистентом детали выступления. Помощник подает реплики, щелкая хронометром.

– На словах «прелестная компания» должен быть смех. Дай им четыре секунды, не больше, набери воздуха и продолжай. Смех и, может быть, аплодисменты продолжаются. Итак: твой текст.

Феликс Шаттам произносит:

– «Может быть, но, учитывая создавшееся положение, это было бы слишком просто».

– Отлично! Таращишь глаза и резко вздергиваешь подбородок на тридцать пять градусов. Делаешь три шага вправо, слегка оборачиваешься – на три четверти, там желтый прожектор, который освещает тебя в профиль. Следующую реплику говоришь с кривой усмешкой. Улыбка номер тридцать два бис. Давай.

Раздается объявление по громкоговорителю:

– Зрители больше не могут ждать! Пора на сцену!

Из зала действительно доносятся крики.

– Фе-ликс! Фе-ликс!

Комик начинает отчаянно паниковать. Ассистент обнимает его за плечи.

– Не обращай внимания. Текст.

– Хорошо, продолжаю: «И еще нужно, чтобы они были в курсе. Поскольку, если я не ошибаюсь, вы все не в курсе».

– Произноси четче, ты глотаешь слова. Повтори.

– «Чтобы они были в курсе». Так нормально?

– Сойдет. Тут снова должен быть смех. Ты пережидает. Если смех усиливается, подыгрываешь: «А вас, мадам, это, видимо, касается в первую очередь». Что-нибудь в этом роде, хорошо? Или сосчитай до пяти. Потом принимаешь раздосадованный вид и произносишь следующую реплику.

– «Да, но, чтобы держать их в курсе, нужно все знать самому».

– К этому времени, по идее, проходит минута двадцать секунд от начала скетча. Будь внимательней, не теряй ритма. Легкая улыбка номер шестьдесят три. Она тебе особенно хорошо удастся, на щеке появляется ямочка. Ты садишься. Набери в грудь воздуха – реплика длинная. И не глотай слоги, ты плохо выговариваешь «статистика» и «непорядочность».

Лукреция думает, что репетиция напоминает ралли, где второй пилот предупреждает о виражах и препятствиях и о том, где прибавить скорости.

Она хочет подойти ближе, но чья-то рука удерживает ее.

– Не отвлекайте их!

Это Франк Тампести, пожарный-курильщик.

– Собьете настрой, и Феликс сдуется, как дырявая крышка. Вы даже не представляете, какая напряженная работа предшествует юмористическому представлению. Все рассчитано до секунды.

Лукреция слышит, как зал кричит все громче:

– Фе-ликс! Фе-ликс!

Голос из громкоговорителя:

– Двадцать минут опоздания! Ребята, если так дальше пойдет, они тут все разнесут! Пора выходить!

Феликс Шаттам снова впадает в панику, и снова ассистент обнимает его за плечи, призывая к спокойствию. К ним подходит человек в темном костюме.

– А это кто? – шепчет Лукреция.

– Боб, его секундант.

– Секундант? Какой секундант?

– Технический специалист по юмору, который редактирует окончательную постановку миниатюры, выбрасывает ненужное, докручивает гайки, отлаживает эффекты, подчеркивает оттенки интонации и следит даже за выражением глаз комика. Смешить – дело тонкое. А как известно, где тонко, там и рвется.

Артисты так погружены в работу, что не замечают присутствия Лукреции. Неожиданно Феликс Шаттам вскрикивает:

– Черт! У меня пропал голос! Боб, опять! Я не могу говорить! Я пропал! Врача!

Громкоговоритель верещит:

– Больше ждать нельзя! Двадцать пять минут опоздания!

Публика неистовствует и топает ногами:

– Фе-ликс! Фе-ликс!

Артист взмок от отчаяния.

– Это невозможно! Катастрофа! У меня пропал голос! Я не могу выступать, верните им деньги!

– Принесите ему меда! – кричит секундант.

Пожарный Тампести убегает и возвращается с большой желтой банкой. Феликс съедает одну, две, десять ложек меда. Он пытается что-то сказать, но лишь хрипит, как осипший соловей.

Он опустошает банку, пытается прочистить горло, но это заканчивается приступом кашля.

– Надо возвращать деньги! – твердит он, побагровев от волнения.

– Ладно, пора применять сильнодействующие средства. Я вызываю врача! – говорит Боб.

Лукреция в растерянности наблюдает за ними.

– Возвращайте деньги! Все отменяем! Я не могу говорить, у меня пропал голос! – повторяет Феликс.

– Сейчас придет врач, – подбадривает его Боб.

Пожарный шепчет Лукреции:

– Не волнуйтесь. Каждый вечер одно и то же. У него от страха парализует голосовые связки.

– Они действительно все отменят и вернут деньги?

– Да нет, конечно. Это все психология. Переклинило его. Комики – самый легковозбудимый народ в мире. Нервы вечно на пределе, нескончаемые жалобы и боли во всем теле. Но хотя все это происходит только в его воображении, снять стресс без врача не получается.

– Где этот чертов врач? – рычит Боб.

Наконец появляется старичок с огромной сумкой.

– Как вчера, доктор. Как вчера.

Врач явно смущен.

– Вы знаете, что этого нельзя делать. Ежедневное применение кортизона опасно – возникает привыкание. Это не игрушки!

Зал вопит:

– Фе-ликс! Фе-ликс!

– У нас нет выхода, доктор. Приступайте!

Врач достает шприц, наполняет его лекарством и втыкает иглу в горло Феликса, туда, где находятся голосовые связки. Вытирает ватным тампоном красную капельку.

– А-э-и-о-у. Шла Саша по шоссе и сосала сушку. Ба-бе-би-бо-бу, бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка белая губа была тупа.

Зал продолжает неистовствовать. Громкоговоритель оживает:

– Утихомирьте зрителей! Начинаем!

Молодая журналистка остается за кулисами и смотрит выступление.

Сцена освещена, пурпурный бархатный занавес разъезжается под аплодисменты публики. Феликс Шаттам, ставший после смерти Дария Возняка самым популярным юмористом Франции, начинает первый скетч.

– Ну, друзья, долго же вы собираетесь! Сколько вас можно ждать? – произносит он голосом президента республики.

Зал смеется.

– У меня для вас две новости, хорошая и плохая. Хорошая: выступление началось. Плохая: вам придется терпеть меня целых полтора часа. Но это все-таки не пятилетний срок.

Зал взрывается хохотом.

Секундант Боб облегченно вздыхает. Феликс вызвал две первые волны смеха, самое трудное позади. Теперь все пойдет как по нотам. Он следит за выступлением с хронометром в руках.

К Лукреции подходит пожарный.

– Я не люблю имитаторов. Как правило, в обычной жизни эти люди безлики, вот и поют с чужого голоса.

– Я знал всех комиков моего времени, они ведь выступали здесь... – Кажется, пожарный решил пуститься в воспоминания. – Дарий чем-то напоминал Колюша, а Феликс больше похож на Тьерри Лелюрона. Кстати, жен обоим нашел их агент Ледерманн.

Лукреция пытается слушать скетч, но пожарный невозмутимо продолжает:

– Быть имитатором – это болезнь. У них раздвоение личности. Но их не лечат, а наоборот... Им платят за то, что они выставляют свою патологию напоказ!

Лукреции это кажется забавным, и она думает, что пожарный не так уж далек от истины.

Смех в зале затихает и возникает вновь, как океанский прибой. Волны становятся все выше, и последняя накрывает весь зал. Зрители встают, начинается овация.

– Еще! Еще! Феликс! Феликс!

Комик бросает взгляд на Боба, который жестом дает понять, что время еще есть. Феликс не заставляет себя упрашивать. Он читает еще два скетча, изображая папу Римского и президента США.

Полный триумф. Кланяясь, Феликс напоминает, что будет участвовать в шоу, посвященном памяти Дария, которое состоится здесь же, в «Олимпии».

Пурпурный занавес закрывается. Артист с трудом протискивается к своей гримерке сквозь толпу поклонников, требующих автограф. Служба безопасности оттесняет их к выходу и обещает, что Феликс выйдет к ним. Когда коридор пустеет, Лукреция подходит к Бобу, стоящему перед гримеркой, и просит разрешения взять интервью для «Современного обозревателя».

– Феликс устал. Его нельзя беспокоить, поговорите завтра с его пресс-атташе.

Лукреция хватая Боба за запястье, выворачивает ему руку и врывается в гримерку.

– Что вы делаете? – удивленно восклицает Феликс, который снимает грим перед зеркалом.

– Я журналистка. Хочу задать вам несколько вопросов.

– Сейчас совсем не подходящее время.

Боб уже входит с угрожающим видом, он готов вызвать службу безопасности.

Лукреция быстро перебирает список ключей.

Деньги? Нет.

Секс? Нет.

Слава? Нет.

Умение слушать? Нет.

Только что у него был припадок паники. Этот человек живет в страхе. Страх – вот отличный ключ.

Она поворачивается к комику.

– Я пришла спасти вам жизнь. Здесь умер Дарий, и это не было несчастным случаем. Вы тоже погибнете, если не поможете мне!

Феликс испытующе смотрит на нее, затем разражается хохотом и обращается к Бобу, которому по-прежнему не до смеха:

– Отличная шутка!

Господи, кажется, я поняла! Юмор – вот правильный ключ. Значит, я ошибалась. Есть юмористы, которые любят смеяться.

—Что ж, хорошо. Я дам интервью, но при одном условии: вы рассмешите меня еще раз.

Лукреция думает, что мужчины до старости остаются детьми и, предложив поиграть, от них можно добиться чего угодно. Исидор клюнул на три камешка, Феликс – на лучшую шутку.

Но у нее всего одна попытка. Бить надо сразу в цель.

– Как слепому парашютисту узнать, что он скоро приземлится?

Комик кивает, приглашая ее продолжать.

– Поводок собаки-поводыря начинает провисать.

Феликс выглядит удивленным. Он не смеется.

– Это шутка Дария. Я ее забыл. Вы не поверите, но у меня в памяти анекдоты вообще не задерживаются, я помню только свои собственные скетчи... Ладно, задавайте ваши вопросы, пока я снимаю грим, – соглашается он, признавая ее победу.

– Какие отношения связывали вас с Дарием?

– Циклоп – мой учитель, друг, названный брат. Он научил меня всему. Предложил контракт с «Циклоп Продакшн», помог достичь славы. Я всем обязан ему.

– Вас очень огорчила его смерть?

– Вы не можете себе представить, как я переживаю. Ему было всего сорок два года. Он был еще так молод! Как это несправедливо! Такое комическое дарование! Он умер, едва начав восхождение к вершинам таланта. Я считаю, он мог бы достичь гораздо большего. Его последнее шоу потрясает мастерством и новизной. Это, наверное, и подорвало его силы. Я-то знаю, каких жертв требует юмористическое шоу.

Лукреция кивает, записывает, поправляет новую прическу – шедевр Алессандро, а затем спокойно говорит:

– Я ведь не шутила. Я действительно считаю, что Дария убили. Как вы думаете, кто мог желать ему смерти?

Комик прекращает снимать грим. Выражение его лица меняется.

– Никто! Все любили Циклопа! Абсолютно все!

– Сомневаюсь. Когда ты так знаменит, то обязательно вызываешь зависть и ревность. Быть лучшим – значит иметь врагов.

– Я вижу, куда вы клоните. Если вы думаете, что я убил Дария, то вы ошибаетесь. Я сидел в зале, с друзьями, и ни на секунду не отлучался до самого конца представления. Нам, комикам, очень важно чувствовать зрителей. Итак, если допустить, что вы правы – хотя это маловероятно, – кто мог желать его гибели? Нужно подумать...

Феликс оборачивается и, подражая голосу знаменитого сыщика из телесериала, загадочно говорит:

– Ищите виновника его смерти не среди лучших, а... среди худших!

– И кто же худший?

Феликс вытирает руки.

– Тот, чья карьера погибла по вине Дария. Такой человек действительно мог затаить зло на Циклопа. И даже желать его смерти.

Феликс Шаттам снимает с лица последние следы грима, словно воин, смывающий боевую раскраску после выигранного сражения.

– Если вы любите загадки, я подарю вам одну.

– Я вся внимание.

– Человек останавливается на распутье. Одна дорога ведет к сокровищам, другая – в логово дракона, к гибели. У начала каждой дороги стоит всадник: один всегда лжет, а другой говорит правду. Им можно задать только один вопрос. Кого из всадников и о чем нужно спросить?

Лукреция задумывается, потом говорит:

– Увы, никогда не была сильна в логике. Такие загадки для меня слишком сложны. Я позвоню вам, если узнаю ответ. Дайте мне, пожалуйста, номер вашего телефона.

Она выходит из театра. На улице дождь.

Только бы волосы не начали завиваться. Я столько заплатила парикмахеру...

Она смотрит на блистающую огнями «Олимпию».

Никогда не думала, что это так трудно. То, что делал Дарий и продолжает делать Феликс, чрезвычайно сложно и изнурительно. Теперь я знаю, каково им приходится. Ни за что не согласилась бы смешить кого-то за деньги. Я бы с ума сошла от ужаса, если бы зрители не смеялись или смеялись слишком тихо.

Она закуривает и сильно затягивается, чтобы снять напряжение.

Трое друзей обожают анекдоты. Они знают их наизусть и уже не рассказывают, а просто называют номера.

Один говорит:

– Двадцать четвертый!

Все покатываются со смеху.

Другой говорит:

– Семьдесят третий!

Все снова хохочут.

Последний:

– Моя очередь! Пятьдесят седьмой!

Гробовая тишина.

– Вы что? В чем дело? Вам не нравится пятьдесят седьмой? – расстроено спрашивает он.

– Нравится, – отвечают ему друзья. – Ты просто не так его рассказываешь.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Школа смеха»

Рука скользит по ткани.

Лукреция берет из шкафа шелковую тунику цвета спелой сливы, достает из холодильника банку шоколадно-ореховой пасты, зачерпывает мизинцем тягучую сладкую массу. Она садится у компьютера и, печатая девятью пальцами, начинает изучать сайты известных юмористов.

Кроме Дария Возняка и Феликса Шаттама на вершине юмористического олимпа еще человек двадцать. Официальные сведения о гонорарах юмористов основаны на кассовых сборах. Дарий собирал сто тысяч евро за вечер. Феликс – всего шестьдесят.

Лукреция понимает, что умение потешать публику приносит огромные деньги, и это никого не возмущает, не то что прибыли промышленников или политиков.

Отличная все-таки профессия.

Она записывает загадку Феликса Шаттама.

«Человек останавливается на распутье. Одна дорога ведет к кладу, другая – в логово дракона, к гибели. У начала каждой дороги стоит всадник. Один всегда лжет, а другой говорит правду. Им можно задать только один вопрос. Кого из всадников и о чем нужно спросить?»

Это не шутка. Здесь надо искать скрытый философский смысл.

Вдруг Лукреция замечает, что красная рыбка как-то странно себя ведет. Вместо обычных плавных кругов карп быстро выписывает по аквариуму восьмерки.

Левиафан хочет мне что-то сказать.

Лукреция подходит и внимательно наблюдает за рыбкой. Затем оборачивается и смотрит на шкаф.

Бумаги лежат не так, как всегда. Все вещи передвинуты.

Кто-то заходил в квартиру и рылся тут!

Гость оставил мало следов, значит, это кто-то опытный.

Не вор. Скорее частный детектив. Видимо, мое расследование кого-то беспокоит. Или интересует. Может быть, убийцу?

Лукреция возвращается к аквариуму. Сиамский императорский карп прячется в длинных водорослях, которые качаются в струе пузырьков, поднимающихся над затонувшим пиратским кораблем.

– Левиафан, на будущее, приглядывай за комнатой. Если тут будет кто-то посторонний, выражай свои чувства яснее. Поступай, как дельфины: они выпрыгивают из воды и кричат.

Левиафан разгоняется и стремительно выскакивает из своего убежища. Лукреция видит отражение на стенке аквариума. Тень, прятая за занавеской, выскальзывает в прихожую и покидает квартиру.

Незванный гость бежит по лестнице, Лукреция преследует его.

Черт возьми! Он еще был в комнате! Вот что пытался сказать Левиафан!

Лукреция не может догнать незнакомца.

Что же он искал у меня?

Лица, закрытого капюшоном, не разглядеть. Незнакомец спускается в метро, проскакивает через турникет и оказывается на платформе. Лукреция успевает прыгнуть вслед за ним в подошедший поезд... и видит в окно, как человек в капюшоне бежит к выходу из метро. Он просто сделал вид, что садится в поезд.

Пора прибегнуть к решительным мерам. Я должна узнать, что происходит.

Она дергает стоп-кран. Поезд останавливается под оглушительный визг тормозов. Звенит звонок. Лукреция с усилием открывает двери и бежит за капюшоном. Она видит, как вдалеке

фигура незнакомца сливается с толпой.

Я не могу его упустить.

Она решает сократить путь и сворачивает в более свободные боковые коридоры. Смотрит вперед, поверх голов, и забывает посмотреть под ноги. Наступает на что-то гладкое и желтое – и скользит. Земля уходит у нее из-под ног. Контакт с поверхностью планеты нарушен.

Господи, неужели это банановая кожура? Только не это! Только не сейчас!

И Лукреция шлепается на задницу.

Неподалеку сидит нищий с обезьянкой в балетной пачке. Нищий смеется. Обезьянка тоже.

Слепой заходит в бар, где сидит много блондинок. Он протискивается к стойке и заказывает себе пиво. Потом говорит официантке:

– Хочешь анекдот про блондинку?

В баре воцаряется тишина. Сидящая рядом женщина говорит громким низким голосом:

– Голубчик, пока ты не начал, хочу предупредить... Во-первых, официантка блондинка. Во-вторых, вышибала тоже блондинка. В-третьих, у меня рост метр восемьдесят, вес восемьдесят пять килограммов, черный пояс карате, и я тоже блондинка. В-четвертых, рядом со мной сидит еще одна блондинка, она профессионально занимается греко-римской борьбой. В-пятых, барменша – чемпионка по тяжелой атлетике и тоже блондинка. И все мы достаточно болезненно относимся к заявленной тобой теме. Ну как, ты все еще хочешь рассказать свой анекдот?

Слепой отвечает:

– Нет. Замучаешься объяснять, где смеяться.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

Зрители в «Заднице мира» не смеются.

Артист рассказывает анекдоты только о заиках. Кое-кто встает и, вздыхая, проходит мимо сцены к выходу. Комик начинает следующий скетч.

В первом ряду кто-то громко храпит, ему не мешает неестественный хохот, которым юморист раздражается после каждой шутки.

– Слышали девиз общества заик? «Дайте за-Ко-Ко-Кон-чить!»

Жидкие аплодисменты. Многие шикают и свистят, но комик раскланивается словно под гром рукоплесканий.

Зрители расходятся, некоторые в полный голос говорят: «Полное убожество».

Обескураженный комик остается на сцене один, и вдруг видит, как к нему приближается восхитительная молодая женщина на высоких каблуках, с осиной талией и большими сияющими зелеными глазами.

– Вам понравилось? – спрашивает он, и уже достает ручку, чтобы дать автограф.

Лукреция вспоминает слова Феликса: «Кто хочет уничтожить сильнейшего? Слабейший».

Она представляется. При слове «журналистка» юморист улыбается, вспоминая дни своей минувшей славы. Лукреция задает вопрос, но комик грустно качает головой.

– Нет, я не Себ. Он наверху, в самом маленьком зале. На «Задворках Задницы мира». Идите скорей, выступление сейчас начнется. А как вам мое шоу? Просто чтобы знать.

– Очень хорошо, правда, – отвечает Лукреция уже на бегу.

Наверху в маленьком зале занавес открывается, и комик Себастьян Доллен по прозвищу Себ начинает первый скетч акробатическим этюдом со стулом. Он оглядывает публику. В зале, рассчитанном на пятьдесят человек, всего пять зрителей. Он прекращает выступление.

– Послушайте, – говорит он, – народу мало, но я не хочу отменять спектакль. У меня есть развлечение специально для вас – пародия на каждого из присутствующих.

И Себ изображает каждого из пяти зрителей. Первый удивлен. Второй думает: «Посмотрим, сумеешь ли ты меня рассмешить!» Третий смеется надо всем подряд, чтобы получить максимум удовольствия за свои деньги. Четвертый устал и вот-вот заснет, а пятый не успевает следить за происходящим.

Затем комик просит пятерых зрителей подойти поближе и сесть в первом ряду. Он импровизирует, придумывая шутки на тему утренних новостей и последних событий в мире. В этих удивительных экспромтах есть что-то трогательное и интригующее.

Кто этот человек?

Обаяние Себастьяна Доллена покоряет Лукрецию. Он с неподражаемой легкостью меняет темы, шутки сыплются одна за другой. Пятеро зрителей хохочут, хлопают от души. В конце выступления Себ раздает им бесплатные билеты для знакомых.

Немногочисленная публика уходит в полном восторге. Лукреция, пришедшая последней, продолжает сидеть в тени, в глубине зала.

На сцену поднимается директор.

– Очень хорошо, Себ! Сегодня ты отлично выступил.

– Правда?

– Жалко, народу не было. И мы, к сожалению, не сможем больше сотрудничать.

– Дайте мне еще один шанс. Я уступлю вам шестьдесят процентов сбора, – просит комик. – Вы же знаете, нужно время, чтобы шоу приобрело популярность.

– Себ, шестьдесят процентов от трех проданных и двух бесплатных билетов – это не бог

ведь что.

– Но они смеялись! Вы же слышали, они остались довольны! Семьдесят процентов.

Директор зала беспомощно разводит руками.

– С тобой все кончено, Себастьян. Наступает момент, когда нужно уходить на пенсию.

– Да мне тридцать семь лет!

– Для комика это много. Ты начал в двадцать, у тебя за плечами больше семнадцати лет на сцене. Ты уже старый комик, час твоей славы прошел.

– Хорошо, восемьдесят вам и двадцать мне. Вы знаете, на что я способен. И публика тоже знает.

– Прекрати, Себастьян. Бесплатных билетов недостаточно, чтобы привлечь зрителей. Я не говорю ничего нового: в наши дни нужны выступления по телевизору.

– Но высокий уровень моих...

– Сначала телевидение, потом уровень.

Себастьян Доллен высок, щедеушен, волосы свисают на лоб, а зубы напоминают костяшки домино. Директору «Задницы» лет тридцать, он похож на чиновника, на нем серый костюм, желтый галстук и дорогие часы. Разговаривая, он смотрит на свои вычищенные до блеска ботинки.

– Девяносто процентов вам, – говорит юморист.

– Театр – это та же булочная. Чтобы процветать, он должен продавать свою продукцию. У тебя могут быть лучшие слойки в мире, но если покупатели не придут в магазин, ты разоришься. Пойми, Себ, мне очень нравится твоя работа, я твой самый верный поклонник. Но я не меценат и не министерство культуры. Я человек, который купил помещение и задолжал банку. Меня уже тянет ко дну шоу этого кретина внизу, я больше не могу рисковать.

– Дайте мне его зал.

– Нет, не могу. На него приходят девяносто человек, которые уходят разочарованными. А на тебя пять, хотя они остаются довольны. Закон чисел на его стороне. Закон сборов, во всяком случае. А для меня это самый важный показатель. Ты, наверное, самый остроумный и талантливый артист из всех, что выступали в этом театре, но люди об этом не знают, потому что о тебе не говорят средства массовой информации. А слухи, увы, распространяются медленно. Пойми и ты меня. Я возьму Бельгадо.

– Николя Бельгадо? Но у него все шутки ниже пояса!

– Может быть, но он нравится молодежи, и его начали показывать на популярных каналах – видимо, потому, что тема «ниже пояса» нарушает запреты. Бери с него пример, попробуй более «запретный» юмор.

– Может, некрофилию? Люди, которые трахаются с трупами, для вас достаточно запретны?

– Почему бы и нет! Я серьезно, Себ. Юмор должен потрясать устои. «Ниже пояса» – это просто, но и до этого надо было додуматься. Николя занял свободную нишу.

Себ глубоко вздыхает.

– Если вы меня оставите, я отдам сто процентов сборов.

Директор ласково кладет ему руку на плечо.

– Это непрофессионально. Ты нищенствуешь. Я не могу заставить тебя работать бесплатно. Ты же не собака!

– Я так решил. Я слишком люблю сцену и не могу ее покинуть.

– Но у меня тоже есть совесть. Я не могу обирать бедных талантливых комиков.

– Да, ведь вы даете сцену богатым бездарным комикам, которым она вовсе не нужна. Вы же знаете, Николя Бельгадо – сын производителя сахарной свеклы. Он выступает, чтобы хоть чем-то себя занять. А на телевидение он пролез благодаря связям отца, который покупает рекламное

время.

– Ну вот, ты становишься злым, собираешь сплетни про коллег. Однако ты забываешь: не хочу тебя обидеть, но, когда *тебя*показывают по телевизору, ты производишь впечатление... совершенно заурядного человека.

Лицо Себа искажается от самого страшного оскорбления, которое только может услышать профессиональный юморист.

– Послушай, Себ. Вот тебе дружеский совет: продолжать карьеру в твоём случае – это просто продлевать агонию.

Затаившись в последнем ряду, Лукреция, не дыша, слушает их разговор.

Себастьян Доллен хочет что-то сказать, открывает рот, потом, очевидно передумав, уходит, тяжело ступая.

Лукреция бесшумно встает и следует за ним.

Себастьян Доллен заходит в ближайшее кафе, здоровается с несколькими знакомыми. Хозяин тепло приветствует его. Комик садится за стойку и требует водки.

– Прости, Себастьян. Ты мне и так должен больше тысячи евро.

Хозяин указывает на объявление, висящее над бутылками: «Мы не отпускаем в кредит, чтобы не терять друзей».

– Всего одну рюмку! У меня был тяжелый день... Я дам тебе бесплатные билеты на свое следующее выступление.

– Я уже был на твоём выступлении. С сыном. Ему не понравилось.

– Да ему же три года! Он все время плакал. И кстати, сорвал спектакль.

Хозяин непоколебим.

– Вот именно. Юмористическое шоу не должно вызывать слезы у детей. Может быть, тебе что-то поменять в своём творчестве?

Хозяин смотрит на комика, и его начинает терзать совесть. Он достает бутылку водки и наливает стакан до краев.

– В последний раз.

Через час Себастьян Доллен, пошатываясь, выходит из бистро, которое тут же закрывается. Хозяин явно не сдержал слово.

Комик прислоняется к дорожному указателю и рушится вместе с ним на землю. Никто не пытается поднять его, и он лежит на тротуаре, словно тряпичная кукла. Молодой человек в кепке подходит к Себастьяну, делает вид, что хочет помочь, и запускает руку ему в карман, чтобы стащить бумажник.

Лукреция догоняет парня в кепке. Она хватается за плечо, наносит сильный удар в живот. Пока вор, согнувшись пополам, хватается воздухом ртом, она забирает у него бумажник и возвращает владельцу, который все еще валяется под фонарем.

Себастьян Доллен открывает один глаз и вместо благодарности произносит:

– Он все равно пустой.

Лукреция помогает комику встать. Он шатается и опирается на её плечо.

– Я видела ваше выступление и слышала разговор с директором. Я журналистка и...

Он резко отталкивает её, едва не падает, но все-таки удерживается на ногах.

– Куда вы лезете? Оставьте меня в покое! Я не нуждаюсь в вашей жалости!

Лукреция отмечает, что ключ «сочувствие» не работает.

Чтобы завоевать доверие этого выпавшего из гнезда птенца нужно что-то другое. Помогу ему катиться вниз по наклонной плоскости.

– Можно угостить вас стаканчиком? Это успокаивает.

Себастьян Доллен хочет отказаться, но ему не хватает силы воли.

– Я, кстати, еще и голодна, – говорит Лукреция.

Она находит индийский ресторанчик, еще открытый в этот поздний час. Себастьян падает на стул, Лукреция заказывает бутылку вина.

13,7 градуса. Это развяжет ему язык.

Себастьян Доллен залпом выпивает целый бокал.

– Мне не нужна помощь, – бормочет он. – И уж во всяком случае, от журналистов. Ик. Они не сделали мне ничего хорошего. Всегда игнорировали меня, пренебрегали моей работой. Они могли бы меня спасти, но не захотели! Так оставьте теперь меня в покое! Уже слишком поздно.

– Скажите, Себ, сколько дней вы не ели?

Его выступающие скулы и худая фигура говорят о вынужденном посте. Лукреция заказывает курицу тандури и сырны лепешки.

– Я не голоден.

Лукреция снова наливает ему полный бокал бордо.

– Что вам нужно? – спрашивает Доллен.

– Я готовлю репортаж о смерти Дария.

– Надоело, со всех сторон только о нем и слышно! Говорите обо мне, это единственное, что меня интересует.

– Но его смерть наверняка взволновала вас?

– Да уж, взволновала – так взволновала!

Он усмехается.

– Я страшно рад, что этот урод подох, что его сожрут черви, что он сгниет! Я бы с удовольствием помочился на его могилу!

С этими словами Себастьян Доллен выходит в туалет. Через некоторое время он возвращается в зал, застегивая на ходу ширинку.

– Вы были с ним знакомы? – спрашивает Лукреция.

– Да, и это было незабываемое знакомство! Он пришел на мое первое выступление. Я усадил его на лучшее место. Я заставил публику аплодировать ему! «Сегодня нам повезло, вместе с нами в зале находится гениальный комик, Циклоп, сам Великий Дарий!» Он встал, и все зрители, мои зрители, ему хлопали! Я тогда собирал залы на сто пятьдесят – двести человек. После спектакля он сказал (мне врезалось в память каждое слово): «Мне понравились три твоих скетча, я буду их исполнять». Я подумал, что не понял его, и спросил: «Вы хотите их купить?» А он ответил: «Нет, идеи принадлежат всем, я возьму их себе, вот и все». Я возразил: «Но эти скетчи написал я. Я их создатель». А он положил мне руку на плечо и сказал: «Идеями должны распоряжаться не те, кому они пришли в голову, а те, кто может донести их до зрителя. Если бы скетчи могли сами принимать решение, они выбрали бы не тебя, ничтожного, никому не известного комика, а меня, великого Дария, знаменитого артиста, который может обеспечить им лучшую жизнь. Поэтому не будь эгоистом, считай свои скетчи детьми, которые хотят сменить семью и стать богатыми и счастливыми».

Себастьян Доллен словно заново переживает эту сцену.

Официант в тюрбане и тапках с загнутыми носами приносит курицу тандури, и комик жадно набрасывается на еду.

– Я помню, он еще сказал: «Представь, что я щедрый приемный отец. Я воспитаю твоих детей, осыплю их подарками и прослаблю на весь мир». Я ответил: «Нет, я не позволю украсть моих детей». Тут его тон совершенно переменялся, он стал угрожать: «Думаю, ты не понимаешь, с кем говоришь! Что ж, будь по-твоему. Я хотел по-хорошему, но тебе не нравится честная игра. Я все равно отниму у тебя то, что мне нужно. А будешь мешать, сверну тебе шею».

– Вы ни с кем его не путаете? – с сомнением спрашивает Лукреция.

– Вы считаете, такое можно выдумать? Я говорю о Циклопе. О человеке с горящим сердечком в глазу. О любимце толпы.

Лукреция пристально смотрит на него.

– В это трудно поверить... Но продолжайте. Что же было дальше? – говорит она, записывая слова Себа, чтобы показать ему: информацию, полученную от него, она считает важной.

– Дарий, как и обещал, начал практически слово в слово исполнять три скетча из моего репертуара. В залах на несколько тысяч зрителей. Сволочь. Он все предусмотрел и, видимо, записал их на мобильный телефон во время моего выступления. Три моих лучших скетча! С тем же успехом он мог прийти в картинную галерею, украсть три знаменитых полотна, а потом продать их. Чистый, неприкрытый грабеж!

Себ роняет на пол вилку. Под неодобрительными взглядами остальных посетителей он поднимает ее и вытирает салфеткой.

Чтобы отвлечь окружающих, Лукреция достает машинку для смеха, которую ей подарил Стефан Крауц, и нажимает кнопку. Негромкий искусственный смех разряжает обстановку в зале.

Себастьян Доллен продолжает.

– Вы понимаете, он вызывал аплодисменты целой толпы моими шутками, моими трюками, моими персонажами. Он украл у меня даже мимику, даже манеру смотреть.

Лукреция наливает ему вина. На этот раз не для того, чтобы развязать ему язык, а чтобы успокоить.

– Я подал жалобу в суд. Но знаете, как говорится: «Хороший адвокат знает законы. А очень хороший адвокат знает судью». – Себастьян зло смеется. – У Дария был именно такой адвокат. Он брал очень дорого, всех знал и был знаменит тем, что не проиграл ни одного процесса. Он легко справился со мной. И это еще не самое страшное. Суд не только вынес решение в пользу Дария и разрешил ему исполнять мои скетчи, меня обязали возместить деньги, потраченные на защиту от «противозаконных попыток нанести ущерб имиджу публичного человека». И я возместил!

Вилка Себастьяна опять рискует свалиться на пол. Чтобы отвлечь его, Лукреция быстро наливает ему вина. Она пытается утешить его:

– Еще Лафонтен говорил: «У сильного всегда бессильный виноват».

– Да, у бесчестного всегда виноват честный. Но и это еще не все. Когда все кончилось, мой адвокат развел руками: «Увы, не повезло! У них защита сильнее», и пошел к Дарию за автографом. Вот этого я ему никогда не прощу. Да и не только адвокат, и судья тоже: «Это для моего сына, он ваш поклонник». Почти все выстроились в очередь за автографом, как в скетче Дария «Петрушка побеждает квартального». А злым квартальным оказался я...

Себастьян Доллен горько усмехается, берет сырную лепешку и продолжает говорить с набитым ртом:

– Но он и на этом не остановился. Ему было мало обокрасть, разорить и унижить меня в суде. Дарий решил, что пора, как он и обещал, «свернуть мне шею». Он занес меня в «черный список» всех телеканалов.

В зале появляется человек с букетиками жасмина, которые опрысканы ароматизатором. Приняв Лукрецию и Доллена за влюбленную парочку, он предлагает им цветы. Лукреция качает головой. Человек настаивает.

– К сожалению, вы опоздали, мы уже переспали, – резко говорит Лукреция, чтобы избавиться от надоедливого продавца.

Тот поспешно отходит и начинает предлагать цветы другой парочке.

– Как это, в черный список? – недоумевает она.

– Очень просто. Достаточно невинной фразы, вроде: «Я не появлюсь на этом канале, если там будет выступать Себ». Скажите это один раз одному журналисту, и новость разнесется повсюду.

– Вы его ненавидите?

– Это слово недостаточно сильно, чтобы выразить всю степень моего отвращения к нему.

– Его смерть обрадовала вас?

– Я открыл шампанское, чтобы отпраздновать это событие. Когда показывали его похороны, я танцевал перед телевизором.

– Вы убили его?

Себастьян нервно усмехается.

– Нет. Я слишком труслив. И жалею об этом. Ведь если бы я это сделал, то смог бы спокойно смотреть себе в глаза.

– Как вы думаете, кто мог бы решиться на это?

Комик задумывается.

Официант-индеец приносит десертное меню. Лукреция выбирает сладкое блюдо с непонятным названием «Гулаб джамун» – пропитанные медом шарики из манки с шафраном.

Себастьян Доллен ест жадно, не замечая вкуса, его челюсти двигаются так энергично, словно он хочет перекусить хребет невидимому врагу.

Он взмахивает рукой.

– Да кто угодно! Думаю, все, кто не входил в банду его приятелей, искренне ненавидели его. Я имею в виду тех, кто знал, что он на самом деле собой представляет!

Чтобы поднять настроение, Лукреция снова достает брелок. Раздается механический смех. Себ с интересом рассматривает брелок «Смущенная девственница».

– Хуже всего то, что мой процесс имел чудовищные последствия. О нем написали в газетах, и это стало предупреждением для всех. Комики испугались. И, не оказывая сопротивления, позволили себя грабить.

– Не могу в это поверить. Но не могу поверить и в то, что вы все это выдумали.

Себастьян хочет налить вина в уже полный бокал. На скатерти расплывается пятно.

– Дарий был вором. Он крал чужие шутки, беззастенчиво присваивал анекдоты.

Возможно, Исидор прав.

– Когда остальные комики поняли, что Дарий вор, то решили прибегнуть к самообороне: они стали прерывать выступления, когда он входил в зал. Только так они могли показать свое отношение к его бесчестному поведению.

– Но он же помогал молодежи, основал школу смеха, поддерживал новые таланты. Это ведь настоящая благотворительность!

– В этом-то и весь ужас. Если не верите, посмотрите на плоды его «благотворительности» в так называемом «Театре Дария», где воспитывают юных комиков. Сходите туда. Там вы найдете ответ на вопрос «Кем же на самом деле был Дарий?».

Лукреция не знает, что и думать. Она смотрит на совершенно пьяного Себастьяна Доллена, который продолжает пить, пить и пить.

На стене за его спиной картина: великолепный дворец из золота и серебра.

3212 год до нашей эры

Индия, город Харатна

Девушка танцевала под звуки томной мелодии, которую три музыканта исполняли на флейте, арфе и тамбурине.

Решив проблемы питания, безопасности, строительства жилищ, общественной организации, политики, гигиены, люди начали тратить свободное время на те виды деятельности, которые не были насущно необходимыми – такие, как религия, живопись, музыка, танцы, игры, литература.

После выступления к танцовщице подошел молодой принц. Он развернул папирус, на котором его писец нарисовал множество разнообразных поз для занятий любовью. Он показал девушке изображение, отмеченное индийской цифрой 83.

Юная танцовщица несколько раз перевернула рисунок, прежде чем наконец поняла, что ей предлагает принц. Она кивнула, и они поднялись в спальню, где стояла огромная кровать с красными подушками. Девушка встала на четвереньки, принц прижался к ней сбоку и вошел в нее так, как было изображено на рисунке. Они переплели ноги и руки, сблизили губы. Их тела начали двигаться в сладострастном ритме. Принц двигался так же хорошо, как и девушка. Рядом с кроватью курился фимиам. Они долго наслаждались друг другом. Кожа танцовщицы пахла магнолией.

Наконец семя принца изверглось, девушка испустила стон. Они захотели разжать объятия, но их половые органы не разъединялись, они не могли отодвинуться друг от друга.

Сначала им было смешно, но потом они начали сердиться. Принц позвал слуг, те явились и, обнаружив два прикованных друг к другу тела, не смогли удержаться от смеха.

Контраст между мгновением наслаждения и развязкой был слишком комичен. Слуги рассказали всем об этой смешной истории, которая позже была записана и сопровождается иллюстрацией.

Это случилось в третьем тысячелетии до нашей эры. Так появилась первая шутка о сексе.

Пребод, один из слуг, занимался йогой. Вдохновленный забавным происшествием, он создал новую йогу – йогу смеха.

Великая Книга Истории Смеха.

Источник G.L.H.

Снаружи «Театр Дария» похож на цирк. Разноцветные лампочки мигают вокруг афиш и объявлений, написанных ядовито-розовыми буквами. Над каждым входом реют знамена с эмблемой Дария. Траурная кайма напоминает о том, что основатель театра недавно скончался.

Лукреция встает в конец длинной очереди. Подойдя к кассе, она предъявляет журналистское удостоверение, но кассир говорит, что бесплатные билеты – только для представителей прессы, приглашенных «Циклоп Продакшн», а скидки полагаются инвалидам, студентам, безработным и вдовам героев войны.

– Вот одна из проблем Франции, – вещает кассир с сильным славянским акцентом. – Французы борются с неравенством, но поддерживают привилегии!

Он очень доволен шуткой, явно позаимствованной у кого-то из тех, кто изображен на афишах.

Лукреция покупает билет и проходит мимо контролера. Зал вмещает более четырехсот человек. Вокруг главной сцены со всех сторон стоят удобные кресла. Это настоящий ринг, окруженный веревками и освещенный мощными прожекторами. Зрители рассаживаются и под оглушительную музыку из фильма «Рокки» появляются две команды по шесть человек, одна в синей одежде, другая – в красной.

Лукреция узнает учеников «Лиги Импровизации», она видела их по телевизору. Это молодые комики из новой «Школы Смеха».

Еще одна организация, созданная и возглавленная Дарием.

Зал аплодирует артистам, которые вскидывают руки, словно гладиаторы перед смертельной схваткой, и занимают места в противоположных углах ринга.

Музыка все громче, на сцену выходит ведущий в розовом костюме, светло-розовой рубашке и темно-розовом галстуке – это брат Дария, Тадеуш Возняк.

Он кланяется, ждет, пока стихнут аплодисменты, и берет микрофон.

– Дамы и господа, сегодня особый день. Дария больше нет.

С потолка до самого пола разворачивается огромная фотография Дария, приподнимающего повязку над глазом со светящимся сердечком.

– Дарий расстроился бы, увидев, что мы грустим, – продолжает Тадеуш. – Я знаю, если бы он был сейчас с нами, то лучшим приветствием стал бы хохот.

Зрители аплодируют, некоторые пытаются смеяться.

– Он говорил: «Люди умирают, шутки живут». Поэтому сегодня состязание импровизаторов пройдет так, словно дух Дария парит над этим рингом.

Бурные аплодисменты.

– Для тех, кто здесь впервые, напоминаю правила турнира. Я вытащу из шляпы записку с темой для импровизации. Затем каждая команда представит участников, которые будут выступать.

Зал свистит в знак того, что правила ему знакомы, но Тадеуш невозмутимо продолжает:

– Соревноваться можно один на один, двое на двое... и так вплоть до шестерых против шестерых. Допускаются и такие варианты, как один против двоих, двое против четверых и даже один против шестерых. Капитан каждой команды решает, сколько человек примет участие в схватке. В конце каждого раунда ваши аплодисменты, зафиксированные аплодимером, определяют самую остроумную команду. Всего двенадцать раундов. Ваши аплодисменты помогут выбрать лучшего игрока лучшей команды...

Зрители одобрительно гудят.

– ...который сможет принять участие в телевизионной передаче «Шоу Дария».

Лукреция делает пометки в блокноте.

Тадеуш представляет публике двенадцать игроков. Сбросив плащи, они остаются в майках и шортах. На спине и на груди у них, словно у хоккеистов, порядковые номера. Синяя команда против красной.

Лукреция вспоминает, что идея устраивать турниры комиков-импровизаторов родилась в Квебеке и пользовалась большим успехом задолго до того, как появилась в Париже.

Игроки пожимают друг другу руки. Тадеуш Возняк вызывает капитанов, которые тянут жребий, чтобы узнать, какая команда выступает первой. Капитан «красных» достает записку из шляпы Тадеуша и читает:

– Ваша мать узнала, что вы – наемный убийца.

Капитаны совещаются с командами. Синие выдвигают азиатку под номером четыре. От красных выходит чернокожий юноша, он будет изображать сына. Члены команд подсказывают своим игрокам остроумные реплики, капитаны дают последние советы.

Молодые люди встают друг напротив друга и начинают диалог.

После третьей реплики за спиной Лукреции раздается крик:

– Смеши или убирайся!

Зал подхватывает клич, подстегивая соперников.

Девушка «синих» явно вырывается вперед, юноша «красных» защищается. Учитывая, что он изображает наемного убийцу, это выглядит довольно странно.

Зал вновь скандирует:

– Смеши или убирайся!

Выкрики мешают обоим игрокам. Смех то стихает, то усиливается, голоса выступающих становятся громче, мимика выразительнее, зал чувствует волнение обоих участников поединка. Зрители молоды, возбуждены, реагируют остро. Они свистят, аплодируют, давят на участников поединка.

Раздается звук гонга.словно два обессиленных схваткой боксера, молодые юмористы расходятся по углам ринга, к ним подбегают капитаны.

Тадеуш приглашает обоих соперников в центр площадки. Он поднимает руку девушки, зал аплодирует, аплодимер показывает четырнадцать баллов из двадцати. Затем он поднимает руку молодого человека, одиннадцать баллов. Тадеуш объявляет девушку победительницей в первом раунде.

Затем он вызывает капитана команды противников, и тот вытягивает новую тему: «Скандал на собрании жильцов дома из-за того, что кое-кто ездит в лифте вместе со своими собаками». Обе команды решают выступить в полном составе.

Лукреция неожиданно осознает, что, сама того не замечая, смеется. Это является подтверждением высокого уровня шоу и таланта комиков. Четыреста зрителей смеются вместе с ней.

Кто-то снова выкрикивает:

– Смеши или убирайся!

Два часа пролетают как одно мгновение. Победу одерживают «синие». Все члены команды по очереди выходят вперед. Юная азиатка, игравшая мать наемного убийцы, получает максимум баллов на аплодимере и становится победительницей.

Тадеуш Возняк протягивает ей микрофон.

– Я выиграла потому, что чувствовала в себе дух Дария, – восклицает девушка восторженно. – Я старалась играть так, как играл бы он.

– Как тебя зовут?

– Жин Ми. Я хочу сказать, что для всех юмористов Дарий остается примером для подражания.

Всеобщее волнение достигает апогея. Зал аплодирует, стоя. Тадеуш ждет, пока наступит тишина, и говорит:

– Мы увидим блистательную Жин Ми в следующем выпуске телевизионного «Шоу Дария». Неожиданно из динамиков раздается голос Дария:

– Когда-нибудь смеяться будут все. На свете не останется ни грустных детей, ни умирающих от голода бедняков, войны прекратятся. Мир станет не черным, серым или белым, а розовым.

Звучит адажио Сэмюэла Барбера для струнного оркестра, которое исполнялось на похоронах Кеннеди. Удивительный контраст с саундтреком из кинофильма «Рокки». Когда музыка стихает, весь зал поднимается и аплодирует огромной фотографии Дария.

Себастьян Доллен клеветал. Не может быть, чтобы Дарий воровал чужие идеи. Он творец, создатель, он построил этот театр. Благодаря ему молодые таланты имеют возможность показать, на что они способны, могут расправить крылья. Себ просто завистник, озлобленный неудачник.

У выхода из театра Лукреция замечает Жин Ми, победительницу сегодняшнего турнира.

– Я журналистка из «Современного обозревателя», – представляется Лукреция. – Как вы объясняете ваш триумф?

– Я вырвала у соперников победу потому, что во мне был дух Дария. Я делала то, что делал бы он.

Лукреция замечает, что девушка выработала казенный язык для общения с прессой. Она уже знает: для того, чтобы быть понятой, нужно без конца повторять одно и то же.

– Вы учились у него? Каким он был преподавателем?

– Внимательным и великодушным. Он помогал нам, исправлял ошибки новичков. Всегда умел ободрить, не ругал, не наказывал. Даже запрещал смеяться друг над другом. Одно это дало нам очень много. Другой такой чудесный человек не скоро появится на свет.

– А что вы думаете о новом поколении юмористов?

– Мне кажется, они не умеют и не хотят работать. Они думают, что все само упадет с неба. А я, например, целых два года готовилась к сегодняшней победе.

Жин Ми решает закончить разговор на веселой ноте.

– Знаете, говорят, что сама форма египетских пирамид доказывает – уже в древности люди с каждым днем трудились все менее усердно.

– Это ваша шутка?

– Нет, Дария. Он всегда повторял ее, когда видел, что мы начинаем лениться.

2630 год до нашей эры

Египет, Мемфис

– Как его зовут?

– Имхотеп, о повелитель! Он хороший писец. Родом из Гебелена, это маленькая деревушка в южных предместьях Фив. Я не знаю, что на него нашло, – говорит первый министр. – Он просто сошел с ума! Не сомневайтесь, мы накажем его за дерзость.

Фараон Джосер, основатель III египетской династии, почесал смазанную жиром прямоугольную бородку. Лежавшие перед ним папирусы действительно были очень и очень странными.

До сих пор монарх держал в руках лишь военные сводки, отчеты о состоянии казны да карты новых земель. Теперь же он столкнулся с каким-то незнакомым литературным жанром – это были рассказы о выдуманном фараоне Сисбеке.

– Читай!

Очень смущенный министр преодолел нерешительность и начал громко читать:

– Фараон имел обыкновение есть перед сном. Однажды вечером, сев за стол, он обнаружил, что все кушанья безвкусны. Мясо напоминало глину, а напитки – воду. Когда он лег в постель, то весь вспотел и не мог заснуть. Тогда Сисбек позвал лекарей. Те сказали фараону, что он заболел той же болезнью, от которой умер его отец, а лечения от нее не существует. Сисбек заподозрил, что лекари хотят отомстить ему за то, что он издал несколько ущемляющих их законов. Но лекари клялись, что говорят правду. Сисбек начал угрожать расправой, и тогда они признались, что единственный, кто может его вылечить, это колдун Мерире. Правитель пришел в неопиcуемый гнев из-за того, что они не сказали ему этого раньше.

Министр умолк и с тревогой взглянул на фараона.

– Не должен ли я арестовать глупого писца, сочинившего эту оскорбительную историю?

Фараон Джосер сказал только:

– Читай дальше!

Министр распростерся у ног господина и, уткнувшись лбом в пол, сказал:

– Рукопись на этом заканчивается. Мы успели вовремя вмешаться. Этот рассказ не имеет ничего общего с действительностью. В нем говорится о гневливом фараоне, бездарных лекарях и колдуне, который умеет лечить от всех болезней. Во всем этом нет логики. И я уже не говорю об иллюстрациях!..

После замечания министра фараон Джосер обратил внимание на рисунки и понял, что взволновало первого министра. Фараона Сисбека автор изобразил с головой льва, врачей – с головами шакалов, слуг – в виде маленьких бабуинов, а у первого министра оказалась голова крысы. Благодаря одежде и профессиональным знакам различия все персонажи были узнаваемы.

– Животные, переодетые людьми. Это оскорбительно! И для вас, господин, и для нас.

Фараон Джосер выждал несколько секунд, не зная, как реагировать, а затем расхохотался. И велел немедленно привести автора басни, этого пресловутого писца Имхотепа. Стража немедленно отправилась за преступником. Имхотепа арестовали, связали, силой доставили ко двору и без всяких церемоний бросили к ногам фараона Джосера. Правитель сошел с трона и приблизился к распростертому на земле молодому человеку. Окружавшая злоумышленника стража не давала ему даже приподняться. На вид ему было не больше девятнадцати лет.

– Простите, господин, я не хотел, не понимал, что могу оскорбить вас, – бормотал юноша, не осмеливаясь посмотреть на фараона.

– Убить его? – спросил первый министр.

Но фараон неожиданно помог молодому человеку подняться на ноги.

– У меня есть вопрос к тебе, Имхотеп. Ты сочинил продолжение истории про фараона, врачей и колдуна?

– Э-э...

– Не бойся. Она мне очень понравилась. Я хочу знать, чем все закончилось.

Тогда один из стражников достал свитки папируса.

– Мы нашли у него другие рукописи, где нарисованы животные, переодетые людьми.

Фараон уселся на трон и приказал продолжить чтение. Первый министр поспешил подчиниться.

– Колдун Мерире осмотрел Сисбека и объявил, что может его вылечить. Но при одном условии. Чтобы фараон выздоровел, сам колдун должен умереть.

Фараон расхохотался:

– Великолепно! Как тебе это пришло в голову?

– Э-э... Я все придумал. И нарочно нарисовал всем персонажам головы животных, чтобы никто не решил, что история правдива.

– Читай, – приказал Джосер.

И первый министр продолжил:

– Смерть колдуна оказалась единственным способом спасти фараона. И тот приступил к торгу. Он посулил Мерире любую награду в обмен на жизнь, но колдун не соглашался. Фараон повысил ставки. Он пообещал, что его сын получит особое положение при дворе. Но Мерире этого было мало. Тогда фараон объявил, что во время похорон колдуна по всему Египту пройдут траурные шествия и ему станут поклоняться во всех храмах, начиная с Гелиополиса, где имя Мерире будет выбито на каждой стене.

Колдун все еще колебался. Он ответил, что ему обидно умирать как раз тогда, когда он удостоился чести познакомиться с великим фараоном и оценить его доброту. Это казалось ему несправедливым.

Фараон Джосер рассмеялся еще громче.

Первый министр продолжал читать, а у Имхотепа зародилась надежда на благополучный исход дела.

– Наконец колдун сдался, но поставил несколько условий. Он хотел, чтобы правитель поклялся перед богом Птахом, что будет держать взаперти его жену и та больше никогда не увидит ни одного мужчины. Даже самого фараона. Кроме того, он не желал умирать в одиночестве. Он требовал, чтобы вместе с ним убили врачей, которые презирали его и не пускали к фараону.

Фараон согласился.

В назначенный день колдун Мерире умер. Он долго путешествовал по стране мертвых, и однажды встретил богиню Хатор. Мерире спросил, что нового на земле, и богиня рассказала, что фараон женился на его вдове и сделал ее правительницей. Тогда Мерире решил вернуться на землю и восстановить справедливость.

Первый министр дочитал папирус до конца. Фараон Джосер смеялся над каждой строкой.

– Я хочу услышать продолжение. Я требую! Мне очень нравятся твои истории, Имхотеп. Они ужасно забавные.

– Я пока больше ничего не сочинил.

– Назначаю тебя официальным комическим писцом. Отныне ты будешь смешить меня приключениями колдуна Мерире. Я хочу, чтобы он отомстил, ясно?

Фараон Джосер снова стал рассматривать рисунки и добавил:

– Отличная идея – нарисовать вымышленным персонажам головы животных.

Так Имхотеп изобрел не только комиксы и юмористические журналы, но и басни, в которых вместо людей действуют животные. Некоторые картуши с текстами Имхотепа впоследствии появились на вазах и барельефах.

Люди не всегда помнили истории, сочиненные Имхотепом, но лев в одежде фараона, лис, наряженный пастухом и ведущий к озеру стадо уток, обезьяны, играющие на арфе для мышей, надевших женское платье и принимающих подарки от солдат с головами шакалов, казались им забавными.

Великая Книга Истории Смеха.

Источник G.L.H.

Выражение лица хмурое и неодобрительное.

– Я не верю ни одному вашему слову.

Лукреция едва заметно отстраняется, словно боясь, что начальница забрызгает ее слюной.

– Но кое-какие улики все-таки есть.

– Улики? Вы издеваетесь? Три дня вы занимаетесь этим делом, и что вы называете уликами?

Лукреция остается невозмутимой. Кристиана Тенардье закуривает толстую сигару и несколько раз шумно затягивается.

– Допустим, я соглашусь с гипотезой – абсолютно, кстати, невероятной, – что было совершено убийство. И как же, по-вашему, его совершили?

Лукреция не дает сбить себя с толку.

– Очень хитроумным способом. При помощи неизвестного оружия. Убийца был чрезвычайно предусмотрителен и изворотлив, его мотивы пока не ясны.

– Вы используете журналистские увертки, которые мы приберегаем для простофиль. Я хочу сказать, для провинциальных читателей...

Твердо стоять на своем. Не отступать.

– Я принесла вам улики.

Тенардье рассматривает разложенные на мраморном столе предметы: синюю шкатулку с буквами «В.С.Т.» и надписью «Не читать!», кусок почерневшей фотобумаги, размытый снимок, на котором с трудом можно различить грустного клоуна с большим красным носом. Она перебирает фотографии Стефана Крауца, Себастьяна Доллена, Феликса Шаттама.

– Это не улики. Дарий был один в запертой гримерке. На теле нет следов насилия, на двери нет следов взлома, и только вы подозреваете, что это преступление.

– Если несколько человек совершают одну и ту же ошибку, это еще не значит, что они правы, – цедит Лукреция.

Сейчас это изречение Исидора как нельзя более кстати.

– Я отлично слышу, что вы там бормочете. Если вы одна говорите глупости, это еще не значит, что вы правы, – отвечает ей Тенардье.

Лукреция и Тенардье испепеляют друг друга взглядом. Тенардье выпускает несколько больших клубов дыма.

– Кем вы себя возомнили, мадемуазель Немрод? Думаете, вам все позволено потому, что у вас высокая грудь, круглая задница и манеры продавщицы из супермаркета?

Лукреция сохраняет спокойствие. Ей нужно согласие Тенардье.

– Дайте мне время. Это очень непростое дело.

– И сколько времени вам нужно?

– Неделю.

Тенардье чиркает спичкой о подошву и прикуривает погасшую сигару.

– Пять дней. Не больше.

Отлично. Мне хватит и трех.

– Не забывайте, ваше положение в редакции весьма шатко. Безработных журналистов полно, на ваше место много охотников. И это серьезные, заинтересованные люди, которые знают, что значит профессионально вести расследование.

Лукреция борется с желанием схватить несколько сигар и затолкать их Тенардье в глотку. Она кивает.

– Конечно, я понимаю.

– Дайте мне эксклюзивный материал! Удивите меня! Все очень просто – либо вы доводите расследование до победного конца, либо я вас увольняю. Без вариантов. Понятно?

Лукреция сжимает кулаки и перебирает различные способы более или менее болезненно оборвать жизнь начальницы.

– Да, кстати... Вы, кажется, были в «Театре Дария»? Скажите – кто победил? Китайка?

Ее нельзя недооценивать. Она многое слышит, многое знает. Она в курсе всего, что происходит. Может быть, она не умеет писать, зато умеет добывать информацию.

– Да, китайка.

– Остроумная? Значит, некрасивая!

– Почему?

– У меня есть теория. Я считаю, что человек обладает только нужными ему свойствами. А ненужные исчезают. Поэтому чувство юмора бывает лишь у очень некрасивых девушек. Оно им жизненно необходимо.

Тенардые начинает хохотать. Лукреция думает о том, что смех другого человека иногда может вызвать чувство неловкости.

– Нет, эта китайка была и остроумная, и красивая, – отвечает она. – Очень красивая.

1268 год до нашей эры

Северный Китай, Империя Шан.

Территория современной провинции Хэнань

Император Во Дин, двадцать первый правитель династии Шан, с нетерпением ожидал возвращения своей армии.

К нему вошел генерал, командовавший войсками в сражении с вражеской империей Туфанг, преклонил колени и объявил:

– Мы одержали победу, повелитель.

Император вздохнул с облегчением:

– Браво, генерал.

Военачальник снял шлем, и по его плечам рассыпались длинные шелковистые волосы. Перед правителем стояла принцесса Фу Хао, любимая жена из его гарема.

Император возглавил войско из пяти тысяч солдат и победил армии Цинь, Ба и Цюйан, но принцесса Фу Хао захотела сражаться с императором Туфанга без его помощи. Во Дин не сомневался, что ее ждет поражение, но воля и решительность женщины произвели на него такое сильное впечатление, что он разрешил ей командовать армией.

Еще никогда на женщине не лежала такая ответственность.

Воительница сняла с плеча сумку и бросила к ногам повелителя предмет, похожий на мяч. Это была голова императора Туфанга.

– Армия противника уничтожена. Все города заняты, повелитель, – произнесла она.

– Я не думал, что ты добьешься успеха, – признался он.

На самом деле император Во Дин знал, с кем он имел дело.

Фу Хао отличалась жестокостью, властностью и деспотичностью. Он наблюдал, как она руководила войсками, подбадривая их нетерпеливыми окриками. Он стал свидетелем казни офицеров, показавшихся ей некомпетентными.

– Повелитель, я хочу попросить об одной милости.

– Слушаю тебя.

– Я хочу, чтобы никто не забыл, что самую великую войну династии Шан выиграла женщина.

Император встал и поправил на поясе меч.

– Не беспокойся, об этом будет объявлено.

– Нет, повелитель. Я хочу, чтобы о подвиге было не просто объявлено, я хочу, чтобы все обстоятельства этой победы были записаны с моих слов.

– Зачем это? Все и так обо всем узнают.

– Нынешнее поколение узнает, а следующее забудет. И никто потом не поверит, что женщина привела к победе армию мужчин.

Император пригласил подругу сесть.

– Я говорю серьезно, повелитель. Я хочу, чтобы ты позвал писца, и я расскажу ему все подробности великого сражения.

Император Во Дин трижды хлопнул в ладоши. Немедленно появился писец, который низко поклонился повелителю.

– Писец! Запиши приключения...

– Подвиги, – поправила Фу Хао.

– Подвиги принцессы...

– Императрицы.

– Императрицы Фу Хао в войне с армией...

Во Дин посмотрел на искаженное лицо мертвого императора.

– ... с армией Туфанга.

– Их было восемь тысяч. Обязательно отметить, что они превосходили нас численностью, – потребовала императрица.

Писец поклонился, взял острую бамбуковую палочку, обмакнул в чернила какого-то невезучего осьминога и принялся записывать то, что диктовала ему императрица.

Потом по приказу Фу Хао на площади перед дворцом собрали всех пленных, и вооруженные мечами жрецы начали приносить их в жертву великому божеству Шанди, чье имя означает «Высочайший». Кровью убитых наполняли чаши, стоявшие рядами на площади.

Собравшаяся толпа встречала аплодисментами каждую новую смерть.

– Ты хочешь убить всех пленных? – спросил император Во Дин у императрицы Фу Хао. – Их можно было бы использовать в качестве рабов.

– Я – женщина. Солдаты не должны считать меня слишком чувствительной. Сознание того, что я жестока, как мужчина, сплотит армию.

Император Во Дин еле слышно вздохнул, на этот раз вовсе не с облегчением. Вопли пленников смешивались с криками толпы.

Императрица обернулась к писцу.

– Все началось на восходе. Наши войска собрались на холме, посреди равнины. Накануне я сама произвела разведку. Перед нами расстилались плодородные земли...

Писец быстро скрипел палочкой.

– Я поставила лошадей сзади...

Император склонился к первому советнику и прошептал ему на ухо:

– Что ты обо всем этом думаешь, Ли?

– Императрица Фу Хао – великая военачальница и великая жрица, а теперь она стала и великим литератором. О битве узнают все, победа империи Шан над империей Туфанг останется в веках.

– Ладно, прекрати, мне не нужна официальная версия. Я спрашиваю, что *ты* об этом думаешь.

– Императрица Фу Хао восхитительна. Вам очень повезло, господин.

– Скажи правду, Ли.

– Если я скажу правду, вы меня убьете.

– Так ты думаешь, что...

– Нет, повелитель, я бы никогда не осмелился.

– Осмелюсь! Это приказ.

Снова послышались вопли пленных и крики толпы. Императрица продолжала диктовать писцу.

– Хорошо, я думаю, что...

– Правду, Ли. Говори, что хочешь, но только правду.

Лоб первого советника покрылся испариной.

– Э-э... Я думаю, что вы превратились в женщину, а она стала мужчиной.

Удивленный император посмотрел на советника, который, скрывая тревогу, отвесил ему низкий поклон.

Во Дин расхохотался:

– Она – мужчина, а я – женщина!

Смех императора становился все громче. Императрица Фу Хао прекратила диктовать.

– Что так насмешило вас, повелитель?

Через несколько дней с великого советника живьем содрали кожу. Из Южного царства вызвали палача-специалиста, который был таким мастером своего дела, что ему понадобилось сделать всего один надрез.

Так первый советник по имени Ли Хуан Ю ввел при дворе императора должность королевского шута. Но этот опыт не имел продолжения при императорском дворе Шан. Прошло очень много лет, прежде чем в Китае снова осмелились пошутить на эту тему.

Что же касается династии Шан, то, несмотря на первые победы, она потерпела впоследствии множество поражений. Размеры империи начали уменьшаться, и в конце концов она исчезла. Ее поглотила династия Чжоу.

Но «шутка советника Ли» продолжала жить в памяти людей даже тогда, когда исчезла сама династия Шан со всеми ее императорами и императрицами.

Это доказывает, что острое слово долговечней и властителей, и их династий.

Великая Книга Истории Смеха.

Источник G.L.H.

Металлическая дверь, ведущая на остров посреди бассейна, скрипит. В проеме показывается голова.

– Тук-тук! – кричит Лукреция. – Никто не отвечает, входная дверь не заперта. Надеюсь, я вас не потревожила...

Исидор сидит в позе лотоса на маленькой красной подушечке. Ноги скрещены, спина выпрямлена, веки полуопущены. Лицо бесстрастно. Он похож на Будду, лишь легкое колыхание кимоно свидетельствует о том, что он дышит.

– Если что, обязательно скажите.

Лукреция одета в сиреневое платье, украшенное с одной стороны изображением белых цветов. На шее у нее колье – дракон такого же изумрудного цвета, как и ее глаза. Она проходит по мостику из лиан и бамбука.

Исидор не шевелится.

Дельфины и акула прячутся на дне огромного бассейна, как будто понимая, что ничто не должно мешать хозяину во время медитации. Лукреция обходит вокруг Исидора, словно проверяя, жив ли он, и садится напротив.

Она достает брелок, нажимает на кнопку, звучит все тот же «смех смущенной юной девственницы». Исидор никак не реагирует.

– Не торопитесь, Исидор. Дайте знать, когда закончите.

Исидор еще полчаса сидит неподвижно. Он совершенно невозмутим.

Лукреция осматривает его библиотеку и изучает Древо Возможностей – схематическое изображение огромного растения, покрытое, словно листьями, маленькими записочками. На них – все варианты будущего, которые только приходят Исидору в голову.

Лукреция читает недавно появившиеся тексты. Все они начинаются со слов: «А что, если...».

«А что, если всю поверхность планеты покроет снег?»

«А что, если глобальное потепление настолько уменьшит запасы воды, что людям придется воевать за последние оазисы?»

«А что, если на всей Земле установят единую обязательную религию?»

«А что, если банды вооруженных преступников начнут контролировать целые регионы и полиция не сможет их остановить?»

«А что, если сила притяжения планеты изменится и отрывать ноги от поверхности Земли станет очень трудно?»

«А что, если исчезнут все виды диких животных?»

Лукреция думает, что Исидор впал в депрессию, раз видит в будущем только катастрофы. Но тут же замечает и менее мрачные предположения.

«А что, если на Земле останутся одни женщины?»

«А что, если люди прекратят стремиться к дальнейшему развитию экономики?»

«А что, если удастся остановить демографический рост?»

«А что, если появится мировое правительство, которое предотвратит появление диктаторов и сумеет справедливо разделить богатства земли?»

Она возвращается к хозяину дома и смотрит на него. Его дыхание замедленно, почти неуловимо.

Она замечает, что у него очень красивые губы, и чувствует неожиданное желание поцеловать его.

Исидор открывает глаза. Даже не дав себе труда поздороваться с Лукрецией, он встает и наливает себе стакан горячего чая. Наслаждается его ароматом и пьет мелкими глотками.

– Исидор, вы должны...

Совершенно спокойно он произносит:

– Вон!

– Но...

– Мне кажется, я ясно выразился. Я не хочу вести расследование вместе с вами.

– Появились новые обстоятельства.

Лукреция торопливо рассказывает Исидору об успехах в расследовании.

– У меня уже есть подозреваемые.

Он ничего не отвечает.

– Вы спросите – кто? Во-первых, Стефан Крауц, бывший продюсер Дария. Во-вторых, Феликс Шаттам. Комик, который теперь считается лучшим. В-третьих, Себастьян Доллен, юморист, которому Дарий причинил больше всего зла. И который по его милости стал «худшим».

Исидор не слушает ее. Он открывает холодильник, достает огромный кусок говядины и бросает акуле Джорджу. Тот проглатывает мясо, поднимая огромные волны.

Лукреция сама наливает себе чаю.

– Исидор, я серьезно. Дело кажется все более запутанным. Я не справлюсь одна, вы действительно мне нужны.

– А вы мне – нет.

– Вы по-прежнему не хотите мне помогать?

– Нет.

– Тенардые сказала, что я рискую потерять работу.

– Сочувствую.

К такому характеру нужен маленький тонкий ключик.

– Предлагаю снова сыграть в три камешка. Если я выиграю, вы мне поможете.

Исидор колеблется, но его азартная натура берет верх. Он вздыхает и, покорившись, пожимает плечами.

– Хорошо, я согласен.

– Вести расследование?

– Нет, поставить на кон мое участие в расследовании.

Исидор достает спичечный коробок, они берут по три спички. Вытягивают вперед сжатые кулаки.

– Три, – говорит Лукреция.

– Одна.

Она открывает ладонь, на которой лежит одна-единственная спичка.

Исидор показывает пустую руку.

Он выиграл.

Во второй раз тоже.

И в третий.

Лукреция не выигрывает ни разу.

– Всухую. Скажите хотя бы, как вы это делаете, Исидор.

– Вы боитесь проиграть и хотите выиграть. Два этих желания делают ваше поведение предсказуемым. Когда вам станет все равно, вашу игру станет невозможно предсказать. Тогда вы сможете выиграть.

Он бесит меня.

Лукреция бросает спички на пол. Исидор поднимает их, кладет в коробок и убирает коробок на место, в ящик.

– Помогите мне хотя бы немного. Дайте подсказку, направление, угол зрения.

Помедлив, он говорит:

– Я вам уже помог в прошлый раз. «Поднимитесь к историческим истокам смеха». Вы это сделали?

– Честно говоря... Э-э... я подумала, что криминальное расследование начинается с...

Она прикусывает язык.

– Видите, вы меня не слушаете. Зачем тогда просить советов?

– Н-ну... я пока вела классическое расследование: судебно-медицинский эксперт, семья, подозреваемые, – а уж потом я хотела обратиться к научно-философской подоплеке дела.

Исидор приносит несколько сельдей и бросает их дельфинам, которые ловят рыбу на лету.

– Вы неправы, но... в память о наших прошлых приключениях я «немного» помогу вам в вашем «классическом», как вы выражаетесь, расследовании.

Уф, спасибо, спасибо!

Он бросает дельфинам последнюю рыбу и приглашает Лукрецию сесть за рабочий стол, у ноутбука.

– Что вам сказал последний подозреваемый?

– Это тот, которого предпоследний подозреваемый назвал «худшим из комиков». Его зовут Себастьян Доллен. Он посоветовал пойти в «Театр Дария» и внимательно за всем наблюдать.

– Ну, хоть его-то вы послушались?

– Конечно. Я сходила на турнир учеников «Школы Смеха». Это было соревнование импровизаторов.

– На что это похоже?

Он наливает себе еще горячего чая, по-прежнему не предлагая Лукреции.

– Очень впечатляюще. Ведущий Тадеуш Возняк превозносил покойного брата.

– Что вы видели? – нетерпеливо спрашивает Исидор.

– Я видела место, где терпеливо и бережно взращивают молодые таланты. Слышала воспоминания о великом профессионале Дарии, которого любили, которым восхищались и который до сих пор вдохновляет многочисленных учеников.

Лукреция сама наливает себе чаю. Исидор задумывается, потом включает компьютер.

– Думаю, стоит повнимательней присмотреться к театру. Себастьян Доллен не просто так рассказал вам о нем. Никогда не проходите мимо подсказок.

– Но это комик-неудачник, озлобленный завистник, мстительный пьяница. Когда мы разговаривали, он едва контролировал себя.

– Именно поэтому надо было слушать его особенно внимательно. Алкоголь снимает запреты и обнаруживает истинные побуждения. Мне Себастьян Доллен кажется достойным доверия. А «Театр Дария», колыбель юмористических талантов, – интересным направлением в расследовании.

Лукреция смотрит на него с сомнением.

– В вас живет дух иждивенца, – продолжает Исидор. – Помогая вам, я оказываю вам медвежью услугу. Мешаю найти ваш собственный стиль расследования.

Теперь лицо Лукреции выражает упрямство.

Исидор открывает спутниковую карту, постепенно приближает изображение, сосредоточенно рассматривая «Театр Дария». Он переходит к трехмерному изображению, потом к общему плану улиц и изучает дом со всех сторон. Просматривает фотографии фасада и снимки прилегающих домов.

Неожиданно он обращает внимание на одноизображение. Приближает его, рассматривает детали.

– Вот, посмотрите. Это кажется мне странным.

Лукреция придвигается к экрану.

– Здесь написано «Закрыто по понедельникам». То же самое на афишах при входе и на их сайте, – говорит Исидор.

– Ну и что? У всех театров по понедельникам выходной. Ничего удивительного.

Исидор сохраняет несколько фотографий из Интернета. Он переходит от режима дня к режиму ночи и обратно.

– Посмотрите, в какой день недели и в какое время суток сделан этот снимок.

– В понедельник, без двух минут в полночь.

– Выходной, а все окна освещены так, словно театр открыт. Это вас не смущает?

– Наверное, это бухгалтерия работает.

– И все окна освещены?

– Значит, идет уборка. Уборщицы всегда включают полное освещение.

Исидор запускает другие программы, сохраняет фотографии, помещает их в папку «Расследование дела Дария». На экране появляются кривые графиков, цифры.

– Посмотрите, это потребление электричества «Театром Дария». В полночь понедельника все работает на полную мощность, как будто идет спектакль, хотя официально театр закрыт.

– Может быть, это закрытые вечеринки. Они, наверное, сдают зал частным лицам.

Исидора ее слова не убеждают.

– Вот информация с городских камер видеонаблюдения. Во двор заезжают машины, хотя главный вход заперт.

– У вас есть какое-то объяснение?

– По понедельникам в театре происходит что-то интересное, объединяющее состоятельных людей (обратите внимание: во дворе стоят преимущественно лимузины и роскошные седаны). Дорогая Лукреция, вот вам совет более ясный, чем предыдущий: отправляйтесь туда в понедельник вечером и посмотрите, что там происходит.

– И это ваш совет?

Исидор резко встает.

– Вы выводите меня из себя, Лукреция. Я ведь вас не приглашал! Я делаю вам одолжение, отвечаю на ваши вопросы, а вы и этого не цените. Вы сами не знаете, чего хотите. Вы просите о чем-то, вам дают то, о чем вы просите, а вы говорите... что вам это не подходит!

Он прав. Я не знаю, чего хочу. И он должен помочь мне понять, чего мне не хватает. Я чувствую, что он это знает.

– Извините меня, я увлеклась.

Исидор вплотную подходит к Лукреции и говорит прямо ей в лицо:

– Вы просто капризный, избалованный ребенок. Убирайтесь вон!

Я женщина.

– Я вам не отец и не психоаналитик. Идите и узнайте, что там делается в полночь по понедельникам. Вот мой единственный совет.

Лукреция пристально смотрит на него. И через силу произносит:

– Почему вы так нужны мне?

– Потому что у вас нет того, что как раз и составляет мою силу. Женской интуиции.

Он выключает компьютер и поворачивается к ней спиной.

– Хорошо! – рычит она в бешенстве. – У вас она есть, а у меня нет! Так научите меня! Объясните, как пробудить в себе эту пресловутую «женскую интуицию»!

Исидор нехотя оборачивается.

– Это очень просто. Надо подключиться к «внутреннему я», к тому «я», на которое никто не имеет влияния, к тому «я», которое все чувствует, замечает детали и знаки, невидимые для остальных. Я почувствовал здесь что-то странное. Пойдите в «Театр Дария» в понедельник в полночь! Все!

Раздается громкий плеск, дельфин выпрыгнул из воды. Лукреция набирает в грудь воздуха и выпаливает на одном дыхании:

– Очень жаль, Исидор! Я была о вас лучшего мнения. Вы строите из себя всезнайку, а на самом деле вы всего лишь несовременный, оторванный от настоящей жизни человек, который сидит в своей башне из слоновой кости. Вам только кажется, что вы все понимаете. Я ошиблась в вас, Исидор. Обещаю больше вас не беспокоить.

На лице Исидора разочарование.

– Я так и знал, что вы меня не слушаетесь.

Он раздевается, бросается в бассейн и начинает плавать с дельфинами, не обращая на нее больше никакого внимания.

Несколько минут она смотрит на него, потом поднимается по мостику и выходит.

Зато он открыл мне свой секрет: слушать себя и не поддаваться постороннему влиянию. Даже его влиянию!

Верблюжонок спрашивает у мамы:

- Почему у меня такие огромные ноги и на каждой по три пальца?
- Чтобы не проваливаться в песок, пересекая бескрайние пустыни.
- А-а... Понятно.

Через несколько минут верблюжонок опять спрашивает:

- А почему у меня такие густые брови?
- Чтобы в глаза не попадала пыль.
- А-а... понятно.

Еще через несколько минут верблюжонок снова спрашивает:

- А зачем мне большой горб на спине?

Мама-верблюдица устала от вопросов, но все-таки отвечает:

– Мы храним в нем воду для долгих переходов по пустыне. Благодаря этому мы можем не пить много десятков дней.

– Значит, если я правильно понял, у нас большие ноги, чтобы не проваливаться в песок, густые брови, чтобы защитить глаза от пыли, горб на спине, чтобы хранить воду во время долгих переходов по пустыне... Мама, а скажи мне еще...

- Что, дитя мое?
- Зачем нам все это тут, в зоопарке?

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

Лукреция хорошо подготовилась. На ней черная кожаная куртка, черные спортивные брюки, черная шапочка, удобная обувь, рюкзак.

Понедельник. Близится полночь.

С террасы кафе она смотрит на «Театр Дария». Пока ничего подозрительного. В окнах темно, дверь закрыта, улица перед театром пустынна.

Какая я дура, что послушала его!

Исидор – конченный человек, он только и умеет, что умничать с важным видом, а на деле одни понты. Как же, «женская интуиция»... Сидит, оторванный от мира, в водонапорной башне и ничего не видит, ничего не понимает, ничего не знает. Надутый индюк.

Лукреция ждет. Справа проходит группа студентов. Они курят и смеются.

Она вспоминает себя в их возрасте. Она как раз вышла из приюта. Это тоже случилось первого апреля.

Проклятое первое апреля.

Ей было восемнадцать лет. У дверей приюта стояли пятеро мужчин, разговаривали и курили. Все девочки знали, что это сутенеры.

Словно гиены, которые ждут, когда детеныши газели выйдут на опушку леса.

Приют никак не помогал воспитанницам устроиться в жизни. Девушки выходили из его дверей с чемоданом и пятью сотнями евро, не зная, где провести ближайшую ночь.

Спрос рождает предложение, и вокруг воспитательного заведения для сирот со временем образовалась целая система по переподготовке «ненужных детей».

В нее входили недорогая гостиница, в которой девушки могли остановиться на первое время, недорогая же закусочная и, что совершенно логично, ночной клуб.

Юные сироты проводили первую ночь в отеле, лукаво названном «Пристанище», потом ели в ресторанчике «Оазис». Именно там обычно им предлагали место официантки, а потом и танцовщицы в ночном клубе «Черная сова».

Путь, пройденный матерью Дария, не сильно отличался от того, который ждал воспитанниц приюта.

Затем сутенеры и дилеры делили добычу. Дилеры сначала совращали девушек, потом подсаживали на наркотики и передавали сутенерам. Лукреция тоже провела первую ночь взрослой жизни в «Пристанище» и пообедала в «Оазисе», но дальше пошла другой дорогой. Лукреция не стала официанткой, она разбила подбородок владельцу ресторана. Лукреция не стала танцовщицей в «Черной сове», она сломала руку вышибале и подожгла ночной клуб. Лукреция не стала проституткой, а выстрелила в ноги сутенеру, который хотел «помочь ей найти место».

И стала ночевать под мостом.

Она решила обучиться новой профессии.

В первую очередь она жаждала самостоятельности. Если уж работать, то на себя. Сначала она занялась карманными кражами, потом воровством, потом воровством со взломом.

Юная Лукреция орудовала по ночам в пустых виллах и замках. Она придумала себе удобный неброский рабочий костюм. Объект она выбирала по переполненным рекламой почтовым ящикам, по ступеням, покрытым пылью, по закрытым ставням. Она находила и обезвреживала систему безопасности. Залезала в окна и брала те вещи, которые легко было продать знакомой перекупщице антиквариата. Почтенная дама восьмидесяти лет отметила способности Лукреции и посоветовала ей двигаться дальше. Она обучила ее благородной профессии взломщика сейфов.

«Каждый сейф придуман человеком. Пойми его создателя, и ты поймешь механизм. Представь, что сейф – это мозг человека, которого ты хочешь подчинить себе. Мысленно подбирай ключи, пока не найдешь подходящий. Остальное – дело техники».

Лукреция пришла в восторг от этого урока и переквалифицировалась во взломщицу самых сложных сейфов. Она находила их везде – за картинами, за фальшивыми перегородками, за огромными шкапами. А потом перебирала в уме ключи.

Так она заработала себе на однокомнатную квартиру в Камбре и начала вести почти нормальную жизнь. Она считала себя «независимым индивидуальным предпринимателем», оптовым торговцем подержанными вещами.

Юная Лукреция так и продолжала бы свою криминальную карьеру, если бы не один случай. Как-то она забралась на виллу, которая казалась пустой, и столкнулась с ее владельцем, как назло решившим в тот вечер переночевать дома.

Это был тщедушный человечек, с которым она легко могла бы справиться, но он предложил ей просто поговорить, объяснив, что страдает бессонницей и что ее ночной визит ему даже приятен.

Юная Лукреция пришла в замешательство. Когда прошел первый страх, она почувствовала интерес – и, почувствовав, что ей ничто не угрожает, решила принять предложение хозяина дома.

Человек в пижаме рассказал ей, что занимается делом, которое когда-то безумно его интересовало, а теперь кажется скучным. Он работал главным редактором местной газеты.

Они проговорили всю ночь. Человек в пижаме рассказал, что профессия, которой раньше занимались люди, стремившиеся рассказать людям нечто новое, теперь отдана на откуп папенькиным сынкам и дочкам, лентяям, бездельникам, скептикам, а главное, невеждам.

Человек в пижаме был страшно разочарован.

Он объяснил, что в наши дни журналистами становятся так же, как чиновниками. Контроль над прессой отсутствует, репортеры пишут как бог на душу положит, не проверяя фактов и воруя чужие сюжеты. Ни профессиональной этики, ни желания принести пользу больше нет.

Человека в пижаме звали Жан-Франсис Хельд. Когда-то он был знаменитым военным корреспондентом в «Современном обозревателе». Его должны были назначить редактором рубрики, но должность отдали интриганке Кристиане Тенардье. Хельд уехал в провинцию и стал главным редактором «Северного слова». Он потерял веру в справедливость, а поведение коллег вызывало у него такое отвращение, что он с нетерпением ждал выхода на пенсию.

Он угостил Лукрецию сливовым ликером и стал расспрашивать о ее жизни.

Почувствовав к ночному собеседнику удивительное доверие, Лукреция решила играть в открытую и рассказала ему о приюте, о своих скитаниях, о воровстве. На это Хельд сказал, что она, по крайней мере, смела и не боится действовать. А это достоинства встречаются редко и, как он считает, очень важны для профессии журналиста.

Хельд предложил Лукреции работу. Он считал, что у хорошей воровки больше шансов стать хорошим журналистом, чем у любого другого. «Статья ничего не стоит, если ты не был на месте событий», – утверждал он. Он брался обучить ее писать и фотографировать, если она согласится работать в его журнале.

– Да я двух слов связать не могу!

– Это может любой. Действуй согласно правилу пяти «W»: Who? What? When? Where? Why? Кто? Что? Когда? Где? Почему? Ты начинаешь с вопроса: «Что произошло в ночь на пятое ноября на улице Акаций?» Затем вводишь персонажей: «Может быть, об этом знает мэр города Камбре?» И отвечаешь на пять вопросов. «Так как он в этот день...» и так далее. И завершаешь вопросом: «А может быть, проблема в государственном финансировании?» Проблему

государственного финансирования можно пристегнуть к чему угодно. И надо бить по местным депутатам – это нравится читателям.

– И все?

– Конечно. Вот увидишь, даже если ты воспользуешься только половиной моих советов, этого будет более чем достаточно. В стране слепых одноглазый – король! И провидец.

Лукреция решила довериться судьбе. Решка – журналистка, орел – воровка. Монетка улетела высоко под потолок и долго не падала. На следующее утро Жан-Франсис Хельд взял ее репортером в газету «Северное слово» в рубрику «Мелкие происшествия». Первое же задание открыло для Лукреции новый мир.

Ей безумно понравилось проводить расследования, писать, фотографировать. Она интересовалась всем.

Жан-Франсис Хельд научил ее находить ключ к любому собеседнику.

За несколько месяцев Лукреция стала известна на весь город. Там, где другим журналистам хватало информации из официальных источников, она полагалась на чутье, вникала в суть и раскапывала сенсацию. Она обожала криминальные расследования и раскрыла два убийства, опередив полицию. Разоблачила коррумпированных муниципальных чиновников. Обнаружила предприятия, загрязнявшие воздух.

Лукреция обличала мошенников и защищала тех, кто пал жертвой несправедливости.

– Ты превзошла мои самые смелые ожидания, – признался Жан-Франсис Хельд. – Но не путай профессию журналиста с работой судьи. Ты не должна вершить закон. На тебя жалуются. Нельзя безнаказанно лезть в дела местных князьков и выставлять их на посмешище.

Юная Лукреция прикинулась, что не понимает. Жан-Франсис Хельд был вынужден расставить все точки над «i». Один из героев разоблачительной статьи Лукреции оказался другом владельца газеты. Который просто потребовал ее немедленного увольнения.

Жан-Франсис Хельд сказал ей тогда:

– Я слишком горжусь тобой, чтобы бросить на произвол судьбы. Возьми это письмо, отдай его главному редактору «Современного обозревателя». Оно должно помочь тебе. – И негромко добавил: – Добившись успеха, не останавливайся. Иди вперед.

Рекомендательное письмо сыграло свою роль. Лукрецию взяли на испытательный срок (с почасовой оплатой) в редакцию «Общество», в раздел «Наука». Это было единственное свободное место.

Лукреция совершенно не интересовалась наукой, но подумала: «Я не могу обмануть доверие Жана-Франсиса Хельда».

Вот как все начиналось. И вот почему она сегодня здесь.

Она маленькими глотками пьет крепкий кофе – и вдруг замечает, что обстановка на улице меняется. Множество роскошных автомобилей медленно проезжают мимо «Театра Дария» и сворачивают в переулок за ним.

Лукреция смотрит на часы. Без пяти двенадцать. Она расплывается, надевает рюкзачок и идет к переулку. Она быстро находит въезд для грузовых машин, через который можно проникнуть во двор, где находится автостоянка. Там уже стоит несколько лимузинов, из которых высаживаются люди в вечерних туалетах.

Служебный вход в здание освещен. Наверное, частная или корпоративная вечеринка. Но люди, заходящие в театр, не похожи на родственников или коллег. Это мужчины в смокингах и молодые женщины в длинных платьях. У входа охранники в розовых костюмах проверяют пригласительные билеты.

Поняв, что ее не пропустят, Лукреция решает проникнуть внутрь через чердак. Она лезет вверх по водосточной трубе, перебирается с одного здания на другое и оказывается на крыше

«Театра Дария». Проходит по освещенному луной кровельному железу – и думает, как, должно быть, приятно кошке прыгать высоко над головами людей.

Она находит слуховое окошко, взламывает его и проникает внутрь. Бежит по коридорам верхних этажей и оказывается прямо над сценой, на колосниках. Отсюда она увидит все, оставаясь незаметной.

Лукреция наводит объектив «никона» с фокусным расстоянием в двести миллиметров на лица присутствующих. В зале, рассчитанном на полтысячи зрителей, находится двести или триста человек.

Ринг неожиданно освещается, и над ним включается большой экран. Тадеуш Возняк поднимается на ринг и берет микрофон.

– Наступила минута, которой мы все ждали. Это интересней, чем петушинные бои, интересней, чем бокс, интересней, чем казино, лошадиные бега и покер. Это великий турнир «ПЗС»! «Пуля За Смех»! Проигравшему достанется пуля двадцать второго калибра из пистолета Benelli MP 95E в упор, прямо в висок!

Шквал аплодисментов.

– А победитель получит не тысячу, не десять тысяч, не сто тысяч... а миллион! Да-да-да! Тот, кто сумеет рассмешить противника, получит миллион евро.

Публика возбужденно скандирует:

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

– Итак, миллион евро наличными или пуля? Кому что достанется?

Лукреция устраивается поудобнее, проверяет настройки фотоаппарата, открывает на максимум диафрагму, чтобы использовать весь имеющийся свет.

Эта дурацкая женская интуиция его не подвела. И в который раз. Он бесит меня. С другой стороны, это и к лучшему. Тенардые хочет сенсации. Думаю, я подброшу ей «жареный» матерьяльчик.

Тадеуш Возняк в отлично сшитом розовом костюме жестом успокаивает аудиторию.

– Дамы и господа! Сегодня у нас три дуэли «ПЗС». Итак, первая пара. Это Жин Ми, недавняя победительница официального соревнования Лиги импровизации...

На ринг поднимается фигура в маске, плаще и капюшоне.

Надо же, они соблюдают анонимность.

– Жин Ми совсем недавно получила прозвище Пурпурный Тарантул. Поприветствуем ее.

Жин Ми откидывает капюшон и кланяется.

Затем появляется вторая, более коренастая фигура; над маской торчат непослушные волосы.

– Она встретится с Артусом по прозвищу Белозубый Палач.

Артус поднимает руки в знак победы и скалится, словно готовый укусить хищник.

– Артус, что ты купишь на миллион евро?

– Этот театр.

В зале раздается смех.

– Отлично, уже смешно. Очень многообещающе. А ты, Жин Ми, что ты купишь на миллион евро?

– Ресторан для моей семьи. Будем делать суши.

– Но мне кажется, суши – это японская, а не китайская еда.

– А много ли японских ресторанов держат японцы?

Снова раздается смех.

– Очень смешно. Браво. Начинаем поединок. Ставки принимают наши очаровательные распорядительницы, «девушки Дария».

По проходам идут полуобнаженные девушки с плетеными корзинками, собирают деньги и

выдают розовые билеты. На большом экране крупным планом появляются лица противников в масках, ниже бегут цифры.

Понятно, суммы ставок.

– Дуэль «ПЗС» начинается! – объявляет Тадеуш.

Звонит колокол, это означает, что ставки больше не принимаются, лампы вокруг сцены вспыхивают на полную мощность. Дуэлянты выходят на середину ринга и по знаку Тадеуша пожимают друг другу руки.

Тадеуш просит их выбрать цвет.

– Черный, – говорит Артус.

– Белый, – отзывается Жин Ми.

Она опускает руку в мешок и достает белый камешек. Ей начинать.

Соперники садятся в кресла. Две роскошно одетые девушки пристегивают их руки и ноги кожаными ремешками так, чтобы нельзя было пошевелиться. Затем девушки подкатывают к каждому креслу тяжелый штатив, к которому привинчен пистолет. В висок каждому из противников упирается ствол, к курку подсоединен электрический провод, ведущий к пульта дистанционного управления.

Ассистентки укрепляют датчики на сердце, шее и животе дуэлянтов.

У Лукреции перехватывает дыхание. Ее мозг отказывается воспринимать картинку, которую посылают ему глаза.

– Напоминаю правила «ПЗС», – продолжает Тадеуш Возняк. – Каждый из соперников по очереди рассказывает анекдот. Противник слушает. Датчики, установленные на коже, определяют изменения электроколебаний, поступающих на гальванометр. Шкала имеет двадцать делений. Если один из дуэлянтов засмеется и электроколебания превысят девятнадцатое деление, на спусковой крючок поступит сигнал. Тот, кто сумеет вызвать смех, будет жить. Тот, кто не сумеет сдержать смех, умрет.

По залу пробегает нетерпеливый гул. На экране, под изображениями лиц, появляются линии, обозначающие уровень электроколебаний.

К дулу пистолетов прикреплены микрофоны.

По сигналу Жин Ми рассказывает первый «пристрелочный» анекдот о сексуальных повадках кроликов.

Линия Артуса почти неподвижна, колебания едва достигают одиннадцатого деления – это значит, что он уже слышал этот анекдот или он ему кажется несмешным. Теперь очередь Артуса. Он рассказывает анекдот о проститутках. Ему везет чуть больше – линия Жин Ми останавливается у тринадцатого деления.

Дуэлянты пристально смотрят друг на друга.

Анекдоты сыплются как из рога изобилия – анекдот о лесбиянках, анекдот о бельгийцах, непристойный анекдот, абстрактный английский анекдот.

Соперники обстреливают друг друга анекдотами о блондинках, но их линии не идут дальше пятнадцатого деления.

Кто-то в зале выкрикивает девиз, который быстро подхватывают все остальные:

– Смеши или умри!

Жин Ми изо всех сил пытается найти брешь в обороне Артуса, но безуспешно.

– Смеши или умри! Смеши или умри! – бушует зал.

Жин Ми понимает, что нужно рисковать, и бросается в лобовую атаку. Ее анекдот ставит под сомнение сексуальную ориентацию соперника.

Это неожиданно срабатывает. Колебания на датчиках удивленного Артуса доходят до семнадцатого деления, зал ревет. Но Белозубый Палач подавляет желание засмеяться, до крови

прикусив язык.

В ответ он рассказывает длинный запутанный анекдот. Китайка не понимает, куда Артус клонит, но развязка дает блестящий результат. Показания гальванометра подскакивают вверх. Колебания доходят до шестнадцатого деления, и публике кажется, что это все. Но на Жин Ми накатывает вторая волна смеха, линия ползет дальше. Семнадцатое, восемнадцатое, девятнадцатое деление. Звучит выстрел. Пуля разносит череп юмористке-любительнице.

Зрители вскакивают в едином порыве и издают рев, как в древние времена, когда на арене цирка погибал гладиатор.

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

Победителя награждают оглушительными аплодисментами.

– Вот такой убойный юмор! – объявляет Тадеуш Возняк. Он поднимается на сцену, отвязывает победителя, бросает на тело погибшей красный цветок и жестом приказывает убрать труп.

Лукреция в бешеном темпе делает снимки. Ее руки дрожат.

Это невозможно! Я не только удивлю Тенардые, но и получу премию за лучший репортаж года. В первом ряду сидит несколько знаменитостей!

– Победил Артус, Белозубый Палач. Вот сумка с миллионом евро, не облагаемым налогами, мелкими купюрами... Хотя, между нами, чтобы купить этот театр, нужно, как минимум, вдвое больше. Тебе придется выиграть еще один турнир.

Победитель берет сумку и обнажает в улыбке белые зубы, слегка порозовевшие от крови, сочащейся из прокушенного языка. Он нагибается, подбирает что-то с пола и показывает залу найденный на ринге предмет. Это сережка его соперницы.

Потрясенная Лукреция фотографирует. Неожиданно она начинает задыхаться, у нее кружится голова. Не в силах больше сдерживаться, она выскакивает на крышу, ее рвет. Содержимое ее желудка остается на крыше театра.

Психи! Это просто психи!

Лукреция снова пролезает в слуховое окно, петляет по коридорам и выходит к двери, которая ведет к колосникам. Она идет по лестницам и осматривает пространство за кулисами театра.

В зале «девушки Дария» выдают деньги тем, кто поставил на Белозубого Палача.

Когда Лукреция проходит мимо гримерок, позади нее раздается голос:

– Что вы здесь делаете, мадемуазель Немрод?

1012 год до нашей эры

Империя майя.

Обсерватория Чичен-Ица

Астрономы, собравшиеся в зале предсказаний, пытались узнать будущее.

Один из них, по имени Ицтачихуатль, был удивлен необычным расположением звезд. Он принялся искать ответ в картах, потом в календарях и наконец взволнованно заявил:

– Мир погибнет через 2480 лет.

Все астрономы майя прильнули к телескопам и стали рассматривать звезды, но не увидели ничего особенного.

– Ты говоришь глупости, Ицтачихуатль. Ничто на небе не предвещает катастрофы.

Тут пришел великий жрец. Он посмотрел карты и заявил:

– Ицтачихуатль прав. Мир исчезнет именно через 2480 лет. В среду, около одиннадцати часов утра.

Никто не осмелился спорить с великим жрецом. И все писцы майя выбили на каменных таблицах, выложили камешками и записали на пергаментях, что мир погибнет в такой-то день и в такой-то час.

Все майя начали жить в режиме страшного обратного отсчета, означавшего гибель цивилизации.

Ицтачихуатль потом говорил, что он сказал это просто так, для смеха, что он просто решил пошутить, но никто уже не мог подвергнуть сомнению слова, подтвержденные самим великим жрецом.

Это событие имело важнейшие последствия для цивилизации майя, поскольку 2480 лет спустя, в среду, около восьми часов утра, согласно предсказаниям астрономов и по приказу властвовавшего в тот момент царя, майя, не дожидаясь конца света, решили уничтожить сами себя.

По необъяснимому совпадению они приняли решение погибнуть как раз накануне появления в их краях первых конкистадоров. В 1492 году по испанскому календарю.

Гораздо позже заговорили о цивилизации, исчезнувшей таинственным образом. И никто не догадался, что она погибла из-за неудачной шутки.

Ицтачихуатль изобрел разрушительный юмор.

Великая Книга Истории Смеха.

Источник GLH

В голосе того, кто задал вопрос, нет агрессии. Ему просто интересно.

– А вы-то сами что здесь делаете? – спрашивает удивленная Лукреция.

Он отвечает так, словно речь идет о чем-то само собой разумеющемся:

– Я участвую в турнире «ПЗС». Кажется, в третьем раунде.

– Но это же очень опасно!

Себастьян Доллен едва заметно улыбается.

– Я бы сказал, это смертельно опасно.

– Не делайте этого, умоляю вас.

Комик берет Лукрецию за руку, ведет в гримерку и закрывает дверь на ключ, чтобы им никто не помешал.

– У меня нет выбора. Либо это, либо нищета. Знаете, сколько получит финалист? Миллион! Миллион евро за правильный анекдот, рассказанный в правильный момент! Отличная причина попытаться блеснуть остроумием! И потом, то, что Дарий украл у меня, тянет как раз на эту сумму. Я просто верну себе старый должок, – говорит он, усмехаясь.

– Но вы погибнете!

– Если уж так суждено, то я погибну, занимаясь любимым делом на глазах благодарных зрителей! Чего еще можно желать?

Себастьян Доллен садится к окруженному лампочками зеркалу и начинает гримироваться. Он еле заметно улыбается.

– А насчет Дария вы были правы.

– Что?

– Это действительно убийство.

– Откуда вы знаете? Вы его убили?

– Нет, не я. Я уже говорил, что у меня не хватило бы на это смелости. Но я знаю, кто убийца.

В этот момент в динамиках в зале и в гримерках звучит объявление о начале второго раунда «ПЗС».

– Занимайте ваши места! Шоу продолжается. Во втором раунде встречаются победитель предыдущего раунда Артус Белозубый Палач и Кати Серебристая Ласка. Напоминаю, что Кати уже нескольких недель остается абсолютной чемпионкой...

Слышны овации, Тадеуш продолжает:

– Затем победитель второго раунда скрестит шпаги с опытным мастером, с Себастьяном по прозвищу Ученый.

Лукреция бормочет:

– Я хочу сказать, что...

– Тише! Мне нужно следить за поединком, иначе я не пойму, как выиграть.

Он прибавляет звук.

Они молча смотрят друг на друга, прислушиваясь к тому, что происходит на ринге.

– Скажите хотя бы... – шепчет Лукреция.

– Тише!

Себастьян Доллен достает блокнот и записывает. В динамиках раздается треск. Артус рассказывает непристойный анекдот.

– Ага! Он начал с того, что принесло ему успех в предыдущем раунде.

Кати отвечает абстрактным анекдотом.

Лукреция вдруг понимает, что это поединок не только стратегов, но и психологов.

Это больше напоминает партию в шахматы, чем словесную дуэль. Мало быть просто остроумным, нужно нащупать слабое место противника.

Белозубый Палач рассказывает анекдот про психов. Серебристая Ласка начинает смеяться, но до выстрела дело не доходит. Толпа скандирует:

– Смеши или умри!

Лукреция вздыхает:

– Артус очень силен, он владеет искусством...

– Тихо, я слушаю, – прерывает ее Себастьян, делая пометки в блокноте.

Кати собирается с силами и отвечает детским анекдотом про лягушек. Результат почти нулевой.

– Она выиграет, – говорит Себастьян Доллен со знанием дела.

Артус рассказывает анекдот про гомосексуалистов.

Кати отвечает анекдотом про блондинок, который заставляет Белозубого Палача фыркнуть. Смех усиливается, усиливается и... заканчивается звуком выстрела.

Зал взрывается.

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

Слышатся голоса «девушек Дария», которые идут по рядам, раздавая выигрыш.

Тадеуш Возняк вновь берет микрофон.

– В третьем раунде «ПЗС», как я уже говорил, мы увидим схватку победительницы – Кати Серебристой Ласки и Себастьяна Ученого.

Шум усиливается, перерастая в вопль:

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

Лукреция вздрагивает.

Они жаждут крови. Они требуют смерти за смех! Ничего ужаснее я не видела в жизни.

Себастьян встает, одергивает пиджак и надевает маску.

– Не ходите! – умоляет его Лукреция.

– Слишком поздно! Не переживайте, я выиграю. Мне кажется, у этой Серебристой Ласки не такие уж острые зубки.

Он перечитывает свои записи, словно генерал, оценивающий урон, нанесенный неприятелем. Несколько раз подчеркивает шутку, позволившую Кати выиграть.

– Неплохо, неплохо. Она сильнее, чем кажется на первый взгляд.

Он отмечает анекдоты, над которыми Ласка начинала смеяться. Это бреши в ее обороне, именно там он собирается нанести удар.

– Если вы проиграете, я не узнаю имени убийцы...

– Как я могу проиграть? Я же профессионал.

Он поправляет узел галстука.

– Ладно!.. Вообще-то я могу назвать убийцу прямо сейчас.

– Думаю, это будет разумно.

– Но на этом ваше расследование закончится. Будет обидно...

– Перестаньте надо мной издеваться.

Из динамиков звучит голос:

– Себ, на сцену!

Толпа беснуется.

– Себ! Себ! Себ!

– Увы, мне пора. Я назову вам имя после дуэли.

Он берется за ручку двери.

– Нет, пожалуйста, сейчас, – умоляет Лукреция, едва сдерживаясь, чтобы не броситься на комика с кулаками.

– То есть вы считаете, что я могу проиграть? Так, Лукреция?

– Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Всегда есть место случаю... Назовите имя.

Себастьян Доллен становится очень серьезным.

– Мне кажется, вы не поняли, с кем имеете дело, мадемуазель. Я великий комик. Я алкоголик, я разорен, но я профессионал. И не боюсь соперничества с любителями, пусть даже смелыми и везучими. Я скоро вернусь и открою вам имя убийцы Дария. Обещаю.

Он смотрит на Лукрецию и ободряюще улыбается.

– Вы боитесь, не так ли? Не знаю, что пугает вас больше – моя смерть или возможность упустить информацию.

– Ваша смерть...

– М-м-м... Вы красивы. Поцелуйте меня. Если мне суждено погибнуть, то пусть хотя бы на моих губах останется вкус вашего поцелуя.

Лукреция сначала колеблется, потом целует его настоящим, долгим, страстным поцелуем. Из динамиков доносятся вопли толпы:

– Себ Ученый! Себ Ученый!

– Себастьян, кто убил Дария?

Господи, так бы и двинула ему, чтобы он наконец говорил! Спокойно, продолжаем использовать ключ «обольщение».

Себастьян Доллен гладит ее длинные рыжие волосы. Лукреция думает, что не зря сходила к парикмахеру.

– Слушайте внимательно. С незапамятных времен идет борьба между смехом тьмы и смехом света. Дарий принадлежал к лагерю тьмы. «Архангел Михаил поразил копьем дракона».

– Что это значит?

– Несмотря на свой розовый смокинг и прекрасные манеры, Дарий на темной стороне. Настоящие злодеи всегда выглядят привлекательно.

– Себ! Себ! Себ! – ревет толпа с возрастающим нетерпением.

Себастьян Доллен приходит в восторг. Он делает глубокий вдох, словно наслаждается ароматом чудесного блюда.

– Сюда стоило прийти хотя бы для того, чтобы услышать, как зал скандирует мое имя! Вы не находите, дорогая мадемуазель Немрод? Сегодня день моей славы, быть может, последний. Пора идти под свет прожекторов.

Он целует ей руку.

– Себ, умоляю!.. Скажите, кто убил Дария?

– Триста...

– Триста чего?

– Не триста, а Тристан Маньяр. Это имя убийцы.

Уф! Ну, вот и все. Дело сделано. Я победила. Я знаю имя убийцы! Кристиана Тенардьё будет гордиться мной. Меня возьмут в штат.

Но первый восторг проходит, и Лукреция удивляется, что комик вдруг так просто сообщает имя убийцы. Ей это кажется странным.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)